

T. 3

СОБРАНІЕ ВОЛЬФА.

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ.

—
СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

—
ТОМЪ I.

Antoni Łukaszewicz

<http://rcin.org.pl>

СЪВЪЗЪТЪ

А. ПИСЕМСКАГО

СОЧИНЕНІЯ
А. ПИСЕМСКАГО.

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ біографією и портретомъ автора на стали.

ТОМЪ I.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

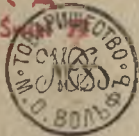
INSTYTUT

BADAŃ LITERACKICH PAN

BIBLIOTEKA

00-350 Warszawa, ul. Nowy Świat

Tel. 26-68-63

ИЗДАНИЕ ТОВАРИШЕСТВА «М. О. ВОЛЬФЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостивый дворъ, № 17 и 18.

Петровка, д. Михалкова, № 5.

1883.

27.186/1-2

Типографія Товарищества „М. О. Вольфъ.” (Спб., Вас. Остр.,
16 л., д. № 5).

<http://rcin.org.pl>

ОГЛАВЛЕНІЕ I-ГО ТОМА.

	СТР.
Тюфяевъ	1 — 264

А. Э. ПИСЕМСКІЙ,

какъ художникъ и простой человекъ.

(Критико-біографическій очеркъ *).

I.

Зиму 1849—50 г. мнѣ пришлось прожить въ одномъ изъ губернскихъ городовъ нашего поволжья. Время было довольно неопредѣленное. Только-что прогремѣла революція 1848 г. въ Парижѣ, подымая за собой народныя массы въ бѣльшей части европейскихъ столицъ—въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Неаполѣ и друг. и неожиданно обнаруживая, какъ много существовало въ нихъ, подъ покровомъ обманчивой тишины и внѣшняго благочинія, недовольства порядками жизни и политическихъ страстей. Ничего подобнаго у насъ не встрѣчалось. Наша тишина была неподдѣльная, испытанная. Начиная съ

---

*) Предлагаемый очеркъ былъ напечатанъ, около трехъ лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Издатели наши полезнымъ предпослать этотъ очеркъ полному собранію сочиненій А. Э. Писемскаго, потому что въ немъ сдѣлана наиболѣе вѣрная оцѣнка личности писателя и особенности его дарованія, что проливаетъ должный свѣтъ на всѣ произведенія Писемскаго.

богатѣйшаго земельного собственника и черезъ весь рядъ именитаго и зауряднаго чиновничества до послѣдняго торгоша на улицѣ, всѣ въ одинъ голосъ гордились и радовались тому, что политическіе бури и ураганы никогда не досягаютъ и никогда не достигнутъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, нашихъ предѣловъ. Нашлись, однакоже, мудрецы, которымъ было мало этого. Относительно спокойствіе государства и общества къ дѣйствию одного крѣпостнаго права, которое они поэтому и возвели въ непререкаемый догматъ русской жизни, мудрецы еще думали, что къ выраженіямъ народнаго патріотическаго настроенія должно относиться дружелюбно, но дѣйствовать такъ, какъ будто его вовсе и не оказывалось. Вѣдь нельзя же, говорили они, полагать, что волны европейскихъ событій никогда не докатятся до насъ и не подроютъ гдѣ нибудь втихомолку основъ, на которыхъ построена наша жизнь. Правильно понятый патріотизмъ искать такихъ опасныхъ подземныхъ теченій и благодарить тѣхъ, которые ихъ открываютъ.

Результаты теоріи извѣстны. Кромѣ всего прочаго, явились подозрительныя отношенія къ наукѣ, враждебное настроеніе противъ утопистовъ, идеалистовъ, ученыхъ, расплодившихся безъ мѣры и безъ вѣдома правительства подъ сѣнію университетовъ. Цензура печати наравнѣ съ цензурою нравовъ и убѣжденій отданы были на произволъ всѣмъ «вѣдомствамъ» и всѣмъ частнымъ лицамъ, которыя обнаружили бы къ ней охоту и способности.

Такъ продолжалось до конца крымской кампаніи, когда возникло движеніе, возвѣстившее наступленіе новаго общественнаго періода. Въ этотъ грозный промежутокъ времени замолкли и, такъ называемые, дѣя-

тели сороковыхъ годовъ. Почти всё они состояли еще на лицо и находились въ цвѣтущей порѣ силъ; но у нихъ отобранны были, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, ихъ научныя основы и предложено замѣнить ихъ показѣсть другими, поправленными согласно требованіямъ эпохи. Образовалась умственная пустота въ общественной жизни, прерываемая обычнымъ появленіемъ журналовъ, со страницъ которыхъ несся какой то смутный говоръ, рядъ мнѣній и положеній, словно переряженныхъ или нарочно искалѣченныхъ для того, чтобы они не походили на дѣльныя мнѣнія и положенія, и не могли ввести читателей въ искушеніе остановиться на нихъ и посвятить имъ свое вниманіе.

Въ эту пору перерыва умственной жизни общества слышались голоса изъ органа М. П. Погодина и славянофиловъ, «Москвитянина», которые, при господствовавшемъ малчаніи, показали знаменіемъ времени, какъ бы указывавшимъ на скорое появленіе новыхъ силъ и литературныхъ задачъ. Вокругъ журнала, и, кажется, безъ особенныхъ стараній редактора образовалась группа молодыхъ писателей, имѣвшая своихъ критиковъ, этнографовъ, философовъ, беллетристовъ и драматурговъ, которую петербургскіе ихъ собраты приняли спервоначала за отрожденіе славянофильства, благодаря тому, что группа выказывала если не враждебность, то полное равнодушіе къ предшествующей публицистической дѣятельности западнаго кружка и искала другихъ основъ для развитія, чѣмъ онъ. Писатели, составлявшіе группу, обратились за источниками художественныхъ вдохновеній и за устройствомъ своего созерцанія къ вѣрованіямъ и бытовымъ привычкамъ народныхъ массъ. Немудрено, что эти но-

вые народолюбцы подали поводъ къ недоразумѣніямъ; дороги, ими открываемыя, близко шли около тропинокъ, пробитыхъ прежде того славянофилами. Смѣшать ихъ съ послѣдними было очень легко по общности вопросовъ, затрогиваемыхъ обоими; но существовала большая разница въ ихъ способахъ понимать народную культуру и относиться къ ней. Члены новаго кружка, почти всѣ безъ исключенія, обладали значительнымъ критическимъ чутьемъ, и это помогло имъ различать несостоятельность нѣкоторыхъ сторонъ русской жизни, хотя бы и выращенныхъ вѣками и носящихъ на себѣ печать самой почтенной древности. Исконные славянофилы постоянно избѣгали всѣхъ такихъ разоблаченій. Другое отличіе школы отъ ея первообразовъ заключалось въ убѣжденіи, что указаніе западной науки должны еще способствовать къ очищенію и къ укрѣпленію русской народности на ея родной почвѣ,—положеніе, неохотно допускаемое коренными славянофилами, которые видѣли въ немъ признакъ скрытнаго отщепенства. Обѣ партіи связывались только однимъ общимъ чувствомъ нерасположенія къ отрицанію важности народнаго быта, къ абстрактному философствованію въ области критики и публицистики, чѣмъ, по ихъ мнѣнію, отличался весь прошлый петербургскій литературный періодъ. Но и тутъ существовали еще между ними значительные оттѣнки въ мнѣніяхъ. Такъ озлобенныя выходки тогдашняго «Москвитянина» противъ петербургскихъ либераловъ, которыхъ уже вовсе и не было, далеко не выражали всѣхъ взглядовъ и убѣжденій молодыхъ сотрудииковъ журнала; но редакторъ, кажется, съ ними впрочемъ и не справлялся для подобныхъ заявленій. Какъ бы то ни было, московскій кружокъ

новыхъ дѣятелей составлялъ замѣчательное явленіе даже и по количеству весьма талантливыхъ людей къ нему пристроившихся. Онъ числилъ въ своихъ рядахъ, между другими менѣе извѣстными именами, еще А. Григорьева, Т. Филиппова, Эдельсона, Алмазова, А. Потѣхина, наконецъ, А. Н. Островскаго и А. Θ. Писемскаго. На послѣднемъ мы и остановимся.

Хорошо помню впечатлѣніе, произведенное на меня, въ глуши провинціального города,—который если и занимался политикой и литературой, то единственно сплетнической ихъ исторіей, — первыми разсказами Писемскаго «Тюфякъ» (1850), и «Бракъ по страсти» (1851) въ «Москвитянинѣ». Какой веселостью, какимъ обиліемъ комическихъ мотивовъ они отличались и притомъ безъ претензій на какой либо скороспѣлый выводъ изъ уморительныхъ типовъ и характеровъ, этими разсказами выводимыхъ. Тутъ была прямо въ глаза русская мѣщанская жизнь, вышедшая на Божій свѣтъ, торжествующая и какъ бы гордящаяся своей открытой дикостью, своимъ самостоятельнымъ безобразіемъ. Комизмъ этихъ картинъ возникалъ не изъ сличенія ихъ съ какимъ либо ученіемъ или идеаломъ, а изъ того чувства довольства собой, какое обнаруживали всѣ нелѣпые ихъ герои въ средѣ бессмыслицъ и невѣроятной распущенности. Смѣхъ, вызываемый разсказами Писемскаго, не походилъ на смѣхъ, возбуждаемый произведеніями Гоголя, хотя, какъ видно изъ автобіографіи нашего автора, именно отъ Гоголя и отродился. Смѣхъ Писемскаго ни на что не намекалъ, кромѣ забавной пошлости выводимыхъ субъектовъ, и чувствовать въ немъ что либо похожее на «затаенныя слезы» — не представлялось никакой возможности. Наоборотъ, это

была веселость, такъ сказать, чисто фізіологическаго свойства, т. е. самая рѣдкая у новѣйшихъ писателей, та, которой отличаются, напримѣръ, древнія комедіи римлянъ, средне-вѣковскіе фарсы и наши простонародныя передѣлки разныхъ площадныхъ шутокъ.

Нѣкоторые изъ мыслящихъ людей эпохи долго даже и не могли примириться съ этою веселостью; имъ все казалось, что восторги передъ голымъ комизмомъ изображеній однородны съ восторгами толпы на площади, когда ей показываютъ балаганнаго Петрушку съ горбомъ на спинѣ и другими физическими уродливостями. Такъ, весьма требовательный и весьма зоркій литературный критикъ, В. П. Боткинъ, говорилъ еще нѣсколько позднѣе, что онъ не можетъ сочувствовать писателю, который, при несомнѣнномъ талантѣ, не обнаруживаетъ никакихъ принциповъ и не кладетъ никакой мысли въ основу своихъ произведеній. Вскорѣ, однакожь, упреки эти умолки и уступили мѣсто другимъ, противоположнаго характера. Писемскій нашлъ себѣ таки въ Петербургѣ *тенденцію*; а строгій его цѣнитель пришелъ въ недоумѣніе, когда наступило у насъ полное господство *обличительной* литературы, породившее множество произведеній весьма грубаго облика, хотя и задуманныхъ иногда съ очень благонамѣренными цѣлями и задачами.

Когда я вернулся въ Петербургъ въ концѣ 1851 г., тамъ уже говорили о томъ, что Писемскій приобрѣтенъ редакціями петербургскихъ журналовъ въ участники и сотрудники. Это было только на половину правда, но все-таки составляло интересную новинку. Въ то время всеобщаго затишья и отсутствія общественныхъ интересовъ, всякая мелочь и рыбка на поверхности литера-

туры обращали на себя вниманіе. Писемскій давно уже питалъ намѣреніе бросить службу, на которой стоялъ въ Костромѣ—ассесоромъ губернскаго правленія. Успѣхъ его разказовъ заставилъ его подумать о болѣе широкой аренѣ дѣятельности и о переселеніи въ которую либо изъ нашихъ столицъ. Всѣ симпатіи его были на сторонѣ Москвы, гдѣ началась его литературная карьера и гдѣ онъ имѣлъ много друзей; но практическій его умъ подсказалъ ему мысль, что въ Москвѣ пріобрѣтается почетное имя, но только въ Петербургѣ завоевывается твердое общественное положеніе. Писемскій завязалъ отношенія съ однимъ изъ редакторовъ „Современника“, И. И. Панаевымъ, и послалъ въ журналъ свой романъ „Богатый женихъ“ (1851). Можно пожалѣть, что письма этого новаго сотрудника журнала къ Панаеву остались не опубликованными: корреспондентъ, помнится, сообщалъ въ нихъ свѣдѣнія о вкусахъ провинціальной публики и о томъ, чего она искала въ то время и какія статьи останавливали ея вниманіе. Нынѣ это было бы любопытнымъ этнографическимъ документомъ.

Между прочимъ, въ Петербургѣ уже давно поджидали Писемскаго, но осторожный авторъ „Тюфяка“ явился на берегахъ Невы только въ 1853 г., и появленію этому еще предшествовало замѣтное измѣненіе въ отношеніяхъ „Современника“ къ новому московскому кружку, собравшемуся подъ знаменемъ „Москвитянина“.

Фактъ этотъ имѣетъ нѣкотораго рода значеніе, какъ въ біографіи Писемскаго, такъ и въ біографіи другого дѣятеля А. Н. Островскаго. Надо сказать, что оба главные органа петербургской журналистики „Отечеств. Записки“ и „Современникъ“ старательно поддерживали,

послѣ смерти Бѣлинскаго, полемику съ славянофилами, не давая совершенно погаснуть огоньку, который нѣкогда освѣщаль такъ ярко положеніе литературныхъ партій и помогаль скрытному обмѣну политическихъ идей между ними. Извѣстно, что Бѣлинскій, къ концу своего поприща, склонялся признать разумность нѣкоторыхъ положеній своихъ противниковъ, но продолжатели его не хотѣли и слышать о какихъ либо уступкахъ. По своему они были правы. При томъ гнетѣ, который лежалъ на печати, единственная возможность заявить себя бодрымъ еще и дѣйствующимъ организмомъ заключалась для журналистики въ возобновеніи старой литературной полемики.

Къ подобному же заключенію приведена была и партія славянофиловъ. Борьба снова завязалась, но теперь она походила уже на струю той сказочной жпвой воды, которая имѣла сплу воскрешать мертвецовъ, ею окропленныхъ; сражались уже не живые люди, а мертвецы, что доказывалось ихъ оружіемъ: повтореніемъ старыхъ, нѣкогда столь новыхъ и яркихъ темъ, недогрѣтыми останками прежней бойкой рѣчи, намеками на давнія смѣлыя и теперь обветшавшія положенія, и проч.

Наиболѣе свѣжимъ и живымъ бойцомъ, выставленнымъ Москвою, оказался Ав. Григорьевъ, замѣчательный критикъ эпохи; но это былъ славянофилъ не очень чистой крови. Артистическая его натура часто не выдерживала аскетической принужденности, налагаемой школою, и его видѣли не разъ въ рядахъ поклонниковъ передъ западными идеями и учрежденіями. Ктому же дипломатическая сноровка, довольно сильно развитая въ обоихъ лагеряхъ, была совершенно чужда

этому правдивому человѣку, и никогда постороннія соображенія о выгодахъ или необходимостяхъ партіи не затемняли его убѣжденій и не вліяли на его приговоры. Одно изъ его смѣлыхъ положеній (и не самое важное), именно—пророчество о скоромъ появленіи на Руси *новаго слова*, которое выведетъ быдто бы литературу и общество наше на настоящую дорогу, гдѣ они и найдутъ разрѣшеніе многихъ своихъ вопросовъ и недоумѣній—было поднято петербургскими оппонентами его и послужило зерномъ полемики, продолжавшейся довольно долгое время. Въ *новомъ словѣ* Ап. Григорьева Западники Петербурга и Москвы усмотрѣли намекъ на дѣятельность кружка писателей, которые работали вмѣстѣ съ нимъ. Вся школа эта и преимущественно беллетристы ея заподозрѣны были въ обскурантизмъ, за давшемся цѣлью найти въ народномъ и полународномъ бытѣ элементы не одного драматическаго и литературнаго творчества, но и философіи, и правильнаго пониманія нравственныхъ началъ. Это было недоразумѣніе, за которое поломалось, однакоже, не мало копій съ обѣихъ сторонъ. Конецъ этому недоразумѣнію положили на петербургской почвѣ два человѣка, именно: только что вернувшійся тогда изъ-за границы (1850) И. С. Тургеневъ и недавно еще появившійся на литературной аренѣ А. В. Дружининъ. Оба они, какъ люди, воспитанные на образцахъ искусства, тотчасъ же распознали, сколько мастерства выказываетъ Островскій въ созданіи своихъ типовъ и въ изложеніи драматической интриги, сколько произведенія Писемскаго обнаруживаютъ непосредственной силы таланта, и сколько критики Ап. Григорьева заключаютъ въ себѣ проблесковъ независимой мысли и страстной потребности

всегда найти послѣднее слово и выраженіе, для точнаго опредѣленія предмета критики. Закрывать глаза на качества и дѣятельность подобныхъ людей, руководясь одними побочными соображеніями, подозрѣніями и неблагожелательствомъ къ ихъ предполагаемымъ симпатіямъ — показалось обоимъ петербургскимъ критикамъ вопіющей неправдою. Дружининъ завязалъ, отъ своего имени и не спросясь редакціи журнала, гдѣ участвовалъ („Современникъ“ — „Письма иногороднаго подписчика“), дружескія сношенія съ народившимся кружкомъ, за что и получилъ раннія симпатіи его и прозвище: честнаго рыцаря; Тургеневъ явился въ 1852 г. въ „Современникѣ“ со статьей о „Бѣдной невѣстѣ“ Островскаго, гдѣ еще осторожно, но уже достаточно ясно, выразилъ свое сочувствіе къ автору пьесы, находя въ ней много драматической правды и поэзіи, на ряду съ ловкостью и исканіемъ сценическаго эффекта. Можетъ быть, симпатіи литераторовъ петербургской окраски къ ихъ московскимъ собратамъ получили бы еще большее развитіе, если бы имъ не мѣшали сами редакціи журналовъ по закоренѣлой ихъ привычкѣ къ полемикѣ съ партіей, въ которой теперь думали видѣть прислужнику наступившихъ тяжелыхъ порядковъ времени. „Отечественныя Записки“, напр., долѣе всѣхъ упорствовали въ мнѣніи, что А. Н. Островскій служитъ представителемъ ретроградныхъ направленій, прикрывающихся именемъ „народа“, а Ап. Григорьевъ исполняетъ незавидную роль панегириста византійскихъ созерцаній. Одинъ изъ редакторовъ самого „Современника“, Панаевъ, еще говорилъ по поводу направленія, принятаго Тургеневымъ: „Надо сдерживать Ивана Сергѣевича, а то его московскимъ прославленіемъ не будетъ мѣры и

конца“, да онъ же, Панаевъ, принялъ на себя послѣ устраниннаго Дружинина (1851) и редакцію журнальнаго фельетона, снявъ съ него эклектическій характеръ сообщенный ему прежнимъ составителемъ. Какъ бы то ни было, но ледъ былъ поломанъ; путь для сближенія между передовыми людьми эпохи найденъ, и Писемскій могъ въ слѣдующемъ 1853 г. переселиться въ Петербургъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ найдетъ тамъ друзей и искреннее благорасположеніе, въ чемъ и не ошибся.

Трудно себѣ и представить болѣе полный, цѣльный типъ чрезвычайно умнаго и вмѣстѣ оригинальнаго провинціала, чѣмъ тотъ, который явился въ Петербургъ въ образѣ молодаго Писемскаго, съ его крѣпкой, коренастой фігурой, большой головой, испытующими наблюдательными глазами и лѣнливой походкой. На всемъ его существѣ лежала печать какой-то усталости, приобрѣтаемой въ провинціи отъ ея халатнаго, распущеннаго образа жизни и скорого удовлетворенія разныхъ органическихъ прихотей. Съ перваго взгляда на него рождалось убѣжденіе, что онъ ни на волосъ не измѣнилъ обычной своей фізіономіи, не украсилъ себя никакой, болѣе или менѣе интересной и хорошо придуманной чертой, не приварядился морально, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, впервые являющіеся передъ незнакомыми лицами. Ясно дѣлалось, что онъ вышелъ на улицы Петербурга точно такимъ, какимъ сѣлъ въ экипажъ, отправляясь изъ своего роднаго гнѣзда. Онъ сохранилъ всего себя, начиная съ своего костромскаго акцента („Кабинетъ Панаева поражаетъ меня великолѣпіемъ“, — говорилъ онъ послѣ свиданья съ щеголеватымъ редакторомъ „Современника“) и кончая насмѣш-

ливими выходками по поводу столпной утонченности жизни, языка и обращенія.

Все было въ немъ откровенно и просто. Онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣнїе какой-то *диковинки* посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходятъ, бросивъ на нее взглядъ, а такой, которая останавливаетъ и заставляетъ много и долго думать о себѣ. Нельзя было подмѣтить ничего вычитаннаго, затверженнаго на-память, захваченнаго со стороны, въ его рѣчахъ и мнѣнїяхъ. Всѣ сужденїя принадлежали ему, природѣ его практическаго ума, и не обнаруживали никакого родства съ ученїями и вѣрованїями, наиболѣе распространенными между тогдашними образованными людьми. Кругомъ Писемскаго въ ту пору существовало еще въ Петербургѣ много мыслей и моральныхъ идей, признанныхъ безспорными и которыя изъяты были навсегда изъ пренїй, какъ очевидная истины. Писемскїй оказался врагомъ болѣе части этихъ непререкаемыхъ догматовъ цивилизаціи. Такъ, ученїе, исповѣдуемое почти единогласно развитыми людьми всѣхъ отѣнковъ Петербурга, о правахъ жены и женщины на полную свободу, въ которой имъ отказываетъ еще современное общество — нашло въ немъ очень оригинальнаго скептика. Помню изумленїе въ кругу петербургскихъ гуманистовъ, возбужденное его мнѣнїемъ, что женщина составляетъ только подробность въ жизни мужчины и сама по себѣ, взятая единолично, не имѣетъ значенїа, что обязанности мужа къ женѣ исчерпываются возможно лучшимъ матеріальнымъ содержанїемъ ея и что серьезныя отношенїа между ними наступаютъ только съ появленїемъ дѣтей, а совсѣмъ не съ появленїа, такъ-называемой, любви, о которой

такъ много говорятъ поэты и романисты. Но это мнѣніе было только началомъ тѣхъ сюрпризовъ, которые Писемскій готовилъ своимъ слушателямъ.

Писемскій, напримѣръ, добродушно признавался имъ, что испытываетъ родъ органическаго отвращенія къ иностранцамъ, котораго побѣдить въ себѣ не можетъ. „Присутствіе иностранца,—говорилъ Писемскій,—дѣйствуетъ на меня уничтожающимъ образомъ: я лишаюсь спокойствія духа и желанія мыслить и говорить. Пока онъ у меня на глазахъ, я подвергаюсь чему-то въ родѣ столбняка и рѣшительно теряю способность понимать его“. Конечно, во всѣхъ афоризмахъ подобнаго рода многое должно быть отнесено и на обычное преувеличеніе дружескихъ разговоровъ, но все-таки присутствіе истиннаго чувства тутъ несомнѣнно. Кто же не узнаетъ въ такихъ и имъ подобныхъ словахъ Писемскаго дальніе отголоски старой русской культуры, напоминающіе строй мыслей прежняго боярства и думныхъ людей московскаго царства? Вообще, порывшись немного въ наиболѣе рѣзкихъ мнѣніяхъ и идеяхъ Писемскаго, которыя мы обзывали сплошь парадоксами — всегда отыскивались зерна и крохи какой-то давней, полу-исчезнувшей культуры, сбереженной еще кой-гдѣ въ отрывкахъ простымъ нашимъ народомъ. Самый юморъ его, насмѣшливый тонъ рѣчи, способность отыскивать быстро яркій эпитетъ для обозначенія существенной, нравственной черты въ характерѣ человѣка, которая за нимъ и остается навсегда, и, наконецъ, слово, часто окрашенное циническимъ оттѣнкомъ, сближало его съ деревней и умственными привычками народа, въ ней живущаго. Отъ нихъ несло особеннымъ ароматическимъ запахомъ развороченной лѣсной чащи, поднятаго на

соху чернозема, всѣмъ тѣмъ, что французы называютъ „*rapin de terroir*“ (запахомъ земли, почвы). При видѣ Писемскаго въ обществѣ и въ семьѣ, при разговорахъ съ нимъ и даже при чтеніи его произведеній, я думаю, невольно возникала мысль у cadaго, что передъ нимъ стоитъ историческій велико-русскій мужикъ, прошедшій черезъ университетъ, усвоившій себѣ общечеловѣческую цивилизацію и сохранившій многое, что отличало его до этого посвященія въ европейскую науку. Можно легко представить себѣ, какой интересъ представлялъ подобный типъ въ Петербургѣ.

Не смотря на духовное родство съ народомъ, Писемскій не былъ, какъ и товарищи его, о чемъ уже сказали, славянофиломъ. Онъ вывезъ только и сберегъ въ Петербургѣ гордость своимъ происхожденіемъ, въ нравственномъ смыслѣ, отъ Москвы, и затѣмъ чрезмѣрное хвастовство ею, что было ему обще со всѣми москвичами. Москву же онъ любилъ совсѣмъ не за ея святини, не за историческія воспоминанія, съ нею связанная, и громкое, всесвѣтное имя, ею носимое, о чемъ никогда и не упоминалъ, а скорѣе за то, что тамъ не принимали органическія проявленія страсти и жизненной энергіи за распутство, не обзывали преступленіемъ всякое уклоненіе отъ полицейскаго порядка и что въ городѣ, гдѣ по временамъ скоплялась цѣлая многотысячная армія изъ однихъ мужиковъ и разночинцевъ со всѣхъ концовъ имперіи, труднѣе было блюсти за чистотой нравовъ, по уставамъ благочинія. Петербургъ казался Писемскому созданнымъ на то, чтобы показать, сколько можетъ быть безжизненности въ порядкѣ и возмутительныхъ явленій подъ покровомъ чинности и стройности. Прочитавъ въ запискахъ Берхгольда о пи-

рахъ въ нѣсколько сутокъ безъ отдыха, даваемыхъ основателемъ столицы, о курантахъ, заведенныхъ имъ на башняхъ и въ извѣстные часы дня игравшихъ на весь городъ свои мелодіи, Писемскій замѣтилъ: „Петру I-му это было совершенно необходимо для того, чтобы подданные его не померли всѣ со скуки въ новомъ городѣ“. Напрасно старались друзья Писемскаго растолковать ему значеніе Петербурга по своему. Молча выслушивалъ онъ ихъ размышленія о томъ, что городъ этотъ предназначенъ исправлять народныя увлеченія, мѣшать развитію исключительнаго поклоненія своему племени, что останавливаетъ ходъ исторіи, провѣрять наукой и опытомъ смутные идеалы народныхъ массъ и проч., и проч. Писемскій отвѣчалъ большей частью на эти замѣтки шуточками, въ родѣ слѣдующей: „Можетъ быть, и точно,—говорилъ онъ,— что Петербургъ хорошій педагогъ, но я всегда ненавидѣлъ своихъ педагоговъ, хотя и боялся ихъ смертельно“.

Вообще осторожность, съ какою Писемскій держался въ сторонѣ отъ теоретическихъ и философскихъ разговоровъ, когда они завязывались передъ нимъ, показывала, что отвлеченныя идеи не имѣли въ немъ ни своего ученика, ни своего поклонника. Это подтверждалось и фактически многими проявленіями его анализирующаго ума. Писемскій удерживалъ, напримѣръ, легко замѣтки и мысли, способныя мирно уживаться съ насущнымъ умственнымъ содержаніемъ русскаго человѣка, и тотчасъ забывалъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя служили, такъ сказать, свѣточами для общечеловѣческаго развитія. Вообще онъ никогда не могъ усвоить себѣ хорошенько представленія объ этомъ общечеловѣческомъ развитіи,—мало понятномъ, по его мнѣнію, безъ ука-

занія на какой-либо народъ, цѣликомъ воплотившій его въ себя, безъ примѣси національныхъ пороковъ и особенностей, если такой народъ еще найдется на свѣтѣ! Сколько споровъ по одному этому вопросу происходило тогда!—Людей сороковыхъ годовъ, такъ много говорившихъ объ общечеловѣческомъ развитіи, Писемскій весьма уважалъ какъ двигателей общества, что и заявилъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, и даже въ цѣломъ романѣ, но онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ ихъ идеализма. Да и какъ бы онъ принялъ ихъ ученіе о единой, вселенской морали, обязательной для всѣхъ народовъ, достигшихъ извѣстной степени цивилизаціи, когда въ противность ихъ убѣжденіямъ онъ любилъ слабости, недостатки, даже дурныя природныя наклонности своего племени, носилъ слѣды ихъ въ самомъ себѣ и, понимая ихъ вполне, нисколько не раскаявался въ нихъ и всего менѣе думалъ объ ихъ исправленіи?

Прежде всего Писемскій былъ нервнымъ человекомъ въ высшей степени и состоялъ подъ деспотическимъ управленіемъ воображенія и фантазіи, которыя могли играть имъ (и играли) по своему произволу. Въ немъ не сказалось ни малѣйшихъ признаковъ дисциплины надъ собой. Онъ допустилъ развиться въ себѣ одной психической чертѣ до болѣзненности, мы говоримъ о его нервной трусливости передъ внѣшнимъ міромъ. Онъ боялся толпы на улицѣ, недовѣрчиво смотрѣлъ на всякое новое явленіе, вносимое въ жизнь прикладными науками и, на примѣръ, при открытіи желѣзныхъ дорогъ, никогда не ѣздилъ на курьерскихъ поѣздахъ, говоря, что они устроены для бѣшеныхъ людей, не знающихъ, куда дѣвать излишекъ животной своей

жизни. Его тревожили явленія и событія, возникшія даже на очень дальнихъ пунктахъ отъ мѣста его пребыванія, хотя онъ и не могъ сказать самъ, въ чемъ состоитъ тутъ опасность для него. Спасительницею Писемскаго во всѣхъ этихъ проявленіяхъ фантазіи была его жена, Екатерина Павловна. Эта примѣрная женщина умѣла успокоить его болѣзненную мнительность и освободила его не только отъ заботъ по хозяйству и воспитанію дѣтей, но что важнѣе — освободила его и отъ своего вмѣшательства въ его личную, интимную жизнь, тоже исполненную капризовъ и порывовъ; она же и переписала на свой вѣкъ по крайней мѣрѣ двѣ трети всѣхъ его сочиненій съ черновыхъ оригиналовъ, представлявшихъ всегда страшно запачканную макулатуру изъ кривыхъ строчекъ, крупныхъ каракуль и чернильныхъ пятенъ. Извѣстный нашъ рассказчикъ И. О. Горбуновъ напечаталъ очень живое описаніе *морскаго путешествія* (!), совершеннаго Писемскимъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ, по приглашенію генералъ-адмирала, желавшаго слышать нашего автора въ пре-прославленномъ чтеніи его своихъ произведеній *).

*) Кстати объ этихъ чтеніяхъ. Онъ дѣйствительно передавалъ мастерски собственныя сочиненія, находя чрезвычайно выразительныя интонаціи для всякаго лица, выводимаго имъ на сцену (въ драматическихъ его пьесахъ это выходило особенно эффектно). Также мастерски рассказывалъ онъ множество уморительныхъ анекдотовъ изъ его встрѣчъ съ разными лицами своей молодости. Подобныхъ анекдотовъ были у него цѣлые кораба и въ каждомъ изъ нихъ выражался болѣе или менѣе законченный комическій типъ. Многіе изъ этихъ типовъ были имъ обработаны позднѣе и попали въ его сочиненія. Но репутація великаго актера, которая была ему составлена въ Москвѣ и которой онъ очень гордился, не выдержала окончательной пробы. Такъ при исполненіи имъ

Выборъ палъ на „Плотничью артель“ Писемскаго, только что написанную (1855). Восточная война была тогда въ полномъ разгарѣ, и соединенный флотъ западныхъ державъ стоялъ у Кронштадта, гдѣ находился и генераль-адмираль. Писемскій предварительно пожелалъ осмотрѣть на Невѣ казенный пароходъ, который долженъ былъ перевести его черезъ *страшныя невскія пучины* и передать на адмиральскій фрегатъ. Во все время этого плаванія, лѣтомъ и при хорошей погодѣ, онъ постоянно ожидалъ бѣды съ какой-либо стороны, а на адмиральскомъ фрегатѣ съ ужасомъ смотрѣлъ на его батареи и не смѣлъ близко подойти къ нимъ, по-

роли городничаго въ «Ревизорѣ» Гоголя, данномъ на публичномъ спектаклѣ въ пользу литературнаго фонда, который былъ тогда въ большой модѣ (1860), онъ оказался слабымъ и монотоннымъ, изображая эту живую фигуру. Дѣло въ томъ, что Писемскій всегда счастливо находилъ одну вѣрную ноту въ предоставленной ему роли и по ней создавалъ все лицо исключительно, пренебрегалъ всѣми другими оттѣнками его. Однажды я былъ свидѣтелемъ, какъ Писемскій, въ присутствіи покойнаго Мартынова, вздумалъ оправдывать эту грубую, упрощенную манеру пониманія изображенныхъ лицъ и утверждалъ, между прочимъ, что геніальный создатель «Ревизора», кажется, писалъ свою комедію не для сцены, потому что въ городничемъ его безпрестанно встрѣчаются вводныя мысли и отступленія, сбивающія съ толку автора и мѣшающія ему проводить роль въ надлежащемъ единствѣ. Великій нашъ комикъ, который былъ также и очень сильнымъ теоретикомъ своего искусства, горячо возражалъ на эту мысль, объясняя пространно и чрезвычайно ясно, что всѣ эти *a parte*, побочныя мысли и подробности совершенно необходимы автору и представляютъ благодарную задачу для истиннаго актера, помогая ему высказать въ полномъ блескѣ свое дарованіе и сліяніемъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ чертъ въ одинъ полный образъ создать характеръ, способный остаться на долго въ преданіяхъ театральнаго міра. Писемскій, кажется, остался при своемъ мнѣніи.

глядывая только на нихъ издали, словно они могли грянуть и сами собой. Помню, какъ я съ непривычки былъ озадаченъ, когда однажды при началѣ нашего знакомства, возвращаясь съ Писемскимъ довольно поздно ночью съ вечера, проведеннаго у друзей, услыхалъ отъ него необычайный вопросъ: „скажите, вамъ никогда не случалось думать, подъѣзжая къ своему дому, что безъ васъ тамъ могло произойти большое несчастье?“ Не знаю, что я отвѣчалъ ему, но Писемскій прибавилъ довѣрчиво: „мнѣ часто случается стоять у порога моей двери съ замираніемъ сердца: что, если домъ ограбленъ, кто-нибудь умеръ, пожаръ сдѣлался — вѣдь все можетъ случиться“. По голосу его слышно было, что онъ говорилъ серьезно.

Тогдашняя жизнь Писемскаго въ Петербургѣ близко подходила къ жизни литературнаго пролетарія, который принужденъ безпрестанно считаться со своими средствами. Домъ его содержался въ большомъ порядкѣ, благодаря хозяйкѣ; но выдающаяся простота обстановки показывала, что экономія была тутъ не дѣломъ вкуса, а необходимости. Писемскій переносилъ стѣсненія далеко не спокойно; онъ досадовалъ на свою бѣдность и искалъ средствъ выйти изъ нея, за чѣмъ собственно и явился въ Петербургъ. На первыхъ порахъ онъ даже опредѣлился на службу въ одинъ изъ петербургскихъ департаментовъ (въ Удѣлъ, кажется), и любопытно, что позднѣе, когда покинулъ его (а случилось это очень скоро), Писемскій указывалъ на одно чиновное лицо, покровительствовавшее ему, со словами: „никогда не прощу этому человѣку того, что я старался понравиться ему и выказать себя умницей“. Въ 1856 г. онъ принялъ порученіе отъ мор-

скаго министерства ѣхать въ Астрахань, для собранія этнографическихъ данныхъ и описанія края. Вернувшись изъ поѣздки, онъ принялся опять за чисто-литературныя работы и не могъ побѣдить жалобы на малые, сравнительно, матеріальные результаты, какіе они приносили. Онъ выражалъ громко свое негодованіе на обстоятельства, которыя дѣлаютъ настоящаго производителя цѣнностей подчиненнымъ лицомъ собирателя ихъ и торговца ими. Не стѣсняясь, онъ въ глаза говорилъ издателямъ журналовъ и сборниковъ, что ихъ благосостояніе зиждется на эксплуатаціи и бѣдности ихъ сотрудниковъ и вкладчиковъ.

Никто не сердился на него за эти слова, во-первыхъ потому, что ихъ произносилъ весьма нужный человѣкъ, а во-вторыхъ потому, что въ сущности это были безобидныя слова, не способныя измѣнить обычаевъ литературнаго рынка. Но и для Писемскаго наступилъ день, когда онъ почувствовалъ, что жизненная его работа не пропала задаромъ. Въ 1861 г. одинъ изъ предпринимателей въ Петербургѣ (Стелловскій) купилъ у него право на изданіе всѣхъ его, дотолѣ появившихся, сочиненій за 8 тыс. руб.,—сумму, немаловажную по тому времени. Съ этимъ обстоятельствомъ, давшимъ Писемскому возможность почувствовать себя самостоятельнымъ писателемъ, имѣющимъ свою цѣну на литературной биржѣ, связывается еще довольно характерный анекдотъ, рассказанный самимъ героемъ его. Послѣ долгихъ и серьезныхъ преній съ своимъ издателемъ, согласившись на его условія и получивъ крупный задатокъ, Писемскому вздумалось тотчасъ же и попробовать себя въ роли капиталиста. Онъ отправился въ одно изъ пышныхъ публичныхъ заведеній столицы, гдѣ богатые

люди мотають свою жизнь и состояніе и мимо котораго онъ обыкновенно проходилъ, съ любопытствомъ посматривая на его двери. Теперь онъ шумно раскрылъ ихъ и, какъ власть имущій, гордо вступилъ въ недоступные прежде чертоги, но, встрѣтивъ тамъ нечеловѣческое подобострастіе, звѣриную алчность къ деньгамъ, тотчасъ же и очнулся. Готовность служить всѣмъ его капризамъ отрезвила его лучше всякой проповѣди и вмѣсто поощренія къ издержкамъ погнала его вонъ, къ себѣ домой... Анекдотъ хорошо рисуетъ соединеніе сильнаго практическаго смысла съ дѣтскою наивною и фантастическими порывами, которые составляли сущность характера этого человѣка.

Въ Петербургѣ Писемскій близко сошелся съ другимъ замѣчательнымъ человѣкомъ этой переходной эпохи и своимъ антиподомъ по духу и внутреннему содержанию, съ А. В. Дружининымъ, который тогда же (1857 г.) принялъ на себя редакцію обездоленнаго журнала „Библіотека для чтенія“ и черезъ годъ пригласилъ къ себѣ въ соредакторы нашего автора, почувствовавъ, что злая болѣзь (чахотка) одолеваетъ его и низводитъ въ могилу.

А. В. Дружининъ тоже принадлежалъ къ фалангѣ нашихъ писателей, которая въ трудное время не выпускала изъ рукъ знамя литературы и отстаивала ея право на голосъ и участіе въ развитіи общества, не смотря на опасности, непріятности и униженія, сопряженные съ исполненіемъ этой задачи. Позднѣйшій переводчикъ Шекспира, Дружининъ рано показалъ себя знатокомъ европейскихъ литературъ и преимущественно англійской. Онъ близко подходилъ къ типу англійскихъ эссеистовъ и, подобно своимъ первообразамъ, обнаружи-

валъ въ статьяхъ большую степенность сужденій и отвращеніе отъ всякаго рѣзкаго приговора, а еще болѣе отъ всякаго своеволія въ творествѣ, со стороны авторовъ. Суровымъ моралистомъ онъ никогда не былъ, что доказывается и оставшимися послѣ него юмористическими произведеніями довольно нецеремоннаго характера; но *консервативный* оттѣнокъ, который носила его мысль, мѣшала ей, не смотря на всю ея обработку обширнымъ чтеніемъ иностранныхъ литературъ, узнавать иногда весьма жизненные явленія современной эпохи. Писалъ онъ много, легко и скоро, думалъ, что пишетъ для высоко-культурной, развитой публики, на признательность которой уже можетъ рассчитывать. Можетъ быть, въ этомъ и кроется именно причина постигшаго его несправедливаго забвенія: онъ былъ слишкомъ вельможенъ, такъ сказать, для массы русскихъ читателей, изъ брезгливости никогда не спускался до мелочныхъ явленій литературы и не обнаруживалъ никакой страсти въ защитѣ и пропагандѣ своихъ собственныхъ воззрѣній. Будучи по характеру и по воспитанію въ одномъ военно-учебномъ заведеніи (пажескомъ корпусѣ) свѣтскимъ писателемъ по преимуществу, Дружининъ относился также очень равнодушно и иронически къ кабинетнымъ трудамъ русскихъ ученыхъ и къ задачамъ, которыя они ставятъ себѣ, въ чемъ и походилъ на стараго своего пріятеля, Сенковскаго, котораго, между прочимъ сказать, очень уважалъ. Все это приобрѣло ему нерасположеніе многихъ московскихъ кружковъ, но не помѣшало кабинету Дружинина въ Петербургѣ сдѣлаться центромъ почти всего литературнаго персонала обѣихъ столицъ и видѣть въ числѣ своихъ посѣтителей журналистовъ, критиковъ, писателей и

драматурговъ самаго разнороднаго направленія. Крімъ общей потребности у тогдaшнихъ литераторовъ жить въ единеніи другъ съ другомъ, въ виду многочислен-ныхъ своихъ домашнихъ и постороннихъ враговъ, о чемъ сейчасъ будемъ говорить, существовала еще и дру-гая причина для этого явленія. Обширная начитанность Дружинина въ западной беллетристикѣ позволяла наво-дить у него всѣ нужныя справки и давать вѣру ана-логіямъ, которыя онъ любилъ проводить между произ-веденіями различныхъ странъ, а затѣмъ онъ обладалъ еще и другимъ неопѣненнымъ качествомъ—убѣжденіемъ въ честности нашего общества и великаго труда, ему посвященнаго. Оно мирило съ нимъ и тѣхъ, которые не признавали служенія свѣтской публикѣ дѣломъ, за-служивающимъ особеннаго уваженія. Но мирное на-строеніе людей, собиравшихся у Дружинина, приходило уже къ концу. Всѣ ихъ качества, а также и качества хозяина, вскорѣ осуждены были выдержать тяжелый искусъ и рѣшительную пробу. Съ половины 50-хъ го-довъ начали появляться ясныя признаки переворота въ миѣніяхъ, возвѣщавшаго конецъ переходной эпохи и наступленіе новаго литературнаго періода. Первой по-сылкой этого новаго направленія съ идеями, накопив-шимися въ его вѣдрахъ, являлись новыя понятія, фи-лософско-общественныя; затѣмъ явилась постановка со-всѣмъ иныхъ цѣлей и задачъ, какъ для творчества, такъ и для критики его, чѣмъ тѣ, которыя занимали умы доселѣ. Случилось такъ, что новыя требованія, для борьбы съ которыми не много было всѣхъ силъ опыт-наго редактора, застали Дружинина на одрѣ болѣзни, изнемогающаго подъ ударами тяжелаго своего недуга. Журналъ „Библіотека для чтенія“, поднятый имъ изъ

праха, въ которомъ онъ долго влачился послѣ Сенковскаго, былъ переданъ имъ своему товарищу, и Писемскій такимъ образомъ очутился на давно желанной публицистической аренѣ самостоятельнымъ редакторомъ журнала и при томъ въ самую критическую минуту для литературы и общества вообще. Что изъ этого вышло,—скажемъ сейчасъ.

Но прежде позволимъ себѣ бросить бѣглый взглядъ на самую сцену, гдѣ происходило дѣйствіе, и на публику, которая была его свидѣтельницей.

II.

До 1860 года литературная и журнальная арена наша представляла, въ полномъ смыслѣ слова, праздничное зрѣлище. Извѣстно, что съ 1856 года нѣкоторое ослабленіе цензуры, произведенное совсѣмъ не закономъ, который стоялъ еще во всемъ угрожающемъ положеніи своемъ, а смягченной практикой его уставовъ, открыло новую эру въ печати нашей. На литературной аренѣ явились не только всѣ писатели по профессіи, желавшіе воспользоваться умственнымъ просторомъ, который могъ столь же неожиданно кончиться, какъ неожиданно и наступилъ, но явились люди, долѣ сохранявшіе абсолютное молчаніе и которые торопились теперь тоже сказать свое слово, чтобы не отставать отъ другихъ. Само собою разумѣется, что возникъ большой говоръ, который принимался за знакъ развитія; но рѣчей, созидающихъ направленіе и управляющихъ умами, тогда еще не было слышно. Всѣ рѣчи походили одна на другую и велись на какую-то одну

большую тему о будущемъ скоромъ возрожденіи нашемъ, но онѣ отличались развязностью своихъ пріемовъ и свободой выраженія, которыя придавали имъ видъ самостоятельности и смѣлости мысли. Журнальный міръ находился въ замиренномъ положеніи, за исключеніемъ, разумѣется, домашнихъ счетовъ однѣхъ редакцій съ другими; но затѣмъ журналы не разнились ни по характеру, ни по направленію между собою, стараясь одинаково слѣдовать за общимъ движеніемъ и не отставать отъ него въ либеральномъ, радостномъ и довѣрчивомъ настроеніи. Всякое заявленіе, изъ какого бы источника не выходило, могло надѣяться на благосклонное вниманіе, какъ только являлось подъ знаменемъ прогрессивнаго направленія, которое оказывалось потомъ у очень многихъ и фальшивымъ знаменемъ.

Мы не пишемъ здѣсь исторіи нашего развитія за послѣднее время, которая была-бы и преждевременна, а только сообщаемъ для нея факты, сохранившіеся въ нашей памяти, и то далеко не всѣ и безъ подробностей, на какія-бы они имѣли право.

Лучшимъ доказательствомъ того, что никто въ это время не различалъ еще своихъ друзей отъ будущихъ противниковъ, служитъ смѣшеніе направленій, царствовавшее въ органахъ публицистики. Всѣ жили въ кучѣ. Люди, придерживавшіеся старыхъ, укоренившихся воззрѣній на искусство, нравственные вопросы и задачи общественнаго развитія, встрѣчались въ періодическихъ изданіяхъ съ людьми, искавшими уже другихъ точекъ зрѣнія на тѣ-же самые предметы. Происходили споры, но всѣ мнѣнія казались нужными, и ни одно не ставилось внѣ закона, hors loi, какъ было позднѣе. Писатель переходной эпохи представилъ на

ный примѣръ близкаго сосѣдства разнородныхъ теченій мысли. Начало года украсилось, напр., въ „Современникѣ“ романомъ Тургенева: „Дворянское гнѣздо“—этимъ патетическимъ гимномъ, посланнымъ вслѣдъ уходящему поколѣнію; а вторая половина года ознаменовалась въ томъ-же журналѣ знаменитой статьей Добролюбова: „Темное царство“ (по поводу сочиненій А. Н. Островскаго), которая упразднила поклоненіе всѣмъ старымъ идеаламъ и съ которой собственно начинается у насъ пониманіе поэзіи и искусства, какъ непосредственныхъ политическихъ и общественныхъ факторовъ, опредѣляющихъ и цѣнность произведеній. Мы уже говорили о пестротѣ общества, собиравшагося у Дружинина; но точно такая-же пестрота убѣжденій и взглядовъ существовала и вездѣ, въ журналахъ, частныхъ домахъ и публичныхъ сходкахъ. Она не нарушала установившихся отношеній между людьми. Главный редакторъ „Отечественныхъ Записокъ“, покойный Дудышкинъ, не прерывалъ старыхъ дружескихъ связей съ редакторами „Современника“ въ то время, какъ встрѣчалъ жесткимъ отпоромъ эстетико-философскіе взгляды журнала. Разница основъ не измѣняла привычекъ, нажитыхъ прежде. Тотъ-же Дудышкинъ, бывший, между прочимъ, постояннымъ противникомъ новыхъ теорій изящнаго и защищавшій чистоту эстетическаго догмата отъ примѣси къ нему идей утилитаризма, съ упорствомъ и выдержкой истаго янсениста, на котораго многими сторонами своего ума и характера отчасти и походилъ,—представлялъ страницы своего журнала далеко не фанатикамъ чистаго искусства и велъ полемику съ собратами всегда на основаніи политическихъ соображеній о нуждахъ общества и настоящей минуты. „Русскій Вѣстникъ“ явив-

шійся въ 1856 г., принадлежалъ еще тогда къ наиболѣе яркимъ органамъ прогрессивной воинствующей журналистики и не усумнился напечатать романъ Тургенева, озаглавленный „Наканунъ“ (1860), который противорѣчилъ, какъ скоро оказалось, настоящему образу мыслей редакціи, всѣмъ тономъ и содержаніемъ своимъ. Первый досужій библіографъ, который вздумалъ-бы заняться перечетомъ всѣхъ этихъ маленькихъ аномалій времени, вовсе и не замѣчаемыхъ имъ, могъ-бы привести гораздо болѣе примѣровъ подобнаго смѣшенія азыковъ въ тогдашней литературѣ, чѣмъ мы сдѣлали это. Достаточно упомянуть, что любой изъ нашихъ писателей могъ пройти тогда черезъ всю гамму журналовъ, побывать во всѣхъ редакціяхъ безъ вреда и ущерба для нравственной своей фізіономіи. Съ 1860 г. все это кончилось, и если подобныя примѣры еще являлись, то уже какъ исключенія, а не какъ общее правило. Сплоченныя нѣкогда ряды дѣятелей разорвались. Между тѣми, которые приняли новое направленіе за программу своей жизни и дѣятельности, и другими, которые не хотѣли за нимъ слѣдовать, въ виду недоказанности его доктринъ, все болѣе и болѣе росъ разладъ, безъ возможности наполнить его какими-либо общими интересами, въ родѣ борьбы съ дурными условіями времени и проч. Оказалась полная невозможность существованія подъ однимъ знаменемъ такихъ стремленій и тенденцій, которыя расходились другъ съ другомъ, какъ только чуть-чуть удалялись отъ элементарныхъ основаній каждаго вопроса и ученія. Широкіе девизы въ родѣ служенія народному образованію, принципамъ разумнаго общежитія и такъ далѣе—потеряли свое обаяніе и не собирали болѣе толпы поклонниковъ. Требовалось теперь

нѣчто другое. Каждый, выступающій на литературную арену, обязанъ былъ опредѣленно и точно изложить всю систему вѣрованій и защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ, какъ старые рыцари защищали нѣкогда излюбленные свои цвѣта. Наружная благовидность, добываемая съ помощію безразличнаго либерализма, уже не принималась въ расчетъ. Всякая примѣсь идей, захваченныхъ со стороны и по сосѣдству и затемняющихъ истинное настроеніе и настоящій образъ мыслей чловѣка, преслѣдовалась новымъ направленіемъ, какъ обманъ. Особому негодованію его подвергались всѣ полубѣжденія, все слабое и нетвердое въ мнѣніяхъ, все, что искало компромиссовъ и сдѣлокъ въ области идей и теорій. Оно добивалось или согласія на совмѣстную съ нимъ работу отысканія новыхъ началъ для жизни, или на рѣшительный переходъ къ ученіямъ, опутаннымъ сѣтью историческихъ преданій. Со стороны Писемскаго выборъ не представлялъ сомнѣнія и еще облегчался примѣрами, которые тогда-же явились, какъ необходимое слѣдствіе вызова, брошеннаго прогрессивной доктриной. Литературное общество, а за нимъ и весь культурный людъ, раздѣлились у насъ на двѣ серьезныя партіи—консервативную и либеральную, получившія въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи оттѣнки и особенности, которые уже не имѣютъ ничего общаго съ исторіей ихъ прошлаго, здѣсь рассказанной. Писемскій впервые открылъ серію чисто-охранительныхъ петербургскихъ органо-новъ, съ различными оттѣнками, начиная славянофильскимъ и кончая олигархическимъ („Время“, „Эхо“, „Вѣсть“), которые не замедлили появиться вскорѣ послѣ того.

Жилось тогда вообще чрезвычайно тревожно и скоро.

Каждый день приносилъ новыя впечатлѣнія; ждали важныхъ событій со всѣхъ сторонъ: слухи и толки о новыхъ мѣрахъ правительства перекрещивались съ ихъ поясненіями въ журналахъ, которыя были часто не менѣе замѣчательны, чѣмъ и самыя обсуждаемыя предначертанія. Литература и публицистика поминутно раздражали требованіями своими какъ вѣрующихъ въ силу ихъ слова, такъ и невѣрующихъ въ нее. Общественный пульсъ бился сильно. Ни одна изъ вѣстей, волновавшихъ людей того времени, не производила, однако, такого впечатлѣнія, какъ вѣсть объ эмансипаціи крестьянъ. Съ 1858 года вопросъ былъ уже официально поставленъ на очередь. Пониманіе его Писемскимъ заслуживаетъ вниманія, ибо онъ тогда уже угадывалъ, по практическому своему уму, многія стороны его, обнаружившіяся только впоследствии.

Писемскій былъ издавна сторонникомъ разрѣшенія тѣхъ узъ, которыя нѣкогда наложены были на народъ съ цѣлью отдѣлаться отъ заботъ и попеченій о немъ. Иначе онъ и не могъ думать, будучи самъ хотя изъ стараго, но захудалаго съ теченіемъ времени дворянскаго рода, жившаго долгое время одной жизнью съ селомъ и деревней. Но въ своемъ сочувствіи къ освободительнымъ мѣрамъ правительства, Писемскій сохранялъ еще, какъ и вездѣ, оригинальную и самостоятельную черту. Такъ, онъ не оказывалъ ни малѣйшаго признака сантиментальныхъ отношеній къ народу, какія окрашивали тогда всѣ бесѣды о предстоящей реформѣ. Писемскій былъ совершенно свободенъ отъ розовыхъ надеждъ, которыя возлагались на освобожденіе крестьянскаго населенія, не довѣрялъ обѣщаніямъ множества благъ, вмѣющихъ произойти отъ одного „свободнаго“ труда, и не приходилъ въ восторгъ при мысли, что съ эманси-

паціей прибываетъ на Руси нѣсколько милліоновъ полноправныхъ гражданъ и собственниковъ. На всѣ подобныя заявленія Писемскій смотрѣлъ, какъ на ораторскіе приемы, или какъ на изліянія благороднаго, душевнаго настроенія, и признавалъ ихъ весьма полезными въ виду воспитанія и приготовленія умовъ къ реформѣ; но самъ относился къ ней чрезвычайно просто. „Освобожденіе“ казалось ему необходимостью для страны потому собственно, что оно—освобожденіе—и даетъ способъ каждому найти свой образъ и превратиться изъ старой, безформенной души въ опредѣленную личность. Но затѣмъ онъ отказывается вѣрить, что вмѣстѣ съ освобожденіемъ должна непременно наступить и эра обновленія народа, что съ освобожденіемъ народъ покинетъ нѣкоторыя бытовыя привычки, возмущающія нравственное чувство, измѣнить природенныя свои наклонности и поправить свои представленія о порядкѣ и образѣ жизни, согласно съ новыми условіями существованія, въ которыя поставленъ. Странно было слушать разрушеніе всѣхъ подобныхъ иллюзій со стороны человѣка, который по своему характеру и своимъ симпатіямъ самъ былъ изъ народа. Онъ представилъ нѣчто въ родѣ иллюстраціи къ своимъ положеніямъ въ сценахъ изъ народнаго быта, изображенныхъ его романомъ „Взбаламученное море“, написаннымъ послѣ того, какъ великій актъ освобожденія уже сдѣлался закономъ страны (1863). Также точно и при первыхъ слухахъ о реформѣ судебныхъ учрежденій и введѣ въ нихъ института всеобщихъ присяжныхъ, практической смыслъ, нажитой имъ въ провинціи, подсказывалъ ему опасенія и скептическія замѣтки. Писемскій пророчилъ, что присяжные изъ крестьянъ будутъ отличаться поразительной снисходительностью къ самымъ

такимъ преступленіямъ, потому что каждый изъ нихъ заранѣе будетъ состоять подъ гнетомъ убѣжденія, что онъ лично можетъ попасть завтра-же, при стеченіи несчастныхъ обстоятельствъ, на скамью обвиняемыхъ и по тому-же самому преступленію, какое призванъ теперь судить. Въ замѣнъ онъ утверждалъ, что нигдѣ не окажется столько жестокости и неумолимости, какъ при домашнихъ расправахъ крестьянъ въ волостныхъ и сельскихъ трибуналахъ. Тутъ у русскаго мужика, по его мнѣнію, замѣшаются личные интересы и страсти, да, наконецъ, у себя дома онъ дозволить дѣлать съ собою и ближними гораздо болѣе того, чего такъ страшится отъ полиціи, наѣзжаго чиновника и посторонняго общиннаго лица. Многіе изъ тѣхъ, которые выслушивали подобныя мнѣнія отъ Писемскаго, принимали слова его за диффамацию народной сущности, за клевету скрытнаго крѣпостника, но заподозрить Писемскаго въ привязанности къ крѣпостнымъ порядкамъ не было никакой возможности и приходилось такимъ образомъ искать основъ для его замѣтобъ гдѣ-нибудь глубже.

Источники ихъ врылись въ органическомъ недоувѣрїи Писемскаго къ воспитательному характеру политико-экономическихъ, финансовыхъ, хозяйственныхъ и другихъ научно-государственныхъ мѣръ, безъ совмѣстнаго участія съ нимъ живаго, нравственнаго авторитета. Онъ утверждалъ публично въ 1861 г., что новое, выработанное положеніе о крестьянахъ предстанетъ передъ ними не въ видѣ нравственнаго дѣла по преимуществу, а въ видѣ фискальнаго или на подобіе рѣшенія первой инстанціи суда по давней имущественной тяжбѣ ихъ съ помѣщиками. Тягаться можно будетъ и послѣ того, въ другихъ инстанціяхъ. Но для раскрытія моральнаго

смысла „Положенія“, необходимо, чтобы оно отразилось этой стороною своею на живыхъ примѣрахъ. Народъ вѣритъ только тому, что видитъ самъ или думаетъ видѣть передъ собою: если нѣтъ чудесъ, то необходимъ примѣръ. Писемскому казалось, что безъ сильныхъ „нравственныхъ авторитетовъ“ народъ не разстанется ни съ однимъ изъ тѣхъ свойствъ, которыя получилъ въ періодъ рабства и чиновничьихъ притѣвленій, а только приоровится къ новымъ учрежденіямъ и въ ихъ рамкахъ разовьетъ еще съ болѣею энергіею дурное нравственное наслѣдство, полученное имъ отъ прошлаго. Онъ не придавалъ особеннаго значенія и будущему развитію благосостоянія освобожденныхъ, на которое многіе рассчитывали, какъ на сильный нравственный двигатель: жизненный опытъ привелъ его къ заключенію, что богатство и нажива могутъ быть родоначальниками еще болѣешихъ пороковъ и безобразій, чѣмъ сама скудость, которая считается ихъ матерью. Откуда явятся люди для предполагаемой ими миссіи, Писемскій не зналъ. Онъ не могъ сказать, придутъ-ли они со стороны самого народа, или вышлетъ ихъ наше духовенство; явятся-ли они изъ земства, или создастъ ихъ та часть либеральной бюрократіи нашей, заслуги которой по борьбѣ съ сословными предразсудками и съ эгоизмомъ различныхъ классовъ общества онъ всегда признавалъ и высоко цѣнилъ. Писемскій пророчилъ только, что пройдутъ еще многіе и долгіе годы, прежде, чѣмъ „освобожденіе“ дастъ всѣ тѣ результаты, какихъ ожидаютъ отъ него теперь-же слишкомъ нетерпѣливые публицисты и патріоты. Съ такимъ-то багажемъ предвзятыхъ мыслей Писемскій и выступилъ въ качествѣ

консерватора передъ литературой и публикой, настроенныхъ совѣмъ иначе.

Появленіе при „Современникѣ“ сатирическаго листка „Свистокъ“ (1860) произвело на возбужденное напеле общество гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ можно было ожидать отъ шутки. Листокъ показался побѣдой надъ цензурой и чопорнымъ обществомъ, жившимъ подъ ея прикрытіемъ; онъ отличался, между прочимъ, веселостью и большимъ остроуміемъ и довершалъ начавшійся ранѣе разборъ репутацій и авторитетовъ, но другими способами — насмѣшкой, пародіей, сарказмомъ, которыми владѣлъ чрезвычайно ловко. Примѣру „Свистка“ послѣдовали даже и большія газеты, и серьезные журналы въ своихъ фельетонахъ, отчетахъ о книгахъ, библіографическихъ замѣткахъ, — завязалась игра именами, лицами, трудами ихъ, игра, хорошо знакомая западнымъ литературамъ, гдѣ она теряется въ цѣломъ движеніи, но еще рѣдкая у насъ и тогда производившая впечатлѣніе. Противъ этой своеобразной свободы слова, почерпающей въ самихъ излишествахъ своихъ право на безотвѣтственность, Писемскій только и возсталъ въ своемъ журналѣ. И понятно почему.

Для того, чтобы бороться съ основами новаго литературнаго направленія, съ его доктринами, которымъ журнальный памфлетъ служилъ только застрѣльщикомъ, требовалась уже большая подготовка, требовалась сила мышленія и знанія, какихъ журналу Писемскаго и его сотрудникамъ вовсе не доставало, какъ оказалось при первой-же ихъ попыткѣ опредѣлить дѣятельность направленія. Оно приобрѣло жаркихъ поклонниковъ, пустило отъ себя корни во всѣ стороны, укрѣпилось въ мысли и совѣсти людей. Писемскій остановился на вто-

ростепенныхъ, случайныхъ, эфемернымъ его явленіяхъ и съ ними завязалъ дѣло, употребивъ и оружіе противниковъ. Онъ открылъ при своемъ журналѣ серію безцеремонныхъ фельетоновъ, которые самъ составлялъ, прикрываясь циническимъ псевдонимомъ: „Никита Безрыловъ“, никого, впрочемъ, не обманывавшимъ и тогда.

Весь 1861 г. прошелъ въ единоборствѣ съ „Петербургскими Вѣдомостями“, „Сѣверной Пчелой“, „Искрой“. Говорить о большей или меньшей степени остроумія, полемической ловкости, мѣткости замѣтокъ тутъ не приходится. Дѣло сводилось обѣими сторонами просто на количество обидъ и злобныхъ внушеній, какія каждая изъ нихъ могла выкинуть на свѣтъ. Достоинство и мастерство употребленія этихъ снарядовъ было равное здѣсь и тамъ. Никита Безрыловъ усмотрѣлъ въ противникахъ легкомысленныя претензіи овладѣть литературой съ помощью терроризаціи писателей; злобно смѣялся надъ неразборчивостью средствъ, употребляемыхъ ими для поддержки своего властолюбія, не оправдываемаго ни талантомъ, ни познаніями, обличалъ комическую несостоятельность ихъ мнѣній и приговоровъ. Уже тогда можно было предусмотрѣть, однако-же, что борьба эта не кончится торжествомъ и побѣдой для Писемскаго, какъ дѣйствительно и случилось. Нельзя-же было въ одно время думать о художественныхъ созданіяхъ и точить перо на ненавистную брань. Нуженъ былъ чело-вѣкъ гораздо болѣе выносливаго, закаленнаго характера, чѣмъ Писемскій, для того, чтобы стоять хладнокровно подъ дождемъ изливаемаго на него каждодневно позора, мечтая объ отомщеніи, или во имя своихъ убѣжденій продолжать распрю, когда она перешла уже и за предѣлы литературы. Въ запискѣ, доставленной намъ уже

послѣ смерти Писемскаго и составляющей какъ-бы продолженіе его недописанной, коротенькой автобіографіи, говорится о побочныхъ средствахъ, къ какимъ прибѣгали враги его. Послѣднимъ ударомъ раздраженной партіи, возмущенной смѣлостью человѣка, впервые заговорившаго о ней, былъ вызовъ на дуэль, посланный Писемскому изъ редакціи одного юмористическаго листка. Не предвидя конца подобнымъ вѣвлитературнымъ мѣрамъ, ошеломленный и преслѣдуемый въ одинъ голосъ тогдашними органами общественнаго мнѣнія въ Петербургѣ, Писемскій впалъ въ то состояніе изнеможенія, нервнаго упадка силъ, какое находило на него при всякихъ крупныхъ неудачахъ жизни. Онъ отказался отъ редакціи „Библіотеки для Чтенія“, а вслѣдъ за тѣмъ принялъ и другое рѣшеніе: разорвавъ, за немногими исключеніями, всѣ связи съ Петербургомъ (тогда же онъ отказался и отъ участія въ дѣлахъ литературнаго фонда), онъ со всей семьей переселился на постоянное житіе въ Москву. Это было уже въ началѣ 1862 года.

Романъ „Взбаламученное море“, о которомъ сейчасъ упоминали, начатый еще въ Петербургѣ, появился въ страницахъ „Русскаго Вѣстника“ въ слѣдующемъ 1863 г., когда авторъ его уже совсѣмъ устроился на новомъ своемъ мѣстожителствѣ. Роману этому предшествовалъ другой романъ, гораздо болѣе замѣчательный и другаго автора — именно „Отцы и дѣти“ Тургенева, нашедшій себѣ мѣсто тоже въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ годомъ ранѣе (1862). Оба романа имѣли въ виду изображеніе одной и той-же эпохи; но Тургеневъ подошелъ къ своей задачѣ въ оружіи художника-психолога, много думавшаго о времени, которое выбралъ для картины, и по-

заботился раскрыть фізіологическія и моральныя основы всѣхъ дѣйствующихъ на ней лицъ. Онъ нашелъ для нихъ типическія черты и снялъ съ фізіономій ихъ всякое выраженіе чего-либо похожаго на легкомысліе, намѣтивъ только слѣды нравственныхъ болѣзней тѣхъ эпохъ, которымъ они служили представителями. Онъ сдѣлалъ еще болѣе, сообщивъ образцамъ безпощаднаго отрицанія, выведеннымъ имъ, оттѣнокъ мрачнаго величія, которое свойственно непоколебимымъ убѣжденіямъ и которое иногда заслоняетъ внутреннюю бѣдность ихъ содержанія. Онъ отнесся съ такимъ-же безпристрастіемъ и къ растерявшемуся старому поколѣнію, которое донашивало свои прежніе идеалы, тщетно стараясь защитить ихъ отъ новыхъ людей. Такимъ образомъ созданъ извѣстный шедевръ русской и европейской литературы, принесшій автору множество упрековъ и обвиненій до тѣхъ поръ, пока, съ теченіемъ времени, не установился взглядъ на него, какъ на художественное изображеніе двухъ столкнувшихся на нашихъ глазахъ общественныхъ развитій съ ихъ героями, страстями и дѣлами.

Ничего подобнаго, конечно, не заключалъ въ себѣ романъ Писемскаго „Взбаламученное море“. Въ немъ было много юмористическаго таланта, но мало созданія. Довольно небрежно составленный романъ этотъ представилъ у насъ первый опытъ *полемическаго* романа, нашедшій потомъ множество подражателей. Обыкновенное свойство всѣхъ полемическихъ романовъ заключается въ томъ, что они не занимаются исторіей возмущающихъ общественныхъ явленій, берутъ ихъ безъ корней и почвы, по одному наружному виду, и переносятъ въ какое-то подобіе потѣшнаго сада, разведеннаго только на одинъ день праздника. Авторъ „Взбаламученнаго

моря“, всего болѣе пораженный неурядицей, которую произвели въ нѣкоторыхъ слояхъ общества плохо понятыя ими литературныя направленія, отдалъ на публичный позоръ такія исключительныя явленія этого маленькаго и неразумнаго міра, что романъ его составилъ просто коллекцію уродливостей эпохи, имѣя въ виду передачу ея родовыхъ отличій. Гораздо лучше удались автору изображенія типовъ, оставленныхъ крѣпостными порядками на полѣ проигранной ими недавней битвы. Эти умирающіе чрезвычайно ярко выражали, въ послѣднія минуты свои, весь длинный безобразный путь, пройденный ими до того. Повторяемъ, однако-жь, что ни въ одномъ изъ своихъ произведеній Писемскій не достигалъ такого пагоса, такого ядовитаго юмора, такой горькой насмѣшки и цинической обрисовки характеровъ, какъ именно въ этомъ романѣ. Онъ писалъ подъ вліяніемъ гнѣва и раздраженія и остался памятникомъ полемической беллетристики, не превзойденнымъ его подражателями. Оба романа и Тургенева, и Писемскаго, не смотря на неизмѣримую разницу въ ихъ достоинствѣ и содержаніи, были одинаково знаменіями поворота литературы къ критическому пересмотру идей, господствовавшихъ въ обществѣ.

Вскорѣ послѣ появленія своего романа, Писемскій поступилъ въ редакцію журнала „Русскій Вѣстникъ“ въ качествѣ завѣдывающаго беллетристическимъ его отдѣломъ. Петербургскій періодъ жизни закончился совершенно для нашего автора, что и позволяетъ намъ оглянуться теперь назадъ и обозрѣть литературную его дѣятельность за это время. Она была въ высшей степени плодотворна.

Весь этотъ періодъ принадлежитъ къ самой блестя-

щей эпохѣ его производительности и сплошь наполненъ совершеннѣйшими его созданіями, которыя доставили автору ихъ славу таланта, выходящаго по силѣ и мѣткости изображеній изъ ряда вонъ. Слава эта уже не умалилась въ послѣдствіи ни отъ злыхъ критикъ, которымъ подверглась, ни отъ собственныхъ менѣе удачныхъ произведеній автора, появившихся во вторую половину его жизни. Послѣ первыхъ его опытовъ въ Москвѣ, Петербургъ видѣлъ полный разцвѣтъ его таланта. Достаточно вспомнить, что въ десятилѣтіе его пребыванія въ Петербургѣ были написаны самыя капитальныя изъ его произведеній: „Плотничья артель“, „Старая барыня“, „Батяка“, романъ „Тысяча душъ“ и драма „Горькая судьбина“. Остановимся только на двухъ послѣднихъ, такъ какъ въ нихъ есть данныя для подтвержденія нашихъ замѣтокъ о свойствѣ его настроенія и созерцанія вообще.

Романъ „Тысяча душъ“ принадлежитъ къ числу наиболѣе продуманныхъ и наиболѣе обработанныхъ созданій Писемскаго. Онъ поразилъ тщательностью своей постройки и иностранныхъ критиковъ, познакомившихся съ нимъ въ переводахъ. Развитіе интриги его и характера главнаго его героя, Калиновича, на которомъ вращается все дѣйствіе романа, обнаруживаетъ строгую художественную работу, чего такъ недостаетъ въ некоторымъ изъ позднѣйшихъ его произведеній втораго, московскаго періода. Писемскій не скрылъ недостатковъ Калиновича. Онъ показалъ въ немъ деспотическую натуру, съ привитыми къ ней сѣменами культурныхъ идей. Созрѣвшіе плоды этой прививки не замедлили отозваться свойствами дерева, на которомъ выросли. Калиновичъ на первыхъ же порахъ оказывается способнымъ

распространять кругомъ себя, во имя прогресса, всеобщій плачь и ужасъ, не заботясь, куда они приведутъ самое дѣло, предпринятое имъ въ видахъ поправленія нравовъ и укорененія добрыхъ началъ. Чѣмъ далѣе идетъ повѣтствованіе, тѣмъ яснѣе становится, что Калиновичъ — чиновникъ съ учебнымъ дипломомъ, пробивающійся сквозь табель о рангахъ въ своего рода Петры Великіе — для того, чтобы на послѣднихъ ступеняхъ карьеры кончить покаяніемъ въ заблужденіяхъ молодости. Русское общество видѣло множество типовъ этого рода въ своихъ нѣдрахъ. Писемскій не утаилъ и того обстоятельства, что людямъ этого характера необходимо для свободы дѣйствій обладать какимъ-либо видомъ государственной власти, чего они и добиваются всѣми силами души, не пренебрегая никакимъ оружіемъ, не отступая ни передъ какими средствами, выводящими людей на видныя мѣста. Калиновичъ не отказывается ни отъ одной, или плотской или честолюбивой, похоти, преслѣдуетъ разныя цѣли, одновременно живетъ въ связи съ любящей его актрисой и задумываетъ сдѣлать богатую партію на сторонѣ. Это въ одно время сластолюбецъ, расчетливый карьеристъ и носитель просвѣщенія! Не смотря на всѣ эти черты, онъ сохраняетъ въ романѣ Писемскаго видъ непризнаннаго дѣльца и сильнаго характера, внушающаго уваженіе; одно качество смываетъ его недостатки: Калиновичъ высится въ средѣ драмы, какъ лицо, которое могло-бы, при случаѣ, высоко держать знамя государственнаго авторитета, если-бы послѣднему грозила опасность, и за одно это предполагаемое въ немъ качество возстановляются его права на званіе почетнаго героя романа и призываются

въ нему симпатіи читателей. Такова мысль романа, близко передающая и убѣжденія его автора.

Не менѣе характерно и другое капитальное произведение Писемскаго, — комедія „Горькая судьбина“, которая развивается уже въ деревнѣ и на почвѣ еще неупраздненнаго крѣпостнаго права. Скажемъ тотчасъ же, что по нашему мнѣнію, если когда-либо извѣстная Уваровская премія за драматическія сочиненія отвѣчала своей цѣли и падала на произведение, глубоко затрогивающее русскую жизнь, то именно въ тотъ разъ, когда премія отдана была Писемскому за знаменитую его комедію, не потерявшую цѣны и отъ сравненія съ самыми удачными и тоже много разъ увѣнчанными произведеніями А. Н. Островскаго.

Крѣпостной міръ, въ которомъ вращается комедія Писемскаго, уже настолько потрясенъ и подрывъ въ основахъ, что помѣщикъ села, гдѣ происходитъ дѣйствіе, является намъ человѣкомъ, страдающимъ отсутствіемъ воли и признаками безпокойства совѣсти, при исполненіи функций своего званія. Въ числѣ его подданныхъ находится богатый мужикъ, очень умный и охотно резонирующій, какъ обыкновенно бываетъ со смѣтливými людьми, обязанными самимъ себѣ и относительно развитіемъ, и состояніемъ. Насколько ясенъ и доволенъ собой мужикъ, настолько спутанъ и неуверенъ въ себѣ его помѣщикъ—и эта противоположность двухъ характеровъ очень мѣтко опредѣляетъ время возникновенія драмы, наканунѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса. Послѣ долгаго отсутствія изъ деревни, рас-торговавшійся въ столицѣ мужикъ возвращается домой съ подарками для любимой жены и съ коробомъ извѣстій о городскихъ чудесахъ, имъ видѣнныхъ. Онъ повѣст-

вуетъ о нихъ степенно, безъ восторговъ и безъ нахальства. Онъ въ нихъ нашелся, онъ ими воспользовался и цѣнитъ ихъ особенно, какъ новые способы добывать для деревни и семьи, о которыхъ никогда не забывалъ, покой и благосостояніе. Можно себѣ представить, что съ нимъ происходитъ, когда послѣ своихъ разспросовъ онъ узнаетъ страшную вѣсть, что въ его отсутствіе любимая жена, при посредствѣ бурмиистра, вступила въ добровольную любовную связь съ бариномъ и принесла къ нему въ домъ чужаго, прижитаго ею ребенка. Этотъ степенный мужикъ оказывается совершенно безпомощнымъ въ минуты страсти, не способнымъ владѣть собою, не обладающимъ никакимъ нравственнымъ началомъ, которое могло бы придти на помощь его честной природѣ вообще. Съ первыхъ словъ исповѣди онъ превращается въ лютаго звѣря и расправляется съ виновной женой, какъ могъ бы сдѣлать первый кабачный проходимецъ, т. е. избиваетъ ее до полу-смерти. Но, свершивъ этотъ обычный актъ крестьянскаго суда, онъ скоро одумывается, что и даетъ автору случай создать высоко драматическую и трогательную сцену, которая составляетъ дорогой перлъ самой комедіи. Свирѣпый палачъ жены чувствуетъ, послѣ перваго взрыва бѣшенства, потребность примиренія и прощенія взаимныхъ обидъ. Его благородная въ сущности натура, хотя и ничѣмъ не укрѣпленная для побѣды надъ животными инстинктами, одерживаетъ тутъ на мгновеніе верхъ и проявляется во всей своей правдѣ. Въ сдержанномъ тонѣ рѣчи, какой подобаешь главѣ семейства, онъ приглашаетъ недавнюю жертву свою раздѣлить съ нимъ за самоваромъ супружескую бѣсѣду, забыть все случившееся, возстановить свое доброе имя

раскаяніемъ и возвращеніемъ къ прежнимъ порядкамъ жизни. Въ словахъ его звучить мольба и надежда. Согласіе принять предложеніе составляетъ для него видимо залогъ возстановленія мира и возможности принять мѣры для будущаго образа жизни между людьми. Надо было слышать эту сцену въ чтеніи самого Писемскаго, чтобы понять, сколько въ прерывистыхъ фразахъ несчастнаго мужа заключается тайнаго сожалѣнія о преступницѣ и моленія объ отпущеніи вины ему самому. На этотъ призывъ обезумѣвшая женщина, еще подъ вліяніемъ испытанныхъ ею побоевъ, отвѣчаетъ признаніемъ въ любви къ барину и угрозой уйти къ нему вмѣстѣ съ ребенкомъ. Чаша была переполнена; сознаніе совсѣмъ покидаетъ бѣднаго мужа и отдаетъ его во власть слѣпому порыву злобы и мести. Онъ бросается къ женѣ, убиваетъ ея ребенка и убѣгаетъ за тѣмъ, чтобы снова явиться на мѣсто преступленія и отдать себя во власть сельской полиціи. Онъ мирится со своей участью, никого не обвиняетъ и прощаетъ жену. Извѣстно, что Писемскій вывелъ на сцену и самое слѣдствіе по этому дѣлу, въ которомъ принимаетъ участіе молодой губернаторскій чиновникъ. Разноголосица между членами этого ареопага еще показываетъ, что и старшій судебный институтъ, какъ и крѣпостной бытъ, находились тогда въ полномъ разбродѣ и анархіи, ожидая своего обновленія. Между прочимъ гуманный помѣщикъ деревни, который былъ первой причиной преступленія и возникшей драмы, негодуетъ у Писемскаго на общественные порядки, мѣшающіе ему раздѣлаться благороднымъ образомъ съ оскорбленнымъ мужемъ, предложивъ ему честную дуэль. Черта очень тонкая и характерная для времени, хотя она и бро-

шена авторомъ вскользь. Такова эта превосходная комедія, которой суждено еще долго волновать со сцены зрителей, какъ это дѣлаетъ она теперь при всякомъ представленіи.

Здѣсь кстати помѣстить нѣкоторыя подробности, съ нею связанныя; основа ея не была выдумана художникомъ. Писемскій встрѣтился съ подобнымъ происшествіемъ въ 1848 году, будучи еще чиновникомъ особыхъ порученій при костромскомъ губернаторѣ. Онъ имѣлъ въ рукахъ подлинное дѣло точно такого же содержанія, и въ качествѣ слѣдователя, командированнаго губернаторомъ, принималъ участіе въ его разборѣ самъ. Комедія писалась имъ лѣтомъ на дачѣ, близъ Петербурга, и случилось, что однажды авторъ ея встрѣтился на прогулкѣ съ актеромъ Мартыновымъ. Онъ зазвалъ его къ себѣ въ домъ и прочелъ ему первыя три дѣйствія ея, тогда написанныя. Знаменитый артистъ пришелъ въ восторгъ отъ нихъ и изумилъ Писемскаго, выразивъ намѣреніе взять роль мужа, когда пьеса поступитъ на сцену. Тогда еще никто не могъ угадать въ Мартыновѣ призванія на драматическія роли, и Писемскій выразилъ свое сомнѣніе; но великій комикъ настоятельно требовалъ предоставленія ему роли Ананія. Кажется, этого не случилось, и Мартынову суждено было показать въ другихъ и менѣе значительныхъ роляхъ присутствіе въ себѣ патетическаго элемента, которымъ обладаетъ всякій истинный комикъ. Въ заключеніе Мартыновъ спросилъ: „а какъ ты намѣренъ окончить пьесу?“ Писемскій отвѣчалъ: „по моему плану Ананій долженъ сдѣлаться атаманомъ разбойничьей шайки и, явившись въ деревню, убить бурмистра“. — „Нѣтъ, это не хорошо, — возразилъ Мартыновъ, — ты за-

ставъ его лучше вернуться съ повинной головой и всѣхъ простить“.—Писемскій былъ пораженъ вѣрностью этой мысли и буквально послѣдовалъ ей. Такъ хорошо угадалъ знаменитый артистъ сущность пьесы, прозрѣвъ законный, необходимый исходъ ея чутъемъ истинны, присущимъ всякому истинному таланту.

III.

Переѣхавъ въ Москву, Писемскій скоро приобрѣлъ качества, отличающія большинство ея обитателей, т. е. ваклонность къ домовитости съ одной стороны и къ скептицизму по отношенію къ петербургскимъ мнѣніямъ, вообще, съ другой. Правда, скептицизмъ послѣдняго рода сказывался у Писемскаго и прежде, какъ видѣли, но журнальная буря, выдержанная имъ въ Петербургѣ, еще укрѣпила его. Петербургская неудача наложила печать на весь строй его мыслей, на добрую часть всей послѣдующей его дѣятелености. Съ нея именно начинается то *памфлетическое* направленіе, которое принялъ Писемскій въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ. Оно составило господствующую ноту его творчества, за исключеніемъ, впрочемъ, двухъ произведеній:—романа „Люди сороковыхъ годовъ“ (1869) и другаго предсмертнаго, такъ-сказать, романа „Масоны“ (1880), которые отъ него совершенно свободны, благодаря близкому личному знакомству автора съ живыми типами, въ нихъ изображенными. Памфлетическое отношеніе къ сюжетамъ до того овладѣло Писемскимъ, что прокралось и въ картины отжившихъ порядковъ, имъ созданныя, (трагедіи „Самоуправцы“, 1867, и „Бывые соколы“,

1868) также точно какъ въ изображеніи изъ современныхъ нравовъ. Цѣли и приемы литературнаго памфлета всегда и вездѣ одинаковы. Они состоятъ въ томъ, чтобы довести лицо или событіе до высшей степени безобразія, какое для нихъ только мыслимо, а все недостающее имъ до этой позорной апоѳеозы изобрѣсти болѣе или менѣе искусно и правдоподобно. На это дѣло потрачено было Писемскимъ много таланта, юмора и энергіи. Комедія его, „Вааль“, напримѣръ, — шедевръ этого рода произведеній, — рисуеть уже оргію современнаго хищничества на чистоту, почти безъ литературнаго прикрытія, съ грубостью народнаго фарса, называющаго всѣ предметы по ихъ именамъ. Но памфлетическій образъ обработки сюжетовъ имѣеть одинъ большой недостатокъ:—онъ устраняеть трудъ созиданія характеровъ и довольствуется однимъ выпуклымъ изображеніемъ ихъ главнаго порока, предоставляя на основаніи этого документа дорисовывать самыя типы воображенію читателя. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увольняетъ автора и отъ обязанности раскрывать психическія побужденія лицъ и заботиться о логическомъ ходѣ пьесы: все это становится ненужнымъ, когда успѣхъ или вліяніе произведенія зависятъ только отъ яркости красокъ, употребленныхъ на обличеніе того или другаго безобразія. Разъ памфлетическое созданіе вырвало у своихъ читателей слово негодованія и отвращенія къ изображаемому предмету, котораго добивалось и которое оно-же имъ и подсказало, дѣло его кончено: оно устраняется какъ вещь, выслужившая свой срокъ и получившая свою награду. Отъ него ничего не остается, какъ отъ обвинительной, прокурорской рѣчи послѣ судейскаго приговора. Не то бываетъ съ дѣльной художественной

сатиры. Процессъ ея развитія всегда столь-же важенъ, какъ и ея тема, потому что затрагиваетъ на пути своемъ основы и духовное настроеніе общества, а для этого требуется соединеніе въ однихъ рукахъ большаго творческаго таланта, политическаго развитія и пониманія соціальныхъ нуждъ времени. Такая сатира рѣдко останавливается на очевидныхъ, зіяющихъ ранахъ общества предоставляя цѣленіе ихъ докторамъ и совѣтчикамъ, которые стекутся къ пациенту со всѣхъ сторонъ, по первому призыву; она преимущественно подвергаетъ діагнозу своему скрытныя болѣзни вѣка, съ которыми люди до того жили, что считаютъ ихъ даже необходимыми условіями своего существованія. Ссылки ея на живые примѣры и личности далеко не походятъ на фотографическія карточки съ подсудимыхъ, какія прилагаются къ важнымъ слѣдствіямъ, а имѣютъ въ виду представить наглядныя доказательства силы и объема тайнаго и общественнаго недуга. Художественная сатира, предостерегая отъ него своихъ современниковъ, готовитъ вмѣстѣ съ тѣмъ потомству драгоценный историческій документъ для будущаго опредѣленія нравственнаго и фізіологическаго положенія цѣлой эпохи.

Разрывъ Писемскаго съ Петербургомъ не коснулся старыхъ друзей его, тамъ оставленныхъ. При всякомъ проѣздѣ черезъ Москву они являлись къ нему въ тотъ уголокъ древней столицы, по сосѣдству съ Сивцовымъ-вражкомъ, гдѣ Писемскій поселился. Съ 1866 года онъ уже находился на службѣ совѣтникомъ московскаго губернскаго правленія, — вмѣстѣ, предоставленномъ ему министромъ - литераторомъ нашимъ, П. А. Валуевымъ, вслѣдствіе просьбы самаго Писемскаго. Положеніе на шего автора было теперь упрочено. Каждое новое его-

сочиненіє тотчасъ-же пріобрѣталось издателями журналовъ, особенно новыми, которымъ имя Писемскаго служило какъ-бы рекомендаціей передъ публикой. Перечисливъ себя окончательно въ московскіе жильцы, онъ подумалъ и объ устройствѣ постоянного дома. Маленькій купленный имъ клочекъ земли онъ обстроилъ чистыми наемными помѣщеніями, подъ собственнымъ своимъ наблюденіемъ, и съ замѣчательнымъ расчетомъ пространства и воздуха отвелъ себѣ на дворѣ особый флигель съ садикомъ, отдѣлавъ его для спокойнаго жизненнаго труда очень тщательно. Въ этомъ домикѣ мнѣ и случалось проводить долгіе часы, которыхъ никакъ нельзя было назвать потерянными часами. Рѣдкое свойство Писемскаго—всегда походить на самого себя и класть особую печать своего духа и ума на всѣ предметы обсужденія, дѣлало бесѣды съ нимъ занимательными и оригинальными въ высшей степени. Онъ не потерялъ способности различать, за тонкой тканью мыслей и словъ, настоящее лицо людей и представлять ихъ себѣ, такъ-сказать, въ натуральномъ состояніи, такими, какими они должны были являться самимъ себѣ, въ своей совѣсти и въ своемъ сознаніи. Анализъ этотъ впрочемъ, инскольکو не имѣлъ того остраго, упорнаго и надоѣдливаго характера, который не оставляетъ никакой мелочи безъ изслѣдованія и перевертываетъ ее на всѣ лады, добиваясь отъ нея, во что-бы то ни стало, какого-либо слова. Онъ выражался у него обыкновенно однимъ мѣткимъ опредѣленіемъ, часто юмористической фразой, которыя почти всегда и затеривались въ дальнѣйшемъ разговорѣ. Иной разъ, слушая Писемскаго, приходило на умъ, что въ немъ повторяется опять старій московскій типъ ворчливаго туза, удалив-

шагося на покой, но тутъ была и существенная разница. Тузы этого рода всѣ принадлежали къ вельможному чиновничеству нашему и приводились въ движеніе завистью, обманутымъ честолюбіемъ, злобой послѣ паденія ихъ властолюбивыхъ надеждъ, между тѣмъ какъ Писемскій, хотя и могъ назваться тузомъ литературнымъ, но жажды повелѣвать и кичиться передъ людьми никогда не испытываль, чувства зависти не зналь вовсе и въ своихъ замѣткахъ покорялся единственно природному свойству своего ума.

Нерѣдко случалось и наѣзднымъ, и мѣстнымъ гостямъ его находить хозяина въ состояніи апатіи, хандры и ипохондріи. Это нападало на него — на подобіе припадковъ падучей болѣзни — неожиданно и безпричинно. Тогда высвобождалась у него самая безпокойная, мучительная, — по своей неопредѣленности, грызущая тоска, не уступавшая никакимъ резонамъ. Много участвовала въ производствѣ болѣзни, надо сказать, и его широкая русская натура, не вполне покоренная образованіемъ. Будучи примѣрнымъ гражданиномъ и семьяниномъ, онъ по отношенію къ самому себѣ, къ внутреннему своему міру, находился постоянно въ положеніи агитатора. Онъ скучаль въ рамкахъ внѣшняго благосостоянія, имъ же и созданнаго для себя, и окруженный любовью всѣхъ близкихъ ему людей и заслуженнымъ почетомъ со стороны общества къ своему характеру и дѣятельности — Писемскій чувствовалъ по временамъ вражду къ такому способу существованія и желалъ неизвѣстныхъ порядковъ, которые оторвали-бы его отъ закоренѣлыхъ привычекъ жизни, отъ обычнаго строя и теченія ея. Но у Писемскаго были и вѣрные охранители въ минуты подобныхъ припадковъ. Никогда самая необузданная фан-

тазія, завладѣвшая имъ, не могла потушить искры здраваго смысла, тлѣвшей въ его душѣ; никогда также не пропадало у него сознаніе недостаточности своихъ физическихъ и нравственныхъ силъ для того, чтобы найтись и устроиться въ какомъ-либо другомъ мірѣ, кромѣ того, который его окружалъ. Онъ вращался снова къ условіямъ реального существованія, сопровождаемый хандрой и изнеможеніемъ, какъ результатами прошлаго раздраженія своей мысли.

Въ позднѣйшихъ нашихъ встрѣчахъ я замѣчалъ годъ отъ году все болѣшую переменъ въ Писемскомъ. Онъ замѣтно тяжелѣлъ и осунулся, а красивое лицо, съ крупными умиными чертами, его отличавшими, пріобрѣтало все болѣе и болѣе болѣзненное выраженіе. Онъ ничѣмъ не страдалъ, но жаловался на утрату силъ. Помню, что однажды онъ зашелъ ко мнѣ, по дорогѣ къ мѣсту служенія, въ форменномъ своемъ вицъ-мундирѣ, и на замѣчаніе, что привольная московская жизнь кончается обыкновенно протестомъ всего организма нашего, — отвѣчалъ печально: „это имѣетъ смыслъ, по крайней мѣрѣ; а вотъ я, вставая утромъ съ постели, уже чувствую безъ всякаго повода усталость во всемъ существѣ“. Не трудно было угадать, что первый серьезный недугъ или первое серьезное несчастіе сломятъ этотъ организмъ, надорванный уже мыслию и постояннымъ безпокойнымъ состояніемъ духа, не смотря на вѣшній, крѣпкій составъ его, обманывавшій всѣхъ, кто видѣлъ Писемскаго.

Такъ именно и случилось. Надъ Писемскимъ разразилась—и совсѣмъ неожиданно—страшная катастрофа. Любимый сынъ его, Николай, замѣчательный по уму и благородству характера молодой человекъ, только-что

блистательно кончившій университетскій курсъ и уѣхавшій въ Петербургъ, гдѣ у него было уже мѣсто и открывались большія надежды на будущее, внезапно покончилъ жизнь самоубійствомъ, причины котораго не разъяснены порядкомъ и доселѣ. Ударъ для Писемскаго-отца былъ сокрушительный въ полномъ смыслѣ слова. По свидѣтельству домашнихъ онъ уже никогда до самой смерти и не поправлялся послѣ него. Со смертію сына наступила та полоса кажущейся, призрачной жизни, которая имѣетъ все подобіе дѣйствительной, настоящей, будучи въ сущности только свидѣтельствомъ ея отсутствія. Она тянулася довольно долго для Писемскаго, благодаря попечительной рукѣ, находившейся возлѣ него. Рука эта потрудилась ввести опять Писемскаго въ колею вседневной, обыкновенной, будничной жизни, которая на душевно-больныхъ дѣйствуетъ болѣе спасительно, чѣмъ обыкновенно думаютъ. По милости обязательныхъ распорядковъ такой жизни, Писемскій возвратился опять къ свѣту, къ своимъ знакомымъ, по временамъ къ юмористическому настроенію и даже къ мечтамъ и затѣямъ своей фантазіи, которыя составляли вторую природу его; но все это уже производилось безъ увлеченія, безъ пыла и страсти. Въ послѣднее время Писемскій походилъ на блѣдную копію съ эффектнаго, многосодержательнаго оригинала. Душевная рана со всѣми мыслями, которыя она пробуждала, никогда уже не закрывалась и медленно, но постоянно разливала отраву по всему существу его. Она и свела его въ могилу. Писемскій слегъ въ постель подѣ дѣйствіемъ одного изъ тѣхъ мрачныхъ припадковъ недовольства и мнительности, которые стали находить на него все сильнѣе и чаще послѣ семейной катастрофы. По при-

знанію жены покойнаго, она не ожидала близкаго конца и думала, что припадокъ минуется, какъ всѣ предшествовавшіе ему и разрѣшавшіеся обыкновенно молчаливой грустью и физическимъ изнеможеніемъ. Но это было уже послѣднимъ проявленіемъ изстрадавшагося организма, лишеннаго всѣхъ нужныхъ силъ сопротивленія, и перешю въ предсмертную агонію. Прибавимъ къ этому разсказу одну черту. За все время продолжительной психической своей болѣзни единственнымъ облегчающимъ средствомъ противъ нея, бальзамомъ, который утишалъ ея муки и давалъ Писемскому минуты истиннаго покоя, былъ его письменный столъ. Онъ прибѣгалъ къ нему за временнымъ исцѣленіемъ каждодневно. За нимъ онъ вступалъ въ обладаніе всѣми своими способностями и чувствовалъ себя полнымъ человѣкомъ— и былъ правъ, какъ доказывается послѣднимъ его романомъ „Масоны“, 1880 г., изданнымъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины автора и носящимъ на себѣ всѣ признаки большаго и далеко не угасшаго таланта. Только подобному таланту было возможно превратить личныя воспоминанія объ одномъ живомъ и довольно странномъ лицѣ своей молодости въ типъ представителя цѣлаго ученія и въ этомъ качествѣ замѣшать его въ сложную интригу романа.

До послѣдней развязки этой жизни, я два лѣта сряду видѣлъ Писемскаго въ Баденѣ, гдѣ жилъ тогда (1874—75). Продолжительная разлука давала особенную цѣнность этимъ свиданіямъ. Съ перваго раза поразилъ меня видъ разрушенія, произведеннаго на моемъ посѣтителѣ горемъ и временемъ. Писемскій походилъ на руину. Покинувъ службу въ 1872, онъ являлся теперь за-границу для свиданія, во-первыхъ, съ другимъ остав-

шимся сыномъ, который приготавлился въ Геттингенѣ, по порученію московскаго университета, къ занятію мѣста адъюнкта при немъ по кафедрѣ права, а во-вторыхъ и для поправленія своего здоровья, послѣ потрясенія семейной катастрофы. Прожитое Писемскимъ въ Москвѣ десятилѣтіе (съ 1863) завершалось преждевременною старостью. Грустно было видѣть, какъ все существо его приходило въ трепеть отъ воображаемыхъ, близко грядущихъ бѣдствій, и искало спасенія вокругъ себя съ покорностью и беспомощностью ребенка. Міръ былъ уже населенъ для него одними страхами, предчувствіями бѣдствій, грозными событіями, которыя, при всякомъ случаѣ, возникали въ его умѣ, облакаясь плотію, и стояли, какъ живые, да еще и во всеоружіи, придуманномъ для нихъ болѣзненнымъ воображеніемъ страдальца. Помню, какъ однажды, ожидая прибытія сына въ Баденъ, замедлившаго почему-то свой отъѣздъ изъ Геттингена, Писемскій пришелъ въ отчаяніе. Онъ создалъ полную картину крушенія желѣзно-дорожнаго поѣзда, на которомъ, по его соображеніямъ, долженъ былъ находиться несчастный молодой человекъ, и умолялъ всѣхъ встрѣчныхъ справиться о мѣстѣ катастрофы, и о томъ, куда слѣдуетъ направиться, чтобы подобрать трупъ погибшаго. Никакія объясненія и представленія на него не дѣйствовали; онъ метался цѣлую ночь и весь день въ страшной тоскѣ до тѣхъ поръ, пока не явился на лицо самъ оплакиваемый сынъ. Надо сказать, что какъ сынъ, такъ и жена Писемскаго знали вообще, какъ обращаться съ фантазіями больнаго. Будущій адъюнктъ-профессоръ, напимѣръ, очень серьезно выслушивалъ предостереженія отца относительно осторожнаго перехода черезъ улицу, осмотритритель-

ности въ выборѣ лошадей и извожничьяго ээипажа и т. д., и безъ улыбки принималъ всѣ его совѣты подобнаго-же рода. Когда цѣной такихъ уступокъ и попеченій покупались минуты душевнаго спокойствія для Писемскаго, онъ становился прежнимъ добродушнымъ и остроумнымъ юмористомъ: анекдоты стараго времени, воспоминанія молодости казались неизсякаемыми, жилка комика пробуждалась изъ летаргіи и сказывалась въ противопоставленіи характеровъ, имъ встрѣченныхъ, одного другому и т. д. Впрочемъ, оживленіе продолжалось обыкновенно не долго, а къ концу жизни—всѣ эти остатки бывалой веселости все болѣе и болѣе смолкали.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Писемскаго на московскихъ, пушкинскихъ праздникахъ 1880 года. На одномъ засѣданіи этого замѣчательнаго, какъ по характеру, такъ и по сложности своей, юбилейнаго торжества, Писемскій довольно вяло прочелъ свою рѣчь о поэтѣ, котораго обожалъ, какъ великаго реалиста, открывшаго въ душѣ и нравственныхъ сторонахъ русскаго человѣка еще не подозрѣваемая сокровища чувства и своеобразнаго ума. Рѣчь его не имѣла успѣха, будучи лишена блестящей аргументаціи, какая требуется отъ публичнаго слова, но ее, выслушали съ уваженіемъ къ лицу и авторитету оратора. Затѣмъ Писемскій уже не принималъ участія въ пиршествахъ и собраніяхъ, сопровождавшихъ открытіе памятника Пушкину. Я еще посѣтилъ его на дачѣ, около Петровскаго парка, гдѣ онъ поселился. Онъ имѣлъ усталый видъ, мало вдавался въ бесѣду и только съ видимымъ удовольствіемъ показывалъ мнѣ красивые рисунки, которые присоединилъ къ его роману „Масоны“ издатель журнала „Ого-

некъ“, гдѣ романъ печатался. Впрочемъ, онъ избѣгалъ разговора о самомъ произведеніи, какъ будто опасаясь, что обширное его заглавіе вызоветъ вопросы, какихъ авторъ не имѣлъ въ виду при сочиненіи. Конечно, это было ошибочное предположеніе, такъ какъ всѣ задачи романа намѣчены были въ немъ самомъ; но оно еще разъ свидѣтельствуемъ о того рода пугливости, которая стала его удѣломъ за послѣднее время. Не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ журналы принесли вѣсть о его кончинѣ, послѣдовавшей 21 января 1881 г.

Писемскій представляетъ изъ себя лицо, во многихъ отношеніяхъ трогательное. Слѣдуя примѣру чистосердечія и откровенности, который онъ далъ намъ всей своей жизнью, мы позволяли себѣ упоминать о его болѣзняхъ и слабостяхъ, но, можетъ быть, біографическое разоблаченіе это еще укрѣпить сочувствіе читателя къ этому замѣчательному человѣку. Не въ видѣ униженія или оскорбленія нашего автора, а скорѣе въ видѣ посмертнаго вѣнка на его могилу, скажемъ, что Писемскій принадлежалъ многообразной, но цѣльной и единой по выраженію *русской толпы* и являлся въ литературѣ нашей ея представителемъ. Это своего рода гласный изъ народа, схожій со своими избирателями какъ по уму, таланту, такъ и по нравственному содержанию. Можно указывать его недостатки, не соглашаться съ его убѣжденіями, видѣть погрѣшности въ его представленіяхъ, но не узнать въ немъ выраженія народнаго способа—понимать лица и предметы, кажется, нѣтъ возможности. Самая грубость тона въ его ѣдкихъ обличеніяхъ пороковъ и преступленій, выборъ темъ, большею частію бросающихся въ глаза своимъ позорнымъ содержаніемъ, и отвращеніе къ какого-либо рода

идеализаціи существующаго быта, въ которой ннкогда во всю жизнь онъ и не прибѣгалъ, показывали въ немъ бывалаго человѣка, знакомаго со взглядами, чувствами и сужденіями толпы. Позволительно, конечно, усматривать несовершенства въ планахъ и самой постройкѣ нѣкоторыхъ его произведеній, но непозволительно было-бы не признать силы творчества, проявляющейся въ нихъ на каждомъ шагу. Особонность его большаго таланта заключалась, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ ясно носилъ на себѣ печать непосредственности и вдохновенія, отличающихъ народное мышленіе. Не ломая головы, не собирая предварительныхъ замѣтокъ и документовъ, Писемскій прямо, безъ подготовки, порождалъ любопытные, забавные и всегда выразительныя типы, которые теперь и гуляютъ по лицу нашей земли, открывая ей собственную ея фізіономію. Такими типами изобилуютъ всѣ его сочиненія безъ исключенія, даже и самыя слабыя. Въ лицѣ Писемскаго читающая народная масса нашла себѣ лѣтописца, а съ такими представителями ея необходимо считаться не въ одной политической, но и въ литературной сферѣ. Къ тому-же Писемскій носилъ почетное званіе это весьма достойнымъ образомъ, потому что соединялъ въ себѣ качества, рѣдко встрѣчаемыя вмѣстѣ. Это былъ замѣчательный художникъ и въ то-же время *простой* человѣкъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова!

Сколько симпатій, неудержимаго влеченія къ человеку, добрыхъ чувствъ и мыслей пробуждаетъ одинъ этотъ эпитетъ: „простой человѣкъ“, когда онъ прилагается къ дѣятелю, имѣвшему общественное значеніе. Писемскій заслужилъ его вполне. Въ нашъ вѣкъ составленія огромныхъ состояній, какъ и огромныхъ ре-

путацій, онъ оставался равнодушнымъ къ подстрекательствамъ честолюбія и тщеславія. Онъ, наоборотъ, мысленно участвовалъ въ энтузіазмѣ общественнаго мнѣнія, когда оно присуждало награды и апоѳеозы истинной заслугѣ и достоинству, не думая вовсе о своихъ правахъ на такое-же отличіе. Мы уже сказали, что всякое подобіе зависти было чуждо душѣ его, какъ равно и всякое усиліе обратить на себя вниманіе публики, выступивъ кандидатомъ на ея исключительное благоволеніе. Свою ношу таланта, изобрѣтательности, наблюденія онъ несъ чрезвычайно скромно, въ теченіе своей жизни, не имѣя и въ помыслѣ выдавать ее за вмѣстилище необычайныхъ открытій и довольствуясь той оцѣнкой ея, которую получалъ всѣдневно и обыкновеннымъ путемъ хладнокровной трезвой критики. Обликъ его перейдетъ совершенно яснымъ и опредѣленнымъ къ потомству и не помрачится никакими послѣдующими разъясненіями и разоблаченіями, потому что всѣ разъясненія и разоблаченія онъ испыталъ и перенесъ уже при жизни лица, которое его носило. Не смотря на обычную ему рѣзкость выраженія въ мысляхъ и образахъ, Писемскій былъ еще добродушнѣйшимъ человекомъ своего времени. Особенно выдѣлялось одно его качество. Онъ считалъ великимъ бѣдствіемъ на землѣ—несправедливость, оказанную человекѣку, и притомъ бѣдствіемъ столько-же для потерпѣвшаго отъ нея сколько и для того, кто въ ней провинился. Мы могли бы привести нѣсколько примѣровъ, когда наговоры какого либо дружескаго кружка на намѣченную имъ жертву, какъ часто бываетъ съ ними, погружали его въ недоумѣніе, почти въ ужасъ и заставляли его морально страдать, отыскивая ихъ причины и поводы...

Если болѣзни, слабости, паденія Писемскаго приравнивали его къ толпѣ, то съ другой стороны онъ раздѣлялъ съ нею и ея гнѣвъ, и негодованіе на людскую несправедливость, ея презрѣніе и отвращеніе къ торжеству нравственнаго безобразія на свѣтѣ и ея любовь къ единственному оружію, находящемуся въ ея распоряженіи — насмѣшкѣ, каррикатурѣ, памфлету. Мы находимъ, что *простой* человѣкъ такого рода заслуживаетъ стоять рядомъ съ тѣми героическими фигурами, какія по справедливости воздвигло наше общество, въ своемъ умственномъ пантеонѣ, памяти людей, которыми оно гордится и заслугу которыхъ высоко цѣнить.

П. Анненковъ.

ТЮ Ф Я К Ъ.

П О В Ъ С Т Ъ.

I.

Родственница.

Однажды — это было въ концѣ августа — Перепетуя Петровна уже очень давно наслаждалась послѣ-обѣденнымъ сномъ. Въ спальнѣ было темно, какъ въ закупоренной бочкѣ. Средство это употреблялось ради спасенія отъ мухъ, необыкновенно злыхъ въ этомъ мѣсяцѣ. Часу въ шестомъ Перепетуя Петровна проснулась и пробыла нѣсколько минутъ въ томъ состояніи, когда человѣкъ не знаетъ еще хорошенько, проснулся онъ или нѣтъ, а потомъ старалась припомнить, день былъ это или ночь; однимъ словомъ — она заспалась, что, какъ извѣстно, часто случается съ здоровыми людьми, легшими послѣ сытнаго обѣда успокоить свое бременное тѣло. Это полусознательное состояніе Перепетуи Петровны было прервано приходомъ горничной дѣвки со свѣчею.

— Палашка! это ты?— сказала барыня, жмуря глаза, которымъ, видно, было неприятно ощущение свѣта.

— Я, матушка.

— Что тебѣ?

— Θεоктиста Саввишна пріѣхалл.

— Что же ты, дура, давно мнѣ не скажешь, — проговорила Перепетуя Петровна, вставая проворно съ постели, насколько можетъ проворно встать женщина лѣтъ около 50-ти и пудовъ шести вѣса, а потомъ, надѣвъ передъ зеркаломъ траурный тюлевый чепецъ, съ печальнымъ лицомъ, медленнымъ шагомъ вышла въ гостиную. Гостья и хозяйка молча поцѣловались и усѣлись на диванѣ.

— Я, въ моемъ горестномъ положеніи, — сказала печальнымъ тономъ Перепетуя Петровна: — сижу больше тамъ у себя, даже съ закрытыми окнами: какъ-то при свѣтѣ-то еще грустиѣе.

— Что мудренаго, что мудренаго! — повторяла гостья, тоже плачевнымъ голосомъ, покачивая головою: — впрочемъ, я вамъ откровенно скажу: Бога ради, не убивайте вы себя такъ... Конечно, несчастіе велико: въ одно время, что называется, умеръ зять, и съ сестрою парализчъ; но, Перепетуя Петровна, нужна покорность... Что дѣлать! вѣдь ужъ не поможешь. Я, признаться сказать, таки нарочно пріѣхала провѣдать, какъ и васъ-то Богъ милуетъ; полноте... берегите свое-то здравье — не молоденькія, матушка.

Перепетуя Петровна ничего не отвѣчала на эти утѣшительныя слова; но съ половины монолога начала рыдать, закрывъ лицо носовымъ платкомъ. Этотъ обычный пріемъ плачущихъ былъ весьма кстати для Перепетуи Петровны, потому что выраженіе лица ея

въ эту горькую минуту очень было некрасиво: слезы какъ-то не шли къ ея полной, отчасти грубоватой и лишенной всякаго выраженія физиономіи. Θεоктиста Саввишна, *тождественная* своею наружностію и вѣсомъ тѣла Перепетуѣ Петровнѣ, смотрѣла на нее нѣсколько минутъ съ участіемъ, а потомъ и сама принялась плакать.

— Я видѣть ее не могу, мою голубушку, — проговорила, наконецъ, Перепетуя Петровна, всхлипывая: — представить ее даже не могу.

— Это-то и дурно, Перепетуя Петровна, — перебила утѣшительница: — ну зять, конечно, ужъ не воротишь, человѣкъ мертвый; а сестрица, вотъ вамъ какъ Богъ святъ, выздоровѣтъ. У меня покойникъ два раза былъ въ параличѣ, все лицо было сворочено на сторону, да прошло; это, вѣдь, проходитъ.

— Нѣтъ, матушка! — говорила Перепетуя Петровна: — я ужъ совѣтовалась о ней съ Карломъ Ивановичемъ, — съ ней не пройдетъ. Охъ, Господи! грудь даже начала болѣть; никогда прежде этого не бывало. Онъ говорить, у ней началось съ помѣшательства, съ гипохондріи.

— Что-жь такое гипохондрія — ничего! — возразила Θεоктиста Саввишна. Да вотъ недалеко примѣръ — Басуновъ, Саши, племянницы моей, мужъ, дѣлый годъ былъ въ гипохондріи, однако, прошла; теперь здоровъ совершенно. Что же послѣ открылось? Его безпокоило, что имѣніе было въ залогъ; жена глядѣла, глядѣла, видитъ — дѣлать нечего, заложила свою деревню, а его-то выкупила, и — прошло.

— Какъ странно, однако, это случилось! — начала Перепетуя Петровна: — она сначала, какъ умеръ Василій

Петровичъ... ничего... Конечно, грустила, только слезъ какъ-то не бывало: не плакала... Ну, безъ сомнѣнія, я каждый день то сама, то посылаю; не повѣрите, всѣ ночи не сплю, не знаю, какъ и самое-то Богъ подкрѣпляетъ; вотъ, сударыня моя, наканунѣ Троицына дня приходитъ ея Марeutка-ключница и говоритъ мнѣ: «что это, говоритъ, матушка, у насъ барыня-то все задумывается?» А я говорю: «какъ-же, я говорю, не задумываться: это по вашему ничего, кто бы ни умеръ, мать-ли, мужъ-ли — все равно.» А она мнѣ на это и говоритъ (она, даромъ что простая, — умная этакая, смѣтливая женщина): «нѣтъ, говоритъ, матушка, барыня-то что-то очень сумнительна: все насъ изволить высылать вонъ, и все перебираетъ письма Василья Петровича да Павла Васильича, а вчера какъ будто бы и заговариваться стала: говоритъ, а что — и понять невозможно.» Я такъ и не опомнилась! Охъ, Боже мой! рассказывать даже тяжело. Какъ сидѣла, вотъ на этомъ диванѣ, такъ руки и ноги охолодѣли; ничего не помню! Въ безпамятствѣ меня одѣли, снарядили, привезли къ ней, и вижу: параличъ во всей; кажется, и меня даже не узнала.

¶ Перепетуя Петровна замолчала и вздохнула; Олоктиста Саввишна тоже сидѣла задумавшись.

— Да, вотъ, можно сказать, истинное-то несчастье! — начала послѣдняя: — неприятное-то чувство! Видно, что было тяжело перенести эту потерю; я знаю это по себѣ. Ахъ, какъ это тяжело! Вотъ ужъ, можно сказать, что потеря мужа ни съ чѣмъ не можетъ сравниться! Кто ближе его? никто! Другъ, что называется, на всю жизнь человѣческую. Гдѣ дѣти-то Анны Петровны?

— Лиза писала, что приѣдетъ и съ мужемъ сюда

совсѣмъ на житье; а Паша ужь мѣсяца съ три какъ прѣѣхалъ изъ Москвы: онъ, слава Богу, всѣ ихныя тамъ экзамены кончилъ хорошо: въ наверситетѣ вѣдь онъ былъ.

— Это я слышала. Что-то онъ бѣдненькій? Его-то положеніе ужасно: онъ былъ, какъ говорится, маменькинъ сынокъ.

Перепетуя Петровна вздохнула.

— Что онъ? ничего... мужчина! У нихъ, знаете какъ-то чувствъ-то этакихъ нѣтъ... А ужь онъ и особенно, всегда былъ такой неласковый. Ну, вотъ хоть ко мнѣ: я ему, недалеко считать, родная тетка; вѣдь никогда, сударыня моя, не придетъ, чтобы этакъ приласкаться: поговорилъ бы, посовѣтовался, рассказалъ бы что-нибудь — никогда! Придетъ, сидитъ да ногой болтаетъ, — согрѣшила, грѣшная. Я съ вами, Θεоктиста Саввишна, говорю откровенно...

— Эй, полноте, Перепетуя Петровна, — перебила Θεоктиста Савишна: — вы, я думаю, знаете: я не болтушка какая-нибудь; слава Богу, девятый годъ живу здѣсь, а никогда, можно сказать, ни въ одной скандалезности не была замѣшана.

— Потому-то я съ вами и говорю. Грустно этакъ на сердцѣ-то носить, особенно семейныя неприятности, — продолжала Перепетуя Петровна. — Охъ, Боже мой! опять забыла, о чемъ начала...

— О Павлѣ Васильичѣ.

— Да, о Пашѣ. Конечно, я хоть и родная тетка, а всегда скажу: онъ не картежникъ, не мотъ какой-нибудь, не пьяница — этого ничего нѣтъ, да ученья-то въ немъ какъ-то невидно, а ужь его-ли, вѣдется, не учили? Шестъ лѣтъ въ гимназіи сидѣлъ, да въ Москвѣ

дѣтъ пять былъ; ну вотъ, хоть и теперь, безпрестанно все читаетъ, да только толку-то не видать: ни этакого, знаете, обращенія, ловкости этакой въ обществѣ, какъ у другихъ молодыхъ людей, или этакихъ умныхъ, солидныхъ разговоровъ — ничего нѣтъ! Дѣдность непо-мѣрная, моціону никакого не имѣеть: цѣлые дни сидитъ да лежитъ... тюфякъ, совершенный тюфякъ! Я еще его маленькаго прозвала тюфякомъ.

— Что это за странность? стало быть, онъ и въ военную службу не пойдетъ?

— Какой онъ военный! Сама сестра тутъ виновата; конечно, ужъ теперь про нее говорить нечего... человекъ больной... не внушала ему никогда, надзору настоящаго не бывало: «Паша! Паша!» и больше ничего; что Паша ни дѣлай, все хорошо. Паша не выходитъ при гостяхъ въ гостиную и сидитъ тамъ у себя... Прекрасно, батюшка: бѣгай хорошаго общества! Отдали танцовать учиться, чрезъ мѣсяць пришелъ: «я не хочу, маменька, учить танцовать, я не способенъ!» Какая тутъ способность? всякій молодой человекъ способенъ!—И то прекрасно: не учись, сынокъ, будь медвѣдемъ. А опять, хоть бы застоломъ... у меня всегда, бывало, ссора: чернаго хлѣба совершенно не ѣсть, а теперь вотъ на здоровье жалуется... Ему, бывало, очень не понутру, какъ я приѣду; я вѣдь не люблю, безпрестанно замѣчаю: «Паша, сяди хорошенько, Паша, будь поразвязнѣе, поди умой руки!» Ну и получше: поисправится... какъ быть дворянскій мальчикъ. Сестра добрая женщина, а мать была слабая. Говорятъ, въ собственныхъ дѣтяхъ нельзя видѣть недостатковъ; пустое! будь у меня дѣти, я бы первая все видѣла! Вотъ Лиза совсѣмъ не то;

какъ была отдана съ малолѣтства въ чужіе люди, такъ и вышла другая! Ее, еще четырехъ лѣтъ, увезла сестра Василья Петровича, классная дама... Ну, а какъ сюда пріѣхала, манеры-то тоже очень начала терять. Хорошо, что я же нашла жениха, а то, пожалуй, и теперь бы сидѣла въ дѣвкахъ... никто бы и не замѣтилъ. Ну, сначала было все хорошо, очень были рады, что выходитъ замужъ, а послѣ на меня же была претензія; Василій Петровичъ часто говорилъ: «Богъ съ вами, сестрица, спровадили отъ насъ Лизу за тридевять земель, жила-бы лучше поближе къ намъ; зять — человѣкъ неизвѣстный, Богъ знаетъ, какъ живетъ». Что же вышло? Человѣкъ прекрасный, каждую почту пишетъ ко мнѣ преласковыя письма: «почтеннѣйшая тетуська!» и потомъ все такъ умно излагаетъ. Очень, очень — неглупый человѣкъ.

Въ продолженіе всей этой рѣчи Θεоктиста Саввишна качала головой и повременамъ вздыхала.

— Сколько у васъ неприятностей-то было, Перепетуя Петровна, — начала она послѣ непродолжительнаго молчанія: — особенно, зная вашу родственную-то любовь... Какъ вѣдь это грустно, когда видишь, что дѣлается не такъ, какъ бы хотѣлось!

— Что дѣлать, Θεоктиста Саввишна? Вся жизнь моя, можно сказать, прошла въ горестяхъ: въ молодыхъ годахъ жила съ больнымъ отцомъ, шесть лѣтъ въ церкви Божіей не бывала, ходила за нимъ, что называется, денно и ночью, никогда не роптала; только, бывало, и удовольствія, что съѣзжу въ ряды да нарядовъ себѣ накуплю: наряжаться любила... Говорили послѣ, что я вдвое больше получила противъ сестры... пустое! Дѣло ужъ прошлое: лишней

копѣйки нѣтъ на моей совѣсти. А и теперь, для чего я живу?... Племянники — не родныя дѣти; нынче и на родныхъ-то дѣтей нельзя положиться; и въ нихъ иногда нѣтъ утѣшенія.

— Именно такъ, именно...—подтверждала Θεоктиста Саввишна.

Разговоръ еще нѣсколько времени продолжался на ту-же тему. Наконецъ, Θεоктиста Саввишна начала прощаться. Перепетуя Петровна умоляла ее пробывать вмѣстѣ съ нею вечеръ; но Θεоктиста Саввишна рѣшительно отказалась: она почувствовала непреоборимое желаніе передать въ одномъ дружественномъ для нея домѣ все, что она узнала отъ Перепетуи Петровны на счетъ ея семейныхъ неприятностей. Хозяйка, видя невозможность оставить у себя свою гостью на вечеръ, рѣшилась сама, отъ нечего дѣлать, исполнить священный долгъ и извѣстить свою больную сестру. Такимъ образомъ, обѣ дамы сошли вмѣстѣ съ крыльца и разошлись по своимъ экипажамъ.

Θеоктиста Саввишна... но здѣсь я долженъ нѣсколько остановиться и обратить вниманіе читателя на дружественный для нея домъ. Домъ этотъ состоялъ изъ отца, матери и двухъ дочерей, и принадлежалъ къ высшему губернскому кругу. Владиміръ Андреичъ Кураевъ былъ представитель и родоначальникъ его. Жилъ онъ открыто и былъ человекъ въ обществѣ видный, рѣзкій немного на языкъ, любилъ порезонерствовать и владелъ даромъ слова; наружность имѣлъ онъ очень внушительную, солидную и даже нѣсколько стрегую. Говорили въ городѣ, что будто бы онъ былъ немного деспотъ въ своемъ семействѣ, что у него всѣ домашніе плясали по его дудкѣ; и что его власто-

любіе прорывалось даже иногда при постороннихъ, не смотря на то, что онъ, видимо стараясь дать женѣ вѣсь въ обществѣ, называлъ ее всегда по имени и отчеству, то-есть Марьей Ивановной, относился часто къ ней за совѣтами и спрашивалъ ея мнѣнія, говоря такимъ образомъ: «какъ вы думаете, Марья Ивановна? — что вы на это скажете, Марья Ивановна?» Покупая какую-нибудь вещь въ лавкахъ, онъ обыкновенно говорилъ прикащику: «принеси, братецъ, на домъ, я посоветуюсь съ Марьей Ивановной!» Вещь приносили, и Владиміръ Андреичъ оставлялъ ее за собою въ долгъ. Что касается до Марьи Ивановны, то это было какое-то существо совершенно безличное, и она служила только слабымъ отраженіемъ своего супруга: что бы она вамъ ни говорила, вы непременно это слышали, за нѣсколько дней, отъ Владиміра Андреича. Были слухи, будто-бы Марья Ивановна говорила иногда и отъ себя, высказывала иногда личные свои мнѣнія, такъ напримѣръ: жаловалась на Владиміра Андреича, говорила, что онъ рѣшительно ни въ чемъ не даетъ ей воли, а все потому, что взялъ ее безъ состоянія, что онъ человѣкъ хитрый и хорошъ только при людяхъ; на дочерей своихъ она тоже жаловалась, особенно на старшую, которая, по ея словамъ, только и боялась отца. Въ обществѣ Марья Ивановна слыла за женщину недалую, но добрую и рѣшительно не сплетницу. Двѣ дочери ихъ, Юлія и Надежда, были первыя красавицы во всемъ городѣ, или, по крайней мѣрѣ, такъ убѣждены были ихъ родители. Стоявшіе въ этомъ городѣ армейскіе офицеры старшую прозвали гордою брюнеткой, а младшую — рѣзвою блондинкой. Брюнетка была похожа на отца

и вела себя въ обществѣ скромно и даже нѣсколько гордо; дома-же, особенно у себя въ комнатѣ была гораздо говорливѣе, давала своей горничной безпрестанныя нотации за различныя упущенія по туалету. Блондинка была одинакова какъ въ обществѣ, такъ и у себя въ комнатѣ, то-есть немного скоро и необдуманна: съ дѣвками больше смѣялась, никогда не давала имъ наставленій и очень скоро одѣвалась на балы. О состояніи Кураевыхъ носились какіе-то двусмысленные слухи. По моему мнѣнію, судя по ихъ образу жизни, прямо бы надобно было заключить, что они богаты; но нашлись подозрительные умы, которые будто бы очень хорошо знали, что у Кураевыхъ всего 150 мотанныхъ и промотанныхъ душъ, что денегъ ни гроша, и что хотя Владиміръ Андреичъ и рассказывалъ, что онъ очень часто получаетъ наслѣдства, но живетъ онъ, по словамъ тѣхъ же подозрительныхъ умовъ, не совсѣмъ благородными аферами, начиная съ займа, гдѣ только можно, и кончая обдѣльваніемъ разнаго рода маленькихъ подрядцевъ. Вотъ что говорили подозрительные умы.

Феохтиста Саввишна, не смотря на то, что могла быть отнесена къ вышеозначеннымъ подозрительнымъ умамъ, являлась, и теперь явилась, въ дружественный для нея домъ съ почтеніемъ, похожимъ даже нѣсколько на подобострастіе. Хозяйкѣ и барышнямъ раскланялась она жеманно, свернувъ нѣсколько голову на-бокъ, а Владиміру Андреичу, видно, для выраженія своего почтенія, присѣла ниже, чѣмъ прочимъ. Усѣвшись, она тотчасъ же начала рассказывать, что вчера, на обѣдѣ у Жустковыхъ, Махмурова наговорила за мужа большихъ дерзостей Подслѣповой, что

Бахтіаровъ купилъ еще лошадь у ея двоюроднаго брата, что какой-то Августинъ Августинычъ третій мѣсяцъ страдаетъ насморкомъ, и что эта несносная болѣзнь заставляеть его, не смотря на твердый характеръ даже плакать. Владиміръ Андреичъ сидѣлъ, развалиясь въ креслахъ, и рѣшительно не обращалъ вниманія на рассказы Θεоктисты Саввишны; барышни также мало ея занимались: онѣ въ это время, отъ нечего дѣлать, рассматривали модную картинку, и потихоньку растолковывали ее другъ другу. «Это, должно быть, тюлевая пелеринка», говорила одна. «Нѣтъ, та сѣге, это блондовая», и тому подобное. Слушала Θεоктисту Саввишну одна только Марья Ивановна, но и та скоро вышла къ себѣ въ комнату.

— Чѣмъ это вы, Юлія Владиміровна, занимаетесь? отнеслась Θεоктиста Саввишна къ дѣвушкамъ.

— Смотримъ, отвѣчала брюнетка.

— Что это такое смотрите?

— Картинку изъ журнала.

Θеоктиста Саввишна пододвинулась къ барышнямъ:

— Что-же это такое? Моды?

— Моды.

— Нынѣшнія?

— Нынѣшнія.

— Нынче наряжайтесь, барышни, наряднѣе: у васъ зимой будетъ новый кавалеръ.

— Ихъ всегда много, отвѣчала съ гримасою брюнетка.

— Кто такой? спросила блондинка.

— Ловкій... красавецъ изъ себя... богатый.

— Кто же это такой? проговорилъ Владиміръ Андрейчъ.

— Василья Петровича Бешметева сынъ; чай, изволите знать?

— Знаю. Да откуда-же ему богатство-то досталось?

— Я, вѣдь, смѣюсь. Мѣсяць только и танцовать-то учился: молодой еще человѣкъ, только просто медвѣдь; сидитъ да ногой болтаетъ; и родные-то тюфякомъ зовутъ. Не больно, кажется, и уменъ; говорить рѣшительно ничего не умѣетъ.

— Жалкій какой! замѣтила брюнетка.

— А собой хорошъ? спросила блондинка.

— Не такъ красивъ: волосы взъерошенные, руки неумытыя.

— Фи, гадость какая! хочется вамъ это рассказывать!— произнесла брюнетка.

— За что-же его зовутъ тюфякомъ? спросила блондинка.

— Очень ужъ неловокъ, не развязенъ, отвѣчала Θεоктиста Саввишна.

— Какъ это смѣшно! тюфякъ!—продолжала блондинка:—я непременно пойду съ нимъ танцовать; я очень люблю танцовать съ этими *несчастливыми*.

— Вотъ этого-то тебѣ и не позволить сдѣлать, возразилъ Владиміръ Андрейчъ:—я ужъ замѣтилъ, что ты всегда съ дрянью танцуешь. А отчего? оттого, что все готово. Какъ бы своя ноша потянула, такъ бы и знала, съ кѣмъ танцовать; да! — заключилъ онъ выразительно и вышелъ. Блондинка покраснѣла.

На другой день Θεоктиста Саввишна, на крестинахъ у своего двоюроднаго брата, у котораго Бахтіаровъ купилъ лошадь, рассказала, что Перепетуя Пет-

ровна до сихъ поръ все еще плачетъ по зятѣ и очень недовольна пріѣхавшимъ изъ Москвы племянникомъ, потому что онъ вышелъ человекъ грубый, безъ всякаго обращенія, рѣшительно тюфякъ. На этотъ ея рассказъ по преимуществу обратили вниманіе: рябая дама, знакомая Перепетуи Петровны, и какой-то мзглый старичекъ, пользовавшійся, по его словамъ, расположеніемъ Анны Петровны. А дней черезъ нѣсколько, съ помощью Θεоктисты Саввишны и исчисленныхъ мною особъ, многіе, очень многіе узнали, что послѣ покойнаго Бешметева, пріѣхалъ сынъ, ужасный чудакъ, неловкій, да, кажется, и недалкій — просто тюфякъ.

II.

Братъ, сестра и тетка.

Между-тѣмъ какъ такимъ образомъ разносился слухъ о молодомъ Бешметевѣ, онъ сидѣлъ задумавшись, въ своей комнатѣ. Невдалекѣ отъ него помѣщалась молодая женщина: это была его сестра, Лиза, какъ называла ее Перепетуя Петровна. Бешметевъ, дѣйствительно, никакимъ образомъ не могъ быть отнесенъ, по своей наружности, къ красивымъ и статнымъ мужчинамъ: средняго роста, но широкій въ плечахъ, съ впалою грудью и съ большими руками, онъ, подлинно, былъ, какъ выражаются дамы, очень дурно сложенъ и даже неуклюжъ; въ движеніяхъ его обнаруживалась какая-то вялость и неповоротливость; но если-бы вы стали всматриваться въ его широкое, блѣдное и неправильное лицо, въ его большіе, голубые глаза, то постепенно стали бы открывать что-то та-

кое, что вамъ понравилось бы, очень понравилось. Говорять, что это — оттѣнки мысли и чувствъ, которыя въ иныхъ лицахъ не дають себя замѣтить при первомъ взглядѣ. Бѣлые волосы его не были взъерошены, какъ говорила, Θεоктиста Саввишна, но, умѣренно-подстриженные, они, конечно, лежали, какъ имъ хотѣлось, что, впрочемъ, очень шло къ ему блѣдному и большому лбу; одѣтъ онъ былъ небрежно.

Совершенно другой наружности была Лизавета Васильевна; высокая ростомъ, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, съ роскошными волосами, которые живописно собирались сзади въ одну темную косу, она была почти красавица въ сравненіи съ братомъ. Въ одеждѣ ея замѣтны были вкусъ и опрятность, что, какъ извѣстно, дается въ удѣлъ немногимъ губернскимъ барынямъ. Въ выраженіи лица молодой женщины высказывалось что-то грустное, почему она и казалась какъ бы старше двадцати пяти лѣтъ, которые прожила на бѣломъ свѣтѣ. Братъ и сестра сидѣли задумавшись; глаза Лизаветы Васильевны были заплаканы. Они только вышли отъ больной матери. Старуха была разбита параличемъ, отнявшимъ у нея движеніе и языкъ и затмившимъ почти совершенно умственные способности; она помнила и узнавала одного только Павла. Большею частію она была въ безпамятствѣ, а пришедши въ себя, то истерически смѣялась, то плакала. Лизавету Васильевну она совершенно не узнала: напрасно Павелъ старался ей напомнить о сестрѣ, которая съ своей стороны начала было разсказывать о дѣлахъ, о мужѣ: старуха ничего не понимала, и только, взглядывая на Павла, улыба-

лась ему и какъ бы сидѣлась что-то сказать; а чрезъ нѣсколько минутъ пришла въ безпамятство.

Павелъ, получившій отъ медика приказаніе не беспокоить мать въ подобномъ состояніи, позвалъ сестру, и оба они усѣлись въ гостиной. Долго не вышло между ними разговоръ: они такъ давно не видались, у нихъ было такъ много горя, что слово какъ бы не давалось имъ для выраженія того, что совершалось въ эти минуты въ ихъ сердцахъ: они только молча мѣнялись ласковыми взглядами.

— Какъ мы съ тобой давно не видались, Поль! начала, наконецъ, Лизавета Васильевна.

— Давно, Лиза.

— Перемѣнилась я съ тѣхъ поръ?

— Очень переѣнилась.

— У меня двое дѣтей; старшій сынъ ужасно похожъ на тебя.

— А мужъ твой, Лиза?

— Мужъ у меня, братецъ... онъ немного вѣтренъ; но, впрочемъ, добрый человекъ, и кажется, любитъ меня.

— Зачѣмъ же ты за него вышла? спросилъ Павелъ, глядя на сестру.

— Богу такъ угодно! Насъ сосватала тетушка: она уговорила батюшку и матушку, насказавши имъ о безчисленномъ богатствѣ моего мужа.

— И что-жь? это вышло правда?

— Правда, отвѣчала, съ горькою улыбкою, молодая женщина.

— Помнишь, что ты мнѣ говорила?

— Что я тебѣ говорила?

— Что ты... <http://rcin.org.pl>

Молодая женщина улыбнулась.

— Это давно уже прошло, отвѣчала она, вспыхнувъ.

— Тебя не уговаривали выдти за другаго?

— Нѣтъ, Поль, я сама первая согласилась, отвѣчала молодая женщина.

— Не можетъ быть!

— Отчего же не можетъ быть?.. Но, впрочемъ, перестанемъ говорить объ этомъ, Поль... Это была глупость, и больше ничего.

— А я на дняхъ встрѣтилъ Бахтіарова.

Лизавета Васильевна вдругъ поблѣднѣла.

— Развѣ онъ здѣсь? спросила она, стараясь скрыть внутреннее волненіе; но голосъ ея дрожалъ, губы слегка посинѣли... Павелъ молчалъ и только внимательно посмотрѣлъ на сестру.

— Лучше поговоримъ о тебѣ,—начала Лизавета Васильевна, стараясь перемѣнить предметъ разговора: — что ты съ собой хочешь дѣлать?

Этотъ вопросъ смутилъ Павла.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Ты думаешь здѣсь служить?

— Нѣтъ.

— Такъ, стало быть, ты хочешь уѣхать, опять съ нами разстаться надолго?

— Да, мнѣ надобно бы было ѣхать.

— Но матушка? какъ ты ее оставишь?

Павелъ задумался.

— Мое положеніе, началъ онъ, очень-непріятно... Я думалъ непременно ѣхать.

— Поживи, братецъ, съ нами.

— Нельзя, Лиза, мнѣ бы хотѣлось подготовить себя и выдержать на магистра.

— Ну, а потомъ что?

— А потомъ.... потомъ можетъ быть очень хорошо.... это лучшая для меня дорога.

— Такъ поѣзжай.

— А матушка?...

Лизавета Васильевна нѣсколько минутъ ничего не отвѣчала.

— Ей, можетъ быть, сдѣлается лучше, — начала она: — и ты поѣдешь; она тоже къ тебѣ пріѣдетъ.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ пріѣздомъ Перепетуи Петровны.

— Лизанька! другъ мой! ты ли это? — вскрикнула она, почти вбѣжавши въ комнату, и бросилась обнимать племянницу; затѣмъ слѣдовало съ полдюжины поцѣлуевъ; потомъ радостныя слезы.

— Давно ли ты, милашка моя, пріѣхала? — говорила тетка, нѣсколько успокоившись и усаживаясь на диванѣ.

— Сегодня утромъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу! Что сестричушка-то? я и не спросила о ней.

— Матушка заснула, отвѣчалъ Павелъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу! пусть ее почиваетъ. Здравствуй, Паша. Я тебя-то и не замѣтила; подвинь-ка мнѣ скамеечку подъ ноги: этакій какой неловкій — никогда не замѣтитъ. Павелъ подаль свамейку. — Погляди-ка на меня, дружокъ мой, — продолжала Перепетуя Петровна, обращаясь къ племянницѣ, — какъ ты похорошѣла, пополнѣла. Видно, мать моя, не въ загонѣ живешь? Не съ прибылью-ли ужь? Ну,

что муженекъ-то твой? Я его, голубчика, ужь давно не видала.

— Онъ дома остался; слава Богу, здоровъ, отвѣчала Лизавета Васильевна, цѣлуя у тетки руку. Перепетуя Петровна больше любила племянницу, чѣмъ племянника, потому что та была къ ней ласковѣе.

— Что дѣточки-то твой? Михайло Николаичъ писалъ, что они просто милашки.

— Я завтра ихъ привезу къ вамъ, тетушка.

— Непремѣнно привези! смотри же, одна и не ѣзди! Паша, полно спидѣть букой-то; пододвинься, батюшка, къ намъ; поговори хоть съ сестрой-то; вѣдь, я думаю, лѣтъ пять не видалась?

— Мы съ нимъ ужь, тетушка, наговорились и заплакались.

— Счастье твое, мать моя! а со мной — такъ онъ не больно говорилъ. О чемъ это съ тобою-то говорилъ?

— Разсказывалъ свои обстоятельства.

— Мнѣ никогда ни слова не говорилъ. Какія же его обстоятельства? Да скажи, батюшка, хоть что-нибудь. Что ты скрываешь? Что, я тебѣ чужая что ли? Зла что-ли я тебѣ желаю? Я, кажется, ничего тебѣ не показывала, кромѣ моего расположенія: грѣхъ тебѣ, Паша! Какія же это обстоятельства?

— Сестра вамъ лучше расскажетъ; она знаетъ все, отвѣчалъ Павелъ, съ величайшимъ терпѣніемъ выслушивавшій претензіи тетки.

— Какія же обстоятельства?—спросила снова любопытная Перепетуя Петровна, уже обращаясь къ племянницѣ.

— Вотъ видите, тетушка, брату нужно ѣхать въ Москву.

— Это зачѣмъ? почти вскрикнула Перепетуя Петровна.

— Ему надобно выдержать на магистра.

— Что же это, должность что-ли какая?

— Все равно, что должность, отвѣчалъ Павелъ.

— А жалованье велико ли?

— Жалованья нѣтъ.

— Такъ какая же это должность? Этакихъ-то должностей и здѣсь много. Какъ же ты мать-то оставишь?

— Это-то меня и беспокоитъ, тетушка.

— Отчего ты не хочешь здѣсь служить? Не хуже тебя служить Федосья Парфентьевны сынъ; ужь именно, можно сказать, прекрасный молодой человекъ: съ обращеніемъ, по-французски такъ и рѣжетъ, да вѣдь служить же; скоро, говорятъ, чинъ получить; а тебѣ отчего не служить? Ты вспомни мать-то свою, чѣмъ она для тебя не жертвовала? Здоровья своего, что называется, не щадила; не мало съ тобой возилась, не молоденькая была, а тебѣ не хочется остаться успокоить ее въ послѣднія, что называется, минуты. Лиза... конечно! Ну, да что же дѣлать? Она ту меньше любила, да, вѣдь, она ужь отрѣзанный ломоть: у нея свои обязанности, свое семейство; иной бы разъ и радъ угодить матери, да не можетъ, впору и мужу угождать да тѣшить его; а ты свободный человекъ, мужчина! Нѣтъ, сударь, не слѣдуетъ; за это Богъ тебѣ всю жизнь не дастъ счастія! Нечего супиться-то, я правду говорю.

— Все это хорошо... и я самъ знаю, тетушка, возразилъ Павелъ.

— Нѣтъ, видно, не знаешь, коли хочешь дѣлать другое.

— Я думаю ѣхать, если матушка сама мнѣ это позволить, а послѣ и ее къ себѣ перевести.

Перепетуя Петровна, при этихъ словахъ, покраснѣла, какъ вареный ракъ.

— Нѣтъ уже, Павелъ Васильичъ, извините, начала она неприятно-звонкимъ голосомъ; этого-то мы никакъ не допустимъ сдѣлать:—да я первая не позволю увезти отъ меня больную сестру; чѣмъ-же ты насъ-то послѣ этого считаешь? Чужая что-ли она намъ? Она такъ-же близка нашему сердцу, можетъ-быть, ближе, чѣмъ тебѣ. Ты умница, я вижу: отдай ему мать таскать тамъ съ собой, что-бы какой-нибудь дряни, — согрѣшила грѣшная, — отдалъ подъ начальъ.

— Тетушка! начальъ-было Павелъ.

— Не смѣйте, сударь, этого и думать!—возразила Перепетуя Петровна. Она, конечно, человекъ больной... пожалуй, онъ это сдѣлаетъ, увезетъ ее.... Да вотъ, дай Господи мнѣ на этомъ мѣстѣ не усидѣть: я первая до начальства пойду, ей-богу! Губернатору просьбу подамъ...

— Успокойтесь, тетушка, сказала Лизавета Васильевна.

— Что это, сударыня, какъ это возможно? Вишь какой финти-фантъ! Пожалуй, гляди ему въ зубы-то... Пусть одинъ ѣдетъ, уморить ее; по крайней-мѣрѣ, на совѣсти-то у насъ не будетъ лежать. Ему, я думаю, давно хочется ее спровадить.

Павелъ весь вспыхнулъ....

— Богъ съ вами, тетушка! проговорилъ онъ, и ушелъ къ себѣ въ комнату.

Больная въ это время простонала.

— Матушка-то моя простонала, заговорила вдругъ совершенно другимъ голосомъ Перепетуя Петровна, и вошла въ спальню къ сестрѣ.— Здравствуй, голубушка, поздравляю тебя съ радостью; вотъ у тебя обѣ твои пташки подъ крылышками. О, голубушка моя! Какая она сегодня свѣжая; дай ручку поцѣловать.

При этихъ словахъ Перепетуя Петровна поцѣловала у сестры руку.— Позови, матушка, Павла-то сюда, прибавила она, обращаясь къ племянницѣ.

Лизавета Васильевна пошла за братомъ. Павелъ стоялъ прислонясь къ окну; слезы, невѣдомо для него самого, текли по его щекамъ.

— Братецъ! пойдѣмъ къ матушкѣ, сказала тихо Лизавета Васильевна.

Павелъ, какъ-бы пробудившись отъ сна, вздрогнулъ; потомъ, увидѣвъ, что это была сестра, обнялъ ее, крѣпко поцѣловалъ, утеръ слезы, и пошелъ къ матери.

— Вотъ тебѣ и Паша! Подойди къ матери-то, приласкайся, говорила Перепетуя Петровна, усѣвшаяся на кровати рядомъ съ сестрою.

Больная, не обращая вниманія на ея слова, взяла сына за руку и начала глядѣть на него.

— Будь спокойна, матушка-сестрица, онъ не поѣдетъ, заговорила Перепетуя Петровна:— какъ ему ѣхать?—онъ не можетъ этого и подумать; его Богъ накажетъ за это.

На глазахъ старухи показались слезы.

— Не уѣдетъ матушка, ей-богу, не уѣдетъ! Какъ это возможно? Мы всё его не отпустимъ. Скажи, сударь, самъ-то, что не поѣдешь. Что молчишь?

Больная сначала расхохоталась, потомъ перешла къ слезамъ, и начала рыдать.

— Что это, Павелъ Васильичъ!— вскрикнула Перепетуя Петровна, вышедъ изъ себя:— до чего ты доводишь мать-то? Безстыдникъ этакій! Бога не боишься!

— Поль! успокой маменьку, сказала Лизавета Васильевна брату.

— Я не поѣду, матушка, проговорилъ наконецъ Павелъ.

Но старуха не унималась и продолжала плавать.

— Я не ѣду, матушка, я всю жизнь буду при васъ, говорилъ онъ, цѣлуя мать.

Лизавета Васильевна и Перепетуя Петровна плакали; послѣдняя даже рыдала очень громко, приговаривая: — давно бы такъ, сударь, что это за неблагодарность такая, за нечувствительность?

Еще сполчася продолжалась эта сцена. Наконецъ, больная успокоилась и заснула. Тетка уѣхала вмѣстѣ съ Лизаветой Васильевной, за которой мужъ прислалъ лошадей, а Павелъ ушелъ въ свою комнату.

— Господи! что мнѣ дѣлать?— сказалъ онъ, всплеснувъ руками, и бросился на постель.

Цѣлый часъ почти пролежалъ онъ, не измѣнивъ положенія; потомъ всталъ и, казалось, былъ въ сильномъ волненіи: руки его дрожали; въ лицѣ, обычно задумчивомъ и спокойномъ, появилось какое-то странное выраженіе какъ-бы всё мышцы лица были въ движеніи, темные глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Онъ началъ разбирать свои

бумаги и, отложивъ изъ нихъ небольшую часть восторону, принялся остальные рвать. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ мудрыя рукописи, какъ-то: лекціи, комментарий, конспекты, сочиненія, были перерваны на нѣсколько кусковъ. Павелъ принялся-было за книги, но корешковые переплеты устояли противъ его рукъ, и онъ удовольствовался только тѣмъ, что подложилъ ихъ къ печкѣ, видно — съ намѣреніемъ сжечь ихъ на другой день. Этотъ энергическій припадокъ, кажется, былъ не въ духъ Павла; онъ, видно, не былъ похожъ на тѣхъ горячихъ людей, которые, разсердившись, кричатъ, колотятъ стекла, часто бьютъ своихъ лакеевъ и даже женъ, если таковыя имѣются, а потомъ, черезъ четверть часа, преспокойно курятъ трубку. Мой студентъ, послѣ варварскаго поступка съ своими тетрадами, упалъ въ изнеможеніи на постель; въ полночь, однако, онъ всталъ и, кажется, нѣсколько успокоился, потому-что бережно началъ собирать разованные бумаги и переложилъ книги отъ печки на прежнее мѣсто. Заснулъ онъ, впрочемъ, ужь утромъ.

III.

Михайло Николаичъ Масуровъ.

На другой день, часу въ первомъ пополудни, Михайло Николаичъ Масуровъ, мужъ Лизаветы Васильевны, стоялъ у себя на дворѣ, въ шелковомъ казакинѣ, въ широкихъ шароварахъ, безъ шапки, съ трубкою въ зубахъ и съ хлыстомъ въ рукѣ. Передъ нимъ гоняли на кордѣ лошадь, приведенную ему для продажи цыганомъ. Масуровъ имѣлъ курчавые волосы, здоровое,

смазливое лицо и довольно-красивые усы. Его шелковый казакинъ, его широкіе шаровары, даже хлысть въ рукѣ и трубка въ зубахъ, очень шли къ его наружности: во фракѣ или сюртукѣ онъ былъ-бы, кажется, гораздо хуже.

Цыганъ нахваливалъ лошадь, а Масуровъ, какъ знатокъ, находилъ въ ней недостатки.

— Смотри, баринъ,—говоритъ цыганъ:—переднія-то ноги какъ несутъ! корабли пройдутъ.

Переднія-то хорошо несутъ, да задними-то хлябнуть; на двуногой-то, братъ, далеко не уѣдешь. Ванька! подведи-ка ее сюда!—Ванька подвелъ лошадь къ барину. — Вотъ она гдѣ хлябнуть-то, — говорилъ Масуровъ, толкая сильно кулакомъ лошадь въ заднюю лопатку, такъ-что та покачнулася:—шей-то, смотри, ничего нѣтъ; вотъ и копыта-то точно у лошава: это ужь, братъ, значить не тово, не породиста.

— Что копыта?—говоритъ цыганъ, поднимая ногу у лошади, — ты посмотри, какая нога-то у лошади.

— Сашка! куда ты бѣжишь? сказалъ Масуровъ, хватая за платье горничную, которая бѣжала изъ избы съ утюгомъ.

— Полноте, сударь, гладить пора. Ей-богу, обожгу; вонъ, барыня смотритъ въ окошко.

— Эка важность барыня!—И онъ ужь хотѣлъ было обхватить ее за талию, но она дотронулася до дерзкой руки утюгомъ; тотъ невольно отдернулъ ее, и горничная, пользуясь минутой свободы, юркнула въ сѣни. — Эка пострѣлъ хорошенькая! замѣтилъ Масуровъ, глядя ей вслѣдъ. Горничная дѣйствительно была хорошенькая. Лизавета Васильевна, не смотря на слабость своего супруга въ отношеніи прекраснаго пола,

не оберегала себя съ этой стороны, подобно многимъ женамъ, выбирающимъ въ горничныя уродовъ или старухъ. Она въ это время точно сидѣла съ братомъ у огня; но, увидѣвъ, что ея супругъ перенесъ свое вниманіе отъ лошади къ горничной, встала и пересѣла на диванъ, приглашая то же сдѣлать и Павла, но онъ видѣлъ все: и тотчасъ-же отошелъ отъ окна, и взглянулъ на сестру: лицо ея горѣло, ей было стыдно за мужа; но оба они не сказали ни слова.

На кругломъ столѣ, стоявшемъ около дивана, лежала какая-то бумага. Лизавета Васильевна машинально взяла ее и развернула: это была записка слѣдующаго содержанія: «Пріѣзжайте сегодня; мы васъ ждемъ. Вы вчера зарвались; нужно-же было понадѣяться на шельму валета». Лизавета Васильевна поблѣднѣла. Она очень хорошо знала смыслъ подобныхъ записокъ; безпокойство ея еще болѣе увеличилось, когда вспомнила она, что вчерашній день, сверхъ обыкновенія, оставила ключи отъ шкатулки дома. «Онъ вѣрно вчера игралъ», подумала она и вышла въ спальню. Увы! подозрѣнія ея оправдались: шкатулка была даже не заперта; изъ пяти тысячъ, единственнаго капитала, оставшагося отъ продажи съ аукціоннаго торга мужа имѣнія, она не досчиталась ровно трехъ тысячъ. Видно, Лизаветѣ Васильевнѣ было очень жаль этихъ денегъ: она не въ состояніи была выдержать себя и заплакала; она не скрыла и отъ брата своего горя, — рассказала, что имѣніе ихъ, въ Саратовской губерніи, продано, и что отъ него осталось только пять тысячъ рублей, изъ которыхъ прекрасный муженекъ ея успѣлъ уже проиграть больше половины; теперь у нихъ осталось только ея состояніе,

то-есть тридцать душъ. Но чѣмъ этимъ будешь жить? а главное, на что воспитывать дѣтей, которыхъ уже теперь двое? Вотъ что узналъ Павелъ о ея семейныхъ обстоятельствахъ. Лизавета Васильевна просила его поговорить мужу. Павелъ общался.

— Ты только сама начини, сестрица: вдругъ неловко,— замѣтилъ онъ. Въ тоже время слышался голосъ Масурова.

— Ухъ! Ой, батюшки, отцы родные! — говорилъ онъ, входя въ комнату: — ой, отпустите душу на покаяніе! — продолжалъ онъ, кидаясь въ кресла, — ой, занемогу! И залился громкимъ смѣхомъ.

— Что тебѣ такъ весело? спросила Лизавета Васильевна.

— Ахъ, душка моя! ты себѣ представить не можешь, что я видѣлъ сейчасъ. Вообрази... вспомнить не могу... Но звонкій смѣхъ, которымъ разразился онъ, снова прервалъ его рѣчь.

Братъ и сестра невольно улыбнулись, глядя на наивную веселость Михайла Николаича.

— Да что такое? повторила Лизавета Васильевна

— Вы сами умрете со смѣха,— продолжалъ Масуровъ, утирая выступившія отъ смѣха на глазахъ слезы. — Можешь себѣ представить: вхожу я въ кухню, и что же? долговязая Мареутка сидитъ на мужѣ верхомъ и бьетъ его кулаками по рожѣ, а онъ, знаешь, пьяный, только этакъ руками барахтается. Тутъ онъ представилъ, какъ пьяный мужъ барахтается руками, и самъ снова захохоталъ во все горло, но слушатели его не умерли со смѣха и даже не улыбнулись. Лизавета Васильевна только покачала головой, а Павелъ еще болѣе нахмурился. «И это человѣкъ, думалъ онъ,

семьянинъ, который вчера проигралъ почти послѣднее достояніе своихъ дѣтей? Въ немъ даже нѣтъ раскаянія; онъ ходитъ по избамъ, и помираетъ со смѣха, глядя на безпутство своихъ дворовыхъ людей». Михайло Николаичъ еще долго смѣялся; Павелъ потихоньку началъ разговаривать съ сестрою.

— Ну, душка, — говорилъ унявшійся Масуровъ и обращаясь къ женѣ; вели-ко намъ подать закусить, знаешь, этого швейцарскаго сырку да хереску. Вы, братецъ, извините меня, что я ушелъ: страстишка! нельзя: старій, знаете, коннозаводчикъ. Да, чортъ возьми! славный былъ у меня заводъ! Какъ вамъ покажется, Павелъ Васильичъ? послѣ батюшки мнѣ досталось однѣхъ матокъ двѣ тысячи.

Павелъ съ удивленіемъ взглянулъ на зятя; Лизавета Васильевна только улыбнулась: она, видно, привыкла къ подобнымъ эффектнымъ выходкамъ своего супруга.

— У тебя, Мишель, всегда есть привычка прибавлять по два нуля, замѣтила она ему.

— Вотъ прекрасно! Да ты-то почему знаешь? Когда ты пріѣхала, я ихъ давно проигралъ. Много, чортъ возьми, я въ жизнь мою проигралъ!

— А вчера много ли проигралъ? спросила Лизавета Васильевна.

Масуровъ очень сконфузился.

— Я вчера не проигралъ, отвѣчалъ онъ запинаясь.

— Гдѣ-же три-то тысячи?

Масуровъ покраснѣлъ, и ничего не отвѣчалъ; онъ только моталъ головой женѣ, показывая глазами на брата, который сидѣлъ въ задумчивости.

— Нечего кивать головой-то,—говорила Лизавета Васильевна:— при братѣ я могу говорить все. Ну, скажи, Польша, хорошо-ли это: въ одинъ вечеръ проиграть три тысячи рублей?

— Очень нехорошо!— началъ Павелъ:— женатому человѣку не слѣдуетъ рисковать не только тысячами, но даже рублями. Говоря это, онъ, видимо, дѣлалъ надъ собою большое усиліе.

Михаилъ Николаичъ переминался.

— Не стыдно тебѣ? сказала Лизавета Васильевна.

— Ну, душка, извини,— говорилъ Масуровъ, подходя къ женѣ: счастье сначала ужасъ какъ везло, а подъ конецъ какъ будто-бы какой чортъ ему напептывалъ: каждую карту бралъ, съдая крыса. Ты не повѣришь: въ четверть часа очистилъ всего, какъ липку; предлагалъ-было на вексель; «я вижу, говорить, вы человѣкъ благородный».

— Это еще лучше! сколько-же ты по векселю-то проигралъ?

— Ей-богу, душка, ни копейки. Что я? сумасшедшій, что-ли? Ты думаешь, я не понимаю,— что братецъ не скажетъ!—я семейный человѣкъ, мнѣ стыдно это дѣлать. Вотъ, какъ три-тысячи проигралъ, такъ и не запираюсь: дѣйствительно проигралъ. Ну, прости меня, ангельчикъ мой, Лиза, ей-Богу не стану больше въ карты играть: чортъ съ ними! онѣ мнѣ даже опротивѣли... Сегодня вспомнилъ поутру, такъ даже тошнить.

— Немудрено послѣ такого проигрыша, замѣтилъ Павелъ.

— Ну, душка моя,— продолжалъ Масуровъ, ла-

скаясь къ женѣ:— скажи, простила меня? Дай ручку поцѣловать!

Лизвета Васильевна, кажется, мало вѣрила въ раскаяніе своего мужа.

— Пустой ты человѣкъ! сказала она, отнимая у него свою руку.

— Лизочка, душка моя! ну, дай хоть мизничекъ поцѣловать! Хочешь, я стану на колѣни. И онъ, дѣйствительно, всталъ передъ женою на колѣни.— Павелъ Васильчъ, попросите Лизу, чтобы она дала мнѣ ручку.

Павелъ молчалъ; ему видимо непріятна была это сцена. Лизвета Васильевна глядѣла на мужа съ чувствомъ сожалѣнія, очень похожимъ на презрѣніе, но подала ему руку, которую тотъ звонко поцѣловалъ.

— Важно! гуляй теперь: жена простила!—вскричалъ Масуровъ, поднявшись на ноги и потирая руки. — Ну, теперь, душка, вели-же намъ подать хересокъ и закусить... О, милашка! Славная у меня, чортъ возьми, жена! продолжалъ онъ,—гляди на уходящую Лизвету Васильевну.— Я вѣдь ее очень люблю, даже побалываюсь

— Вамъ нужно поосторожнѣе издерживать деньги началъ Павелъ, когда сестра ушла: вы не богатый и семейный человѣкъ.

— Да, вѣдь, братецъ, я, ей-богу, даже очень скупъ: спросите хоть жену; вчера вотъ только, чортъ ее знаетъ, какъ-то промахнулся. Впрочемъ что-жь такое? У меня еще прекрасное состояніе: въ Орловской губерніи полтора ста отлично-устро-

енныхъ душъ; одни сады даютъ пять тысячъ годоваго дохода.

— Мнѣ сестра говорила, — возразилъ Павелъ, не могли снести этой лжи: — что у васъ имѣніе осталось только въ здѣшной губерніи.

— Вотъ пустыни-то, такъ ужь пустыни! — вскричалъ Масуровъ, несколько несконфузившись: — вѣрьте ей: она ужасная притворщица!

Подали закуску.

— Выпьемте-ка, любезный братецъ, по стаканчику хереску въ честь нашего знакомства.

Отъ стаканчика Павелъ отказался и выпилъ только рюмку; но Масуровъ выпилъ цѣлый стаканъ.

— Послушайте, братецъ, — началъ онъ, садясь около Павла, — что если я васъ о чемъ попрошу, исполните?

— Что такое?

— Нѣтъ, скажите напередъ, что вы не откажете.

— Я не знаю, въ чемъ еще состоитъ просьба.

— Нѣтъ-ли у васъ рублей двухъ-сотъ въ займы? Я такъ издержался, что, ей-богу, даже совѣстно! Только женѣ, ради Бога, не говорите, — продолжалъ онъ шопотомъ: — она терпѣть этого не можетъ: мнѣ, знаете, маленькая нуждишка на собственные депансы.

Морозъ пробѣжалъ по кожѣ Павла; онъ почувствовалъ полное отвращеніе къ зятю.

— Я не имѣю денегъ, отвѣчалъ онъ сухо.

— Ахъ, чортъ возьми, это скверно! Не знаете-ли, по-крайней-мѣрѣ, у кого — занять? продолжалъ не унывавшій Масуровъ: — погутили-бы, канальство, вмѣстѣ.

Павелъ на это ничего не отвѣтилъ, но молча всталъ, и пошелъ было въ сосѣдную комнату.

— Куда это вы? спросилъ его Масуровъ.

— Я ищу сестру; хочу проститься.

— Посидите! она сейчасъ выйдетъ. Вы, видно, не охотники пошалить? а еще...

Продолженіе этой рѣчи было прервано приходомъ Лизавѣты Васильевны.

— Прощай, сестрица, сказалъ Павелъ, не могли подавить въ себѣ неприятнаго чувства.

— Обѣдай у насъ, Поль!

Павелъ хотѣлъ было отказаться, но ему жаль стало сестры, и онъ снова сѣлъ на прежнее мѣсто. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ, съ нянькой, старшій сынъ Лизавѣты Васильевны. Онъ, ни слова не говоря и только поглядывая искоса на незнакомое ему лицо Павла, подошелъ къ матери и положилъ къ ней головку на колѣни. Лизавѣта Васильевна взяла его къ себѣ на руки и начала цѣловать. Павелъ любовался племянникомъ, и, кажется, забылъ неприятное впечатлѣніе, произведенное на него зятемъ: ребенокъ былъ дѣйствительно хорошъ собою.

— Подинька! кто это сидитъ? спрашивала его Лизавѣта Васильевна, указывая на брата.

Ребенокъ глядѣлъ на Павла и молчалъ.

— Постой, я тебѣ на ушко шепну, — продолжала мать и, пригнувъ его головку, что-то ему шепнула.

— Кто-же? снова повторила она, указывая на брата.

— Дада, отвѣчалъ шопотомъ ребенокъ.

— Полька! поди сюда, — кричалъ Масуровъ, видно желавшій тоже приласкать сына. Ребенокъ посмотрѣлъ на него и не думалъ сходить съ колѣней матери.

— Поди сюда, говорятъ тебѣ! — повторилъ Масу-

ровъ, протягивая руки.—Лиза, душка моя, пошли его ко мнѣ.

— Поди въ отцу, сказала Лизавета Васильевна, ссаживая Поля съ колѣней.

Ребенокъ нехотя началъ переходить комнату, но только что подошелъ къ папенькѣ, какъ сейчасъ-же заревѣлъ. Михайло Николаичъ, по обыкновенію, ухватилъ его пухленькую щечку между пальцами, и началъ трясти.

— Экій какой! сейчасъ и заплакалъ!

Лизавета Васильевна молча встала и взяла опять сына къ себѣ на колѣни; дитя тотчасъ-же замолчало.

Обѣдъ прошелъ обыкновеннымъ своимъ порядкомъ. Павелъ и Лизавета Васильевна мало ѣли и больше молчали; но зато много ѣлъ и много говорилъ Михайло Николаичъ. Онъ разсказывалъ шурлну довольно странныя про себя вещи: такъ, напримѣръ, онъ говорилъ, что, въ турецкую кампанію какой-то янычаръ, съ дьявольскими усами, отрубилъ у него у правой ноги пьру; но ихъ полковой медикъ, отличнѣйшій знатокъ, такъ-что всѣ петербургскіе врачи противъ него ни къ чорту не годятся, пришилъ ему эту пьру, и не его собственную, которая второпяхъ была затеряна, а пьру мертваго солдата. О своей физической силѣ и охотничьихъ своихъ способностяхъ онъ тоже отзывался не очень скромно: съ божбой и клятвою увѣрялъ онъ своихъ слушателей, что, въ прежніе годы, останавливалъ шесть лошадей, взявшись обѣими руками за заднее каретное колесо, билъ пулей бекасовъ и затравливалъ, съ четырьмя борзыми собаками, въ одинъ день по двадцати паръ волковъ.

Павель ушелъ отъ сестры съ грустнымъ и тяжелымъ чувствомъ. «Она болѣе чѣмъ несчастна», говорилъ онъ самъ съ собою. «Добрая, благородная! и кто-же ей мужъ? кто этотъ человѣкъ, съ которымъ суждено ей провести всю жизнь? Онъ — мотъ, лгунъ, необразованный, невѣжа, и даже, кажется, низкій человѣкъ!»

IV.

Павель.

Съ наступленіемъ зимы, губернской городъ, гдѣ происходили описываемыя мною происшествія, значительно оживился: составились собранія и вечера. Общество, какъ повѣствуетъ преданіе, было самое блистательное, такъ что какой-то господинъ, проживавшій въ томъ городѣ цѣлую зиму, отзывался о немъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, называя тамошнихъ дамъ душистыми цвѣтками, а все общество чрезвычайно чистымъ и опрятнымъ. Всѣ веселились, даже Перепетуя Петровна ѣздила въ два-три дома играть въ преферансъ. Роднымъ племянникомъ она была очень недовольна. «Что это за молодой человѣкъ, говорила она, скажите на милость? не хотѣлъ показаться въ общество: право, въ немъ ничего нѣтъ дворянскаго-то, совершенный семинаристъ. Вотъ посмотришь на другую-то молодежь: что это за ловкость, что это за вѣжливость, въ то же время, къ дамамъ! — вчужѣ, можно сказать, сердце радуется; а въ немъ рѣшительно ничего этого нѣтъ! съ нами-то насилу слово

скажетъ, а съ посторонними такъ и совсѣмъ не говоритъ. Чего у него не достаетъ? платье неподобное, фракъ отличнѣйшій, — самаго тонкаго сукна, выѣздъ хорошій: слава Богу, послѣ покойника-то однѣхъ городскихъ саней осталось двое: мать бы ему никогда въ этомъ не отказала, по крайней-мѣрѣ былъ бы на виду у хорошихъ людей! нѣтъ, сударь ты мой, сидитъ сиднемъ, въ Рождество никого не съѣздилъ поздравить.» Но зато вездѣ являлся и всѣхъ поздравлялъ со всевозможными праздниками другой ея племянникъ, Михайло Николаичъ Масуровъ. Онъ очень успѣлъ, по словамъ тетки, заискать въ обществѣ, а все потому что ласковъ и обходителенъ; и къ ней онъ тоже былъ очень ласковъ. Она начинала къ нему чувствовать болѣе и болѣе родственнаго расположенія. — «Что онъ мнѣ? говорила она, вѣдь почти посторонній человѣкъ, а лучше роднаго-то племянника, ей-богу. Приѣдетъ — расскажетъ, гдѣ былъ, что видѣлъ и куда опять поѣдетъ, — прекраснѣйшій человѣкъ!»

Перепетуя Петровна была совершенно права въ своихъ приговорахъ на счетъ племянника. Онъ былъ очень не говорливъ, безъ всякаго обращенія и, въ настоящее время, дѣйствительно никуда не выѣзжалъ, не смотря на то, что владѣлъ фраккомъ отличнѣйшаго сукна и парными санями. Но такъ какъ многіе поступки человѣка часто обусловливаются весьма отдаленными причинами, а поэтому я не излишнимъ считаю сказать здѣсь нѣсколько словъ о дѣтствѣ и юности моего героя.

Павелъ родился на свѣтъ очень худенькимъ и слабымъ ребенкомъ: всѣ ожидали, что онъ на другой же день умретъ, но этого не случилось: Паша жилъ. Въ

продолженіе всего своего младенчества онъ почти не давалъ голоса, и только, бывало, покряхтитъ, когда захочетъ ѣсть. Ходить онъ началъ на третьемъ году, и еще позднѣе того заговорилъ. Мать съ восторгомъ рассказывала, что Паша съ превосходнымъ характеромъ; и дѣйствительно, ребенокъ былъ необыкновенно тихъ, послушенъ и до невѣроятности добръ: сынъ ключницы, ровесникъ Павла, приходившій въ горницу играть съ барченкомъ, обыкновенно выпивалъ у него чай, обиралъ всѣ игрушки и даже не считалъ за грѣхъ дать ему при случаѣ туза. Павелъ не сердился за это, но сносилъ все молча и никогда не жаловался. Другіе дворовые люди были тоже очень довольны барченкомъ, потому что онъ никогда на нихъ не ябедничалъ, и они обыкновенно дѣлали при немъ все, что имъ вздумается. Павелъ никогда не рѣзвился и не бѣгалъ, а сидѣлъ больше въ дѣтской на лежанкѣ, поджавши ноги. Любимымъ его занятіемъ было вырѣзывать изъ бумаги людей, съ какими-то необыкновенно-узкими таліями, и раскрашивать ихъ красками: цѣлые дни онъ игралъ ими, какъ въ куклы, водилъ ихъ по лежанкѣ, сажалъ, заставлялъ другъ другу кланяться и все что-то нашептывалъ. Собою былъ Паша очень нехорошъ и страшно неопрятенъ. Нанговые казакинчики, въ которые его одѣвали, были вѣчно перепачканы; сапоги свои онъ обыкновенно ступывалъ и очень скоро изнашивалъ; послѣднее обстоятельство даже невозможно и объяснить, потому что Паша, какъ я и прежде сказалъ, все почти сидѣлъ. Ребенокъ, кажется, сознавалъ, что онъ нехорошъ собою, потому что очень не любилъ, когда пріѣзжали гости, особливо нарядные, которые часто привозили

съ собою прехорошенькихъ дѣтей и говорили съ ними по-французски; ему было очень совѣстно сидѣть при нихъ въ гостиной; онъ пряталъ свои руки и ноги, лучше сказать, весь старался спрятаться въ уголь, въ которомъ обыкновенно усаживался. Ему казалось, что всѣ смотрятъ на него съ пренебреженіемъ и сожалѣніемъ; его никто никогда, кромѣ матери, не ласкалъ; молодыя барышни никогда не подзывали его для поцѣлуя и для разговоровъ, какъ это бываетъ съ хорошенькими дѣтьми; въ его старообразномъ лицѣ было, дѣйствительно, что-то отталкивающее.

Василья Петровича отдали подѣ судѣ, и съ этого времени къ нимъ рѣшительно перестали ѣздить гости. Паша этому душевно радовался, и съ тѣхъ поръ почти никого не видалъ, кромѣ отца и матери. Для образованія его былъ нанятъ семинаристъ. Перепетуя Петровна пришла въ отчаяніе и чуть не поссорилась съ сестрою, доказывая ей, что семинаристы ничему не научатъ, потому что безъ всякаго обращенія. Однажды (Павлу минуло въ это время двѣнадцать лѣтъ) къ Бешметевымъ пріѣхалъ кокой-то дальній родственникъ изъ Петербурга. Видно, этотъ господинъ былъ не кое-кто, потому что хозяева безмѣрно ему обрадовались, приняли съ какимъ-то подобострастіемъ и безпрестанно называли его: ваше превосходительство.

— Что это, Василій, твой сынъ, что ли? спросилъ генералъ за столомъ, взглянувъ на Павла.

— Сынъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Василій Петровичъ.

— Чему ты, милый мой, учишься? сказалъ генералъ, обращаясь къ ребенку.

— Мы еще многому-то, по слабости здоровья, не начинали учить; теперь иногда семинаристъ ходитъ, отвѣчала мать.

Генераль покачалъ головой.

— Да что-же такое тутъ здоровье-то? За что-же вы ребенка-то губите, оставляя его въ невѣжествѣ? У Павла навернулись на глазахъ слезы.— Смотрите, ужь онъ самъ плачетъ,— продолжалъ генераль:— со-знавая, можетъ быть, то зло, которое причиняетъ ему ваша слѣпая и невѣжественная любовь. Плачь, бра-тецъ, и просись учиться: въ противномъ случаѣ ты погибъ безвозвратно.

Много, послѣ того, генераль говорилъ въ томъ же тонѣ, и очень убѣдительно доказалъ хозяевамъ, что человекъ безъ образованія — звѣрь дикій, что они, то-есть родители моего героя, если не понимаютъ этого, такъ потому, что сами необразованны и отстали отъ вѣка,

Василій Петровичъ и Анна Петровна, присты-женные генераломъ, на другой же день рѣшились готовить сына въ гимназію. Паша обрадовался этому рѣшенію: онъ очень хорошо понялъ, что ге-нераль правъ, и ему самому хотѣлось учиться. Се-минаристъ, имѣвшій между прочимъ извѣстную сла-бость Александра Македонскаго, былъ замѣненъ при-ходскимъ священникомъ и учителемъ математики изъ уѣзднаго училища. Ребенокъ оказалъ неимовѣр-ные успѣхи, и чрезъ годъ былъ совершенно готовъ въ первый классъ гимназіи. Пашу повели на экза-менъ. Богу одному развѣ извѣстно, чего стоило моему герою придти въ первый разъ въ школу; но экзаменъ онъ выдержалъ очень хорошо, хотя и сконфузился

чрезвычайно. Товарищи приняли Павла, какъ обыкновенно принимаютъ новичковъ: только-что онъ усѣлся въ классѣ, какъ одинъ довольно высокій ученикъ подошелъ къ нему и крѣпко треснулъ его по лбу, приговаривая: «эка, парень, лбина-то!» Потомъ другой шалунъ пошелъ и пожаловался на него учителю, говоря, что будто бы онъ толкается и не даетъ ему заниматься, тогда какъ Павелъ сидѣлъ почти не шевелясь. Учитель, любившій задавать новичкамъ острастку, поставилъ на цѣлый день Павла на колѣни. Послѣ этого Бешметевъ началъ бояться учителей и чуждаться товарищей, и обыкновенно старался придти въ гимназію передъ самымъ началомъ класса, когда уже всѣ сидѣли на мѣстахъ. Учиться ему, впрочемъ, было очень легко.

Незамѣтно шелъ годъ за годомъ. Павелъ подросталъ. Изъ некрасиваго и робкаго ребенка онъ сдѣлался мѣшковатымъ юношей. Перепетуя Петровна просто приходила въ отчаяніе, глядя на своего племянника, и не называла его иначе, какъ тюфякомъ. Въ гимназіи Павелъ рѣшительно не шалилъ, не грубилъ учителямъ и хорошо учился. Директоръ называлъ его «благодѣтельный господинъ Бешметевъ», но товарищи его называли зубрилой; они не то чтобы не любили Бешметева, но какъ-то мало уважали. Всѣ почти товарищи, нѣкоторые изъ зависти, а другіе просто для удовольствія, любили подтрунить надъ нимъ, рассказывая, что будто бы онъ спитъ съ нянькою и по вечерамъ безпрестанно долбитъ уроки, а трубки покурить не смѣетъ и подумать, потому что маменька высѣчетъ. Молча переносилъ Павелъ эти насмѣшки, но видно было, что онѣ ему непріятны:

онъ очень не любилъ бывать съ товарищами, ни къ кому изъ нихъ никогда не ходилъ и къ себѣ не звалъ. Дома Павелъ не безпрестанно долбилъ, какъ думали товарищи: онъ даже не много занимался, часто сидѣлъ съ матерью и рассказывалъ ей что-нибудь. Анна Петровна внимательно слушала сына, хотя ничего не понимала изъ его словъ; но болѣе всего Павелъ любилъ быть одинъ, лежать на кровати и мечтать. Восемнадцати лѣтъ онъ кончилъ курсъ въ гимназiи, и началъ собираться въ Москву, чтобы поступить въ университетъ. Анна Петровна, еще за мѣсяць передъ отъѣздомъ сына, принялась плакать, а въ минуту разставанiя съ нимъ упала въ страшный обморокъ, и цѣлые полгода послѣ того не осушала глазъ.

Павелъ прiѣхалъ въ Москву, и отыскалъ квартиру со столомъ, на Смоленскомъ рынкѣ, у одной титулярной совѣтницы Подхлѣбовой, по рекомендательному письму отъ Перепетуи Петровны, находившейся съ Подхлѣбовой когда-то въ большой дружбѣ. Титулярная совѣтница очень опасалась взять къ себѣ на квартиру молодого человѣка, потому что вообще въ числѣ молодыхъ людей очень много пьяницъ, развратныхъ и буяновъ; но Перепетуя Петровна писала весьма убѣдительно, и Подхлѣбова рѣшилась тѣмъ болѣе, что третья комната нанимаемой ею квартиры была рѣшительно ей не нужна. Скоро страхъ титулярной совѣтницы совершенно развеялся: молодой человѣкъ оказался скромнѣе и тихѣе, даже болѣе, чѣмъ слѣдовало. Она прозвала его *старичкомъ*, и всеѣмъ своимъ знакомымъ рассказывала, что «постояльца ей просто Богъ послалъ, что онъ второй феноменъ,

что такою скромности она даже сама въ дѣвицахъ не имѣла, что онъ, кромѣ университета, никуда даже шагу не сдѣлалъ, а ужъ не то чтобы заводить какія-нибудь дебоширства. Придетъ—пообѣдаетъ, полежитъ, почитаетъ книжку, напишетъ, и видно чрезвычайно много занимается науками; даже съ ней мало вступаетъ въ разговоры, хотя она и старается его обласкать.»

Съ озабоченнымъ и нѣсколько-сердитымъ лицомъ явился Павелъ въ университетъ; сѣлъ на самую дальнюю скамейку, и во все время экзаменовъ не сказалъ почти ни съ кѣмъ ни слова. Такъ-же началъ онъ ходить и на лекціи: приходилъ, садился гдѣ-нибудь вдали, записывалъ слова профессора, а потомъ уходилъ. Онъ не сошелся ни съ однимъ изъ товарищей и ни съ однимъ изъ нихъ даже не кланялся. Дома онъ, дѣйствительно, какъ говорила титулярная совѣтница, велъ самую однообразную жизнь, то-есть обѣдалъ, занимался, а потомъ ложился на кровать и думалъ, или, скорѣе, мечталъ: мечтою его было сдѣлаться современемъ профессоромъ; мечта эта явилась въ немъ послѣ отлично-выдержаннаго экзамена перваго курса; живо представлялъ онъ себѣ часы первой лекціи, эту внимательную толпу слушателей, передъ которыми онъ будетъ излагать строго обдуманныя научныя положенія, общее удивленіе его учености, а тамъ общественную, а за оной и міровую славу. Съ теченіемъ времени однако такого рода исключительно созерцательная жизнь начала ему замѣтно понадоѣдать: хотъ бы сходить въ театръ, думалъ онъ, посмотрѣть, напримѣръ, *Коварство и Любовь*, но для этого у него не было денегъ,

которыхъ едва доставало на обыденное содержаніе и на покупку книгъ; хотъ бы въ гости куда-нибудь съѣздить, гдѣ есть молодыя дѣвушки, но увы! знакомыхъ онъ не имѣлъ рѣшительно никого. Часто, часу въ десятомъ, одиннадцатомъ вечера, выходилъ онъ изъ дома, и долго ходилъ по улицамъ безъ всякой цѣли, и только иногда останавливался передъ какимъ-нибудь освѣщеннымъ домомъ... Внутри было свѣтло: въ какомъ-то фантастическомъ свѣтѣ являлись ему движущіяся тамъ фигуры людей; ему казалось, что тамъ должно быть очень хорошо и весело. Лежа по-вечерамъ на кровати, онъ съ какимъ-то страннымъ чувствомъ прислушивался къ говору женскихъ голосовъ, раздававшемуся въ комнатѣ хозяйки. Къ ней очень-часто ходили ея пріятельницы, но всѣ, какъ нарочно, были очень-дурны собой.

За два года передъ выпускомъ, Бешметевъ, пріѣхавъ домой на вакацію, увидѣлъ въ первый разъ сестру свою. Сначала онъ очень дичился ея, но Лиза была живѣе брата; она начала его мало-по-малу пріучать къ себѣ и къ концу вакаціи, онъ даже просиживалъ съ нею цѣлые дни и разговаривалъ. Передъ отъѣздомъ она ему намекнула, что ей, по преимуществу, нравится нѣтъко Бахтіаровъ. Павла, кажется, это очень заинтересовало: онъ въ каждомъ письмѣ послѣ того намекалъ сестрѣ на это обстоятельство. На третьемъ курсѣ Бешметевъ перемѣнилъ квартиру. Хозяйка его, титулярная совѣтница Подхлѣбова, не смотря на то, что двѣнадцатый годъ вдовѣла, была женщина строгой нравственности. Сначала она, какъ мы видѣли, очень опасалась взять къ себѣ на квартиру молодаго студента, но потомъ успокоилась,

увидѣвъ, что этотъ студентъ совершенный старичекъ, и очень скоро къ нему привыкла. Она вмѣстѣ съ нимъ обѣдала, пила его чаемъ; часто приходила въ его комнату и даже упросила быть при ней въ халатѣ, очень-справедливо замѣчая, что, живши вмѣстѣ, на всякій часъ не уберешься. Потомъ... Титулярная совѣтница, не смотря на сорокъ пятый годъ жизни, хранила еще въ груди своей сердце, способное любить: когда Бешметевъ уѣхалъ на вакацію, она съ ужасомъ догадалась, что питаетъ къ своему постоянцу не привычку, а чувство болѣе нѣжное, болѣе страстное, потому что, въ продолженіе трехъ мѣсяцовъ его отсутствія, безмѣрно грустила и скучала, а когда Павелъ пріѣхалъ, она до сумасшествія обрадовалась ему и чрезвычайно сконфузилась. Въ головѣ ея образовалась довольно-смѣлая мысль: она вздумала выйдти замужъ за Павла, когда онъ кончитъ курсъ, а до тѣхъ поръ постараться внушить ему любовь къ себѣ. Съ этого времени жизнь Павла сдѣлалась гораздо-комфортабельнѣе: въ комнатѣ его поставлена была новая мебель и даже передѣлано было новое драпри къ окошку; про столъ и говорить нечего! его кормили какъ на убой, сама титулярная совѣтница начала просиживать цѣлые дни въ его комнатѣ; послѣднее, кажется, очень надоѣдало Павлу, потому что онъ каждый разъ, когда входила къ нему хозяйка, торопился раскрыть книгу и принимался читать. «Я вамъ не буду мѣшать, а только такъ посижу», говорила хозяйка, и сѣвъ напротивъ, начинала пристально на него смотрѣть, вздыхать и даже набивала ему трубки; холодность Павла относилась она къ робости. Титулярная совѣтница чувствовала непре-

оборимое желаніе объясниться съ своимъ постояльцемъ и ободрить его, 10 октября, въ день своего рожденія; она, кажется, исполнила свое намѣреніе: за ужиномъ она много поила Павла виномъ, а потомъ пришла къ нему въ комнату и очень долго тамъ сидѣла. Но на другой день Павелъ чуть свѣтъ ушелъ изъ дома, и нанялъ другую квартиру. Къ титулярной совѣтницѣ онъ болѣе не возвращался; даже за вещами своими просилъ съѣздить своего новаго хозяина, честнаго нѣмца, питаемаго повивальнымъ искусствомъ своей супруги. Госпожа Подхлѣбова, кажется, не ожидала такого поступка со стороны своего постояльца. «Что вамъ угодно? Я васъ не знаю... Не можетъ быть... Я не могу вѣрить!..» говорила она, и рѣшительно было не хотѣла отдавать вещей пришедшему за ними нѣмцу. «Моя Каролинъ Ивановна кочетъ, я кочетъ, господинъ студентъ кочетъ: ви не можете не давать... Когда ви, мой дамъ, не катите то я пашелъ на кварталный,» — сказалъ нѣмецъ и дѣйствительно пошелъ было за кварталнымъ; но титулярная совѣтница сочла за лучшее покориться судьбѣ и отпустить вещи... Впрочемъ, она написала къ Павлу предлинное письмо, и послала его къ нему съ горничною дѣвкой. Содержаніе этого письма мнѣ тоже неизвѣстно, потому что и самъ Бешметевъ не прочиталъ его, разорвалъ и бросилъ въ печь.

На новой квартирѣ Павелъ началъ жить такъ же однообразно и еще уединеннѣе. Хозяева его не беспокоили, повивальная бабка почти никогда не бывала дома, а честный нѣмецъ предавался, по цѣлымъ днямъ, невинному и любимому его занятію: онъ все переписывалъ прописи, питая честолюбивые замыслы

попасть современемъ въ учителя каллиграфіи. Вскорѣ у Павла появилось новое занятіе: онъ очень долго началъ засиживаться у окна, и все смотрѣлъ на крыльцо противоположнаго дома, откуда часто выходила молоденькая дѣвушка, въ сопровожденіи пожилой дамы, садилась въ парныя сани, куда-то уѣзжала и опять пріѣзжала. Въ теплые дни дѣвушка выходила съ какою-то дамою, а иногда съ господиномъ въ бекешкѣ, гулять пѣшкомъ и была одѣта, въ такомъ случаѣ, въ теплый шелковый капоть. Боже мой! какъ хороша казалась Павлу его сосѣдка! Какая была чудная у ней талія! а глаза... даже на такомъ дальнемъ разстояніи видно было, что у ней чудные, черные глаза! Жизнь Павла какъ будто бы сдѣлалась полнѣе. Каждый день онъ просыпался съ надеждою увидѣть сосѣдку, и дѣйствительно, каждый день ее видѣлъ. Онъ очень хорошо заучилъ, въ которомъ часу она ходитъ гулять, долго-ли гуляетъ: зналъ дни, въ которые она уѣзжала часовъ въ двѣнадцать и возвращалась уже поздно. По праздникамъ дѣвушка и дама выѣзжали изъ дома часу въ одиннадцатомъ, и часу въ двѣнадцатомъ возвращались домой; Павелъ догадался, что онѣ ѣздить къ обѣднѣ, а потомъ узналъ — и куда именно; оказалось, что въ сосѣдній приходъ. Онъ самъ пошелъ туда, видѣлъ ее, видѣлъ вблизи, и каждое воскресенье, каждый праздникъ, началъ ходить въ эту церковь. Съ этого времени онъ почти пересталъ заниматься, и вполнѣ предался своимъ мечтамъ. Ему очень хотѣлось, чтобы дѣвушка его замѣтила, но этого ему никакъ не удавалось достигнуть.

Въ концѣ первой недѣли великаго поста сосѣдній

домъ запустѣлъ; ни дѣвушки, ни дамы, ни господинъ въ бекешкѣ не стало видно: они уѣхали. Трудно описать, какъ Павлу едѣлалось скучно и грустно; онъ даже потихоньку плакалъ, а потомъ неимоверно началъ заниматься и кончилъ вторымъ кандидатомъ; профессоръ, по предмету котораго написалъ онъ кандидатское разсужденіе, убѣждалъ его держать экзаменъ на магистра. Все это очень польстило честолюбію моего героя: онъ рѣшилъ тотчасъ-же готовиться; но Богъ судилъ иначе.

Черезъ нѣсколько времени Павелъ получилъ письмо отъ тетки, которая увѣдомляла его, что его отецъ умеръ, а мать въ параличѣ, и просила его непременно пріѣзжать, какъ можно скорѣе, домой. Павла это очень огорчило, и онъ тотчасъ же поѣхалъ, съ твердымъ, однако, намѣреніемъ снова возвратиться въ Москву. Мы видѣли, какія печальныя обстоятельства встрѣтили Бешметева на родинѣ; видѣли, какъ приняли родные его намѣреніе — уѣхать опять въ Москву: мать плакала, тетка бранилась; видѣли потомъ, какъ Павелъ почти отказался отъ своего намѣренія, перервалъ свои тетради, хотѣлъ сжечь книги, и какъ потомъ отложилъ это, — въ надеждѣ, что мать современемъ выздоровѣетъ и отпуститъ его; но старуха не выздоравливала: герой мой безпрестанно переходилъ отъ твердаго намѣренія уѣхать — къ рѣшенію остаться, и вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ же приходила ему въ голову завѣтная мечта о профессорствѣ, — онъ вспомнилъ любимый свой трудъ и грядущую славу. Грустно, тошно становилось Павлу. «Поѣду, непременно поѣду», говорилъ онъ самъ съ собою, и только день отъѣзда откладывалъ въ

дальній ящикъ.... Онъ не могъ себѣ безъ ужаса представить той минуты, когда мать, прощаясь съ нимъ, можетъ быть, не перенесетъ этого и умереть на его рукахъ; кромѣ того, не будучи самонадѣянъ, онъ, кажется, не слишкомъ твердо былъ убѣжденъ, что достигнетъ своей любимой цѣли — профессорства, или, по-крайней-мѣрѣ, эта цѣль была слишкомъ еще далека. Весьма естественно, что въ настоящемъ своемъ положеніи Бешметевъ не былъ спокоенъ: онъ чувствовалъ невыносимую тоску, грусть и скуку; заниматься ему почти не давали, потому что то кликали къ матери, то пріѣзжала тетка или сестра, да, кажется, и самъ онъ былъ не слишкомъ расположенъ къ дѣятельности. Оставаясь одинъ, онъ обыкновенно ложился на кровать и Богъ знаетъ о чемъ начиналъ думать, а сердце между тѣмъ безпрестанно ныло и тосковало. Семейная жизнь сестры была для Бешметева новымъ источникомъ непріятностей; Масуровъ казался ему отвратительнѣйшимъ существомъ, а сестра — страдальцею, тѣмъ болѣе, что ей угрожало впереди существенное зло — бѣдность. Впрочемъ, Лизавета Васильевна въ послѣдствіи ни слова не говорила брату о своихъ семейныхъ непріятностяхъ, была какъ будто бы спокойна и очень ласкалась къ Павлу. Цѣлые дни проводили они вдвоемъ. Бешметевъ началъ все болѣе сближаться съ сестрою, сдѣлался съ нею говорливъ, откровененъ, и даже повѣрилъ ей свою мечту. Женщины, какъ извѣстно, очень находчивы. Лизавета Васильевна нашла, что братъ можетъ заниматься, не уѣзжая въ Москву, и что, если ему нужны книги, онъ можетъ ихъ выписать. Бешметевъ счелъ эту мысль довольно справедливою, и рѣшился, при пер-

вомъ же полученіи оброковъ, выписать рублей на двѣсти книгъ и начать приготовляться. Успокоившись на этомъ рѣшеніи, онъ, между тѣмъ, цѣлые дни началъ просиживать у сестры.

Случайно или умышленно, но только разговоры ихъ по преимуществу стали склоняться на любовь. Лизавета Васильевна въ этомъ отношеніи была гораздо опытнѣе брата: она знала любовь въ самыхъ тонкихъ ея ощущеніяхъ; она, какъ видно, очень-хорошо знала страданія и счастье влюбленнаго. Съ отрадою и не безъ волненія прислушивался Павелъ къ словамъ сестры, и понималъ ихъ какимъ-то неяснымъ чувствомъ; въ первый разъ еще сблизился онъ съ женщиною и взглянулъ въ ея сердце.

— Гдѣ это ты, сестрица, все узнала? спросилъ онъ однажды, прослушавъ отъ сестры живой разсказъ о нечаянной встрѣчѣ одной молодой дѣвушки съ любимымъ человѣкомъ.

— Я много читала романовъ, отвѣчала она.

Павелъ сомнительно покачалъ головой.

— Женщина въ двадцать лѣтъ много знаетъ, много чувствовала, продолжала Лизавета Васильевна.

— И много испытала? перебилъ Павелъ.

— Можетъ быть, и такъ, отвѣчала Лизавета Васильевна.

Результатомъ такихъ бесѣдъ было то, что Павелъ, приходя отъ сестры и улегшись на постель, не сознавая самъ того, по преимуществу началъ думать о женщинахъ. Московская сосѣдка была припомнена въ малѣйшихъ подробностяхъ. «Какъ хороша вообще женщина! думалъ онъ, какое блаженство любить хорошенькую женщину!» Праздное воображеніе его до-

полняло ему то, что не досказывала сестра. Онъ потомъ разсказаль ей слегка о своей любви въ Москвѣ, къ сосѣдкѣ, которую онъ, по его словамъ, до сихъ поръ слишкомъ хорошо помнитъ, какъ будто бы видѣлъ ее вчера.

V.

Неожиданная встрѣча.

Лизаветъ Васильевнѣ случилась надобность уѣхать на цѣлый мѣсяць въ деревню. Павлу сдѣлалось очень скучно и грустно. Онъ принялся было заниматься, но, увы! все шло какъ-то не попржнему: формулы небесной механики ему сдѣлались какъ-то темны и непонятны, брошюрка Вирея скучна и томительна. «Не могу!» говорилъ онъ, оставляя книгу, и вслѣдъ за тѣмъ, по обыкновенію, ложился на кровать, и начиналъ думать о прекрасной половинѣ рода человѣческаго. Проскучавъ недѣли двѣ, Павелъ вздумалъ съѣздить къ теткѣ. Перепетуя Петровна, при его приходѣ, стояла передъ зеркаломъ и надѣвала что-то въ родѣ мантильи, сшитой по ея собственному соображенію.

— Насилу-то, батюшка, пожаловалъ, — сказала она, увидѣвъ племянника: — ну что, какова маменька-то?

— Все такъ-же-съ, отвѣчалъ Павелъ.

— Палашка, говорила Перепетуя Петровна, отряхая шелковое платье: — вѣдь юпка-то у меня все-таки видна.

— Нѣтъ, матушка, это такъ.

— Какое, дура, такъ! Паша, видна у меня юбка-то?

— Я ничего не вижу.

— Наклонись, батька, пониже, посмотри хорошенько; нехорошо, растрепой-то приѣдешь.

— Я ничего невижу.

— Ну, ужь и этого-то не умѣешь сдѣлать порядочно; экій какой! еще кавалеръ! Что у меня сегодня какой нехорошій цвѣтъ лица? Этакая краснота неприятная! Палашка! подай-ка мнѣ лодиколону обтереться. Оботрись-ка, Павелъ, и ты.

— Да мнѣ-то зачѣмъ, тетушка?

— Пустяки, сударь, изволь-ка обтереться да поѣдешь вмѣстѣ со мной.

— Это куда?

— Къ Θεоктистѣ Саввишиѣ. Небось, не привезу въ какое-нибудь неприличное мѣсто.

— Помилуйте, тетушка! Я съ ней незнакомъ.

— Это что за вздоръ? А я-то на что? Я знакома, все равно. Нечего, извольте-ка собраться: вмѣстѣ и поѣдемъ, отпусти свою лошадь-то. Палашка, вели его лошади домой ѣхать!

— Тетушка...

— Вздоръ, сударь, вздоръ! затараторила Перепетуя Петровна.

Какъ мой герой ни противился, но чрезъ нѣсколько минутъ онъ былъ вытертъ изъ собственныхъ рукъ Перепетуи Петровны одеколономъ и повезень въ гости. Онъ едва могъ опомниться у крыльца Θεоктисты Саввишны. Перепетуя Петровна, всходя по деревянной лѣстницѣ, освѣщенной фонаремъ, опиралась на руку племянника, какъ для поддержанія своей

особы, такъ и для прекращенія Павлу всякой возможности улизнуть, что уже и было имъ прежде того одинъ разъ сдѣлано. Они вошли въ лакейскую, гдѣ было съ десятокъ шубъ, три лакея и сильный запахъ саломъ. Въ залѣ.... Но я предварительно долженъ сказать нѣсколько словъ о хозяйкѣ дома и ея гостяхъ. Θεоктиста Саввишна, такъ какъ и Перепетуя Петровна, не принадлежала къ высшему губернскому кругу, но имѣла изъ этого круга одинъ только дружественный домъ — Кураевыхъ; сфера же ея знакомства ограничивалась незначительнымъ чиновнымъ людомъ. Въ настоящее время у Θεоктисты Саввишны были въ гостяхъ нѣкто помѣщикъ Иванъ Ивановичъ, дающій деньги подъ проценты, уѣздный стряпчій, человекъ очень бы хорошій, но къ несчастію по нѣскольку разъ въ годъ предающійся запою, и наконецъ, учитель гимназіи, мѣтившій въ инспекторы, и еще кое-кто. Всѣ эти господа привезли съ собою женъ, а нѣкоторые и свояченицъ; но вечера свои Θεоктиста Саввишна обыкновенно скрашивала, приглашая къ себѣ дружественное для нея семейство изъ высшаго круга — Кураевыхъ. Владиміръ Андреичъ никогда самъ не ѣздилъ къ Θεоктистѣ Саввишнѣ, но, занимая иногда черезъ нея деньги, жену и дочерей отпускалъ. Брюнетка, какъ сама она говорила, очень скучала на этихъ жалкихъ вечерахъ; она съ пренебреженіемъ отказывалась отъ подаваемыхъ ей конфетъ, жаловалась на духоту и жаръ и безпрестанно звала мать домой; но Марья Ивановна говорила, что Владиміръ Андреичъ знаетъ, когда прислать лошадей, и, въ простотѣ своего сердца, продолжала играть въ преферансъ съ учителемъ гимназіи и Иваномъ Ивановичемъ съ такимъ же наслаж-

деніемъ, какъ будто-бы въ ея партіи сидѣли самыя важныя люди; что касается до блондинки, то она выкупала скуку, пересмѣивая то красный носъ Ивана Ивановича, то неуклюжую походку стряпчаго и очень некстати помѣстившуюся у него подъ лѣвымъ глазомъ бородавку, то.... но, однимъ словомъ, всёмъ доставалось! Гости же Θεоктисты Саввишны, въ отношеніи особъ высшаго круга, держали себя почтительно, а хозяйка оказывала имъ исключительное вниманіе, хотя въ то же время всё почти знали, что эти особы—пуфъ, или, какъ говорили многіе, *сидятъ на овчинахъ, а бьютъ соболей*, то-есть крѣпко небогаты. Но ихъ, изящная форма? что дѣлать: ихъ изящная форма внушала невольное къ нимъ уваженіе.

Хозяйка встрѣтила еще въ залѣ Перепетуя Петровну и Павла.

— Честь имѣю представить племянника, сказала Перепетуя Петровна, цѣлуясь съ хозяйкой.

— Очень пріятно,—отвѣчала Θεоктиста Саввишна, жеманно кланяясь Павлу и глядя на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ: она представляла его себѣ вовсе не такимъ.—Милости прошу, Перепетуя Петровна,—продолжала она, указывая на дверь въ гостиную:—Павелъ Васильичъ, сдѣлайте одолженіе.

Но Павелъ не сдѣлалъ одолженія, не пошелъ въ гостиную. Постоявъ нѣсколько минутъ, онъ сѣлъ не вдалекѣ отъ гостя въ коричневомъ фракѣ, который тоже, видно, не принадлежалъ къ числу дамскихъ любезниковъ, а потому сидѣлъ одинъ-одинехонекъ въ залѣ. Брюнеткѣ и блондинкѣ сдѣлалось очень скучно и жарко въ гостиной, въ которой, дѣйствительно, была страшная духота. Обѣ дѣвушки, взявшись подъ

руки, вышли въ залу; онѣ взглянули вскользь на Павла и на его сосѣда, а потомъ насмѣшливо переглянулись между собою; Павелъ тоже замѣтилъ ихъ, и страшное измѣненіе произошло въ его наружности: онъ сначала вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ бы дотронувшись до лейденской банки, потомъ поблѣднѣлъ, покраснѣлъ, взглянулъ какъ-то странно на гостя въ коричневомъ фракѣ, а вслѣдъ затѣмъ началъ слѣдить глазами за ходившими взадъ и впередъ дѣвушками: въ брюнеткѣ мой герой узналъ свою московскую сосѣдку. Барышни съ своей стороны не глядѣли болѣе ни на Павла, ни на его собесѣдника, а разговаривали громко о недавно-бывшемъ маскарадѣ, на французскомъ языкѣ, что онѣ всегда дѣлали въ укоръ невѣжественнымъ гостямъ Θεоктисты Саввишны. Вскорѣ вошла хозяйка и начала умолять Юлію Владиміровну что-нибудь пропѣть. Юлія отказывалась.

— Вы не повѣрите, — говорила Θεоктиста Саввишна, обращаясь къ Павлу и къ господину въ коричневомъ фракѣ: — что у нихъ за ангельскій голосочекъ!

Коричневый фракъ всталъ, кашлянулъ и ничего не сказалъ: выраженіе лица его какъ-будто бы говорило: «не могу знать-съ, не мое дѣло!» Но еще страннѣе велъ себя Павелъ: онъ даже не всталъ и не сказалъ ни слова хозяйкѣ.

— Кто это такой? шепнула блондинка.

— Бешметевъ, отвѣчала хозяйка. Блондинка сжала губки и слегка кивнула головой. — Юлія Владиміровна, — заговорила снова Θεоктиста Саввишна, мучимая меланхіей: — сжальтесь надъ нами, доставьте намъ это наслажденіе.

Юлія Владиміровна сжалилась и, съ бислою миною

услась за фортепiano. Съ первымъ-же ея аккордомъ всѣ гости, игравшіе и не игравшіе въ карты, вышли въ залу, а потомъ со втораго куплета (она пѣла: *что ты, вѣтка бѣдная...*) многіе начали погружаться въ пріятную меланхолію.

— Я не могу безъ слезъ слушать этого романса, — говорила растроганная Марья Ивановна: — такъ, знаете, много въ немъ души!

— Да-съ, — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ: — прекрасная пѣсенка, да и Юлія Владиміровна прекрасно изволятъ пѣть.

— У ней хорошенькій голосокъ, подтвердила мать. Между тѣмъ Павелъ все сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ и въ томъ-же положеніи. Блондинкѣ очень хотѣлось поговорить съ нимъ, по похвальной ея наклонности сблизаться съ несчастными.

— Вы любите музыку? спросила она его.

— Я не знаю музыки, отвѣчалъ Бешметевъ.

— Вы ни на чемъ не играете?

— Ни на чемъ-съ.

— А какъ вамъ нравится голосъ сестры?

При этомъ вопросѣ, Павелъ замѣтно сконфузился и молчалъ.

— Какой онъ странный! — подумала блондинка: — какъ-бы его заставить поговорить? Можетъ быть, скажетъ что-нибудь смѣшное. Въ этомъ намѣреніи, она сѣла рядомъ съ Павломъ. — Вы бываете въ собраніи? спросила она.

— Нѣтъ-съ.

— Отчего-же?

— Я не люблю собраній.

— Отчего вы не любите собраній? Въ это время

брюнетка подошла къ сестрѣ.—Послушай, ма сœur, продолжала блондинка, м-г не любить собраній.

Юлія отвѣчала сестрѣ улыбкою и, взявъ ее за руку, отвела отъ Павла.

Часу въ 12-мъ за Кураевыми были присланы лошади, и онѣ, не смотря на убѣдительныя просьбы хозяйки — закусить чего нибудь — уѣхали домой. Павелъ уѣхалъ вмѣстѣ съ теткою послѣ ужина. Придя въ свою комнату, онѣ просидѣлъ съ четверть часа, погруженный въ глубокую задумчивость, а потомъ принялся писать къ сестрѣ письмо. Оно было слѣдующее:

«Лиза, другъ мой! ты себѣ представить не можешь, что сегодня со мною случилось. Пришелъ я къ теткѣ, она собиралась въ гости на вечеръ и требовала, чтобы и я съ ней ѣхалъ. Я, разумѣется, не хотѣлъ; но она закричала, забранилась, почти насильно посадила меня въ сани и привезла къ Θεоктистѣ Саввишнѣ,—и здѣсь я встрѣтилъ — знаешь-ли, кого?— я встрѣтилъ ее... ту, которую видѣлъ въ Москвѣ. До сихъ поръ я не могу еще хорошенько опомниться. Тетка говоритъ, что она здѣшняя: фамилія ея — Кураева. Боже мой, какъ она еще похорошѣла! Лицо ея сдѣлалось еще правильнѣе... Что за чудныя у ней ручки, Лиза! Когда она играла на фортепіано, это была не женщина, а античная статуя, совсѣмъ, какъ есть статуя...»

Написавъ это, Павелъ легъ на кровать. Губернскій учитель музыки былъ, впрочемъ, совершенно другаго мнѣнія: онѣ всегда выговаривалъ брюнеткѣ за то, что она рѣшительно не умѣетъ держать себя за фортепіано, потому-что очень ломается. Пролежавъ

нѣсколько мннуть, Павелъ всталъ и снова принялся писать:

«Я рѣшительно влюбленъ: во мнѣ совершается что-то странное и непонятное. Богъ знаетъ, чтобы я готовъ былъ отдать, если бы она меня полюбила! Я бы за это готовъ былъ отказаться отъ всего».

На этомъ мѣстѣ онъ снова остановился; снова полежа на постелѣ и, вставши, еще приписалъ:

«Пріѣзжай, Лиза, Бога ради скорѣе, — мнѣ безъ тебя смертная скука; мнѣ такъ много надобно съ тобою переговорить... Что ты тамъ дѣлаешь? Пріѣзжай! Остаюсь любящій тебя и влюбленный

«Бешметевъ».

Заклучивши такимъ образомъ письмо, онъ запечаталъ его и улегся уже совсѣмъ, но долго еще не спалъ и ворочался съ боку на бокъ. Вставъ на другой день, Павелъ распечаталъ свое письмо, перечиталъ его нѣсколько разъ и, видно раздумавъ посылать его, разорвалъ на мелкіе куски; но тотчасъ же написалъ другое:

«Милая Лиза! что ты дѣлаешь въ деревнѣ? Пріѣзжай скорѣе: мнѣ очень скучно. Матушка въ томъ же положеніи, тетка бранится; мужа твоего не видалъ, а у дѣтей былъ: они, слава Богу, здоровы. Пріѣзжай! мнѣ о многомъ надобно съ тобой переговорить. Братъ твой и пр.»

Это письмо Павелъ отправилъ, и принялся члтать какую-то книгу, но черезъ четверть часа швырнулъ ее; легъ внизъ лицомъ на кровать и почти цѣлый день пролежалъ въ такомъ положеніи.

VI.

Поѣздка въ собраніе и ея послѣдствія.

Бешметевъ, въ своемъ бездѣйствіи, думалъ рѣшительно объ одной брѣнетѣ: ему страшно хотѣлось видѣть ее. Онъ узналъ, гдѣ ихъ домъ, и часа по два прохаживался невдалекѣ отъ него, и поджидаль, не пойдетъ ли она, какъ бывало это въ Москвѣ, гулять, или, по крайней мѣрѣ, не поѣдетъ ли куда-нибудь; былъ даже раза два въ театрѣ, но ничто не удавалось. Приѣхала Лизавета Васильевна. Павелъ только чрезъ недѣлю, и то опять слегка, разсказаль сестрѣ о встрѣчѣ съ своей московской красавицей; но Лизавета Васильевна догадалась, что братъ ея влюбленъ не на шутку, и очень этому обрадовалась; въ головѣ ея, въ силу извѣстнаго закона, что всѣ сестры очень любятъ женить своихъ братьевъ, тотчасъ образовалась мысль о женитьбѣ Павла на Кураевой; она сказала ему о томъ, и герой мой, хотя видѣлъ въ этомъ странность и несбыточность, но не отказывался. Страшно отраднo становилось ему, когда онъ начиналъ думать, что эта дѣвушка, столь прекрасная, и которая теперь такъ далека отъ него, не только полюбитъ его, но и отдастся ему въ полное обладаніе, будетъ принадлежать ему тѣломъ и душой, а главное душой... Какъ все это отраднo и страшно! Впрочемъ, Павелъ все это только думалъ, сестрѣ же говорилъ: «конечно, недурно... но вѣдь какъ?». Со времени появленія въ головѣ моего героя мысли о женитьбѣ, онъ началъ чувствовать какое-то безпокойство, постоянное волненіе въ крови, мечтанія его сдѣлались какъ-то

раздражительны, а желаніе видѣть Юлію еще сплѣнѣе, такъ что, чрезъ нѣсколько дней онъ пришелъ къ сестрѣ, и самъ началъ просить ее ѣхать съ нимъ въ собраніе, гдѣ надѣялся онъ встрѣтить Кураевыхъ. Лизавета Васильевна съ удовольствіемъ согласилась: ей самой очень хотѣлось видѣть Юлію. Но здѣсь явилась новая забота: Павелъ боялся показаться въ собраніе, и нѣсколько разъ былъ готовъ отказаться отъ своего намѣренія; даже морозъ пробѣгалъ по тѣлу при одной мысли, какъ неловко и непріятно будетъ его положеніе въ ту минуту, когда онъ войдетъ въ залу, полную незнакомыхъ людей! Что ему тамъ дѣлать? какъ вести себя? о чемъ и съ кѣмъ говорить? Не удивляйтесь, свѣтскій читатель, послѣднимъ чувствованіямъ моего героя. Вы образовывались совершенно подъ другими условіями, вы, можетъ быть, подобно Онѣгину, выйдя изъ-подъ ферулы вертляваго, но съ прекрасными манерами француза, еще съ 17-ти лѣтъ, вѣроятно, сдѣлались принадлежностію свѣта и баловъ. Но Бешметевъ во всю жизнь былъ только на одномъ балѣ, куда его, еще маленькаго, привезла мать, и онъ до сихъ поръ не забылъ, какъ было ему неловко и скучно въ свѣтлой залѣ. Въ день собранія онъ очень много занимался своимъ туалетомъ, долго смотрѣлся въ зеркало, нѣсколько разъ умылся, завился сначала самъ, собственноручно, но, оставшись этимъ недоволенъ, завился въ другой разъ, чрезъ посредство цирюльника, и все-таки остался недоволенъ, даже совсѣмъ не хотѣлъ ѣхать, тѣмъ болѣе, что горничная прескверно вымыла манишку, за что Павелъ сверхъ обыкновенія разсердился; но, спустя нѣсколько времени, онъ снова рѣшился. Часовъ въ восемь онъ нарядился въ черныя фрагъ и

какой-то цвѣтной жилетъ. Фракъ отличнѣйшаго сукна сидѣлъ на немъ не отлично. Когда Павелъ пришелъ къ сестрѣ, она была еще въ блузѣ; но голова ея была уже убрана по-бальному. Въ лицѣ Бешметева очень замѣтно было волненіе; поздоровавшись съ сестрою, онъ безпокойными шагами началъ ходить по комнатѣ.

— О чемъ ты думаешь, Поль? спросила Лизавета Васильевна.

— Такъ, ни о чемъ.

— Какъ, ни о чемъ? Ты чѣмъ-то разстроенъ.

— Право, такъ; мнѣ что-то не хочется ѣхать.

— Но, вѣдь, ты самъ меня звалъ.

— Знаю, но видишь...

— Нѣтъ, ничего не вижу.

— Мнѣ что-то нездоровится.

— Полно, Поль, пустяки-то говорить; что за робость!

Павелъ не отвѣчалъ.

— Что-жь, мы не ѣдемъ? спросила Лизавета Васильевна, послѣ минутнаго молчанія.

— Я не знаю, отвѣчалъ Павелъ.

— Что это у тебя, братецъ, за дикость? отчего это?

— Вовсе не дикость.

— Какъ не дикость? Чего же ты боишься людей?

— Я не боюсь, но не люблю общества; мнѣ какъ-то неловко бывать съ людьми; всѣ на тебя смотрятъ: нужно говорить, а я рѣшительно не нахожусь, — въ головѣ моей или пустыя фразы, или ужъ черезчуръ серьезныя мысли, а что прилично для разговора, — никогда ничего нѣтъ.

Лизавета Васильевна покачала головой.

— Странный ты человекъ! Другой на твоёмъ мѣстѣ еще въ Москвѣ-бы познакомился съ Кураевыми.

— Вотъ прекрасно! Какимъ же образомъ я могъ бы познакомиться?

— Очень просто: приѣхать въ домъ да и только.

— Съ какой же стати я приѣхалъ бы?

— Да какъ же другіе-то знакомятся?

— Я не знаю: ихъ вѣрно зовутъ.

— Вовсе нѣтъ: сами приѣзжаютъ.

— Въ такомъ случаѣ это нахальство!

— Никакого тутъ нѣтъ нахальства.

— Конечно, нахальство; вдругъ, ни съ того, ни съ сего, приѣхать и рекомендоваться. Очень, я думаю, интересенъ я для нихъ.

— Всякій молодой человекъ интересенъ въ семейномъ домѣ, потому что онъ женихъ. Нѣтъ, Поль, это не оттого... ты еще мало влюбленъ.

— Нѣтъ, Лиза.

— Что-же?

— Такъ... ты неправду думаешь. Сказавъ эти слова, Павелъ вспыхнулъ.

Братъ и сестра замолчали.

— Послушай, Поль, — начала Лизавета Васильевна: — вотъ мы теперь съѣздимъ въ собраніе; ты еще посмотришь на нее, и я посмотрю, а потомъ...

— Что же потомъ?

— Потомъ стороной и разузнаемъ, что и какъ... а тамъ ты съѣдешь въ домъ раза два...

— Ни за что не поѣду.

— Нѣтъ, это пустяки: ты поѣдешь, а тутъ и я

свѣзжу и... смотришь, вдругъ скажутъ: «Павель Васильичъ съ супругою пріѣхали!»

— Нѣтъ, сестрица, это невозможно... это такъ, одно пустое предположеніе...

— А вотъ посмотримъ... Что-жь? Прикажете одѣваться? угодно вамъ ѣхать? шутила Лизавета Васильевна вставая.

— Одѣвайся, отвѣчалъ Павель какимъ-то страннымъ голосомъ.

Лизавета Васильевна вышла. Павель задумался, и чрезъ полчаса она возвратилась уже совсѣмъ одѣтая. Бешметевъ, не смотря на внутреннее безпокойство, чуть не вскрикнулъ отъ удивленія: такъ была она хороша съ своею стройною талією, затянутою въ корсетъ, съ обнаженными руками и шеєю, покрытыми бѣлою и нѣжною кожею, съ этимъ умиымъ выразительнымъ лицомъ, отъвѣненнымъ роскошными, смолистыми кудрями. Павель невольно взглянулъ въ зеркало, и, Боже мой! какъ некрасива и не представительна показалась ему его собственная фигура! Съ приближеніемъ къ собранію, безпокойство его увеличилось; сердце ныло; онъ нѣсколько разъ покушался просить сестру воротиться назадъ, но промолчалъ.

Въ залу Бешметевъ вошелъ въ лихорадочномъ состояніи; лицо его было блѣдно и съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ. Масурову тотчасъ-же замѣтили.

— Лизавета Васильевна! наконецъ-то вы показали, говорила толстая, почтенная дама, пожимая ей руку:— съ кѣмъ это вы,— продолжала она, увидя Павла:— съ мужемъ?

— Нѣтъ, это мой братъ, отвѣчала Лизавета Васильевна, и взглянула было на брата, въ намѣреніи представить его почтенной дамѣ; но Павелъ очень серьезно глядѣлъ на сестру и не трогался съ мѣста. Масурову окружили еще многія старыя знакомыя; нѣкоторыя уже знали о ея приѣздѣ, другія же, подходя къ ней, издавали звуки удивленія и радости: «mon Dieu! est-ce bien vous?» «C'est vous, madame?» Даже слышалось «ma bonne Lise, ma chère и «Lisette» —но никто не замѣтилъ, никто не привѣтствовалъ Павла. Ему сдѣлалось, какъ и ожидалъ онъ, страшно неловко: онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ руками, ногами и съ шляпою, или, лучше сказать, онъ рѣшительно не находилъ, какъ прилично расположить всю свою особу. Павелъ не зналъ ни одного обычнаго въ то время приема молодыхъ людей: онъ не умѣлъ ни закладывать за жилетъ граціозно руку, ни предерживать живописно этою рукою шляпу, слегка прижавъ ее къ боку, ни выступить умѣренно впередъ лѣвою ногою, а тѣмъ болѣе не въ состояніи былъ ни насмѣшливо улыбаться, ни равнодушно смотрѣть — выраженіе лица его было черезчуръ грустно и отчасти даже сердито. Постоявъ нѣсколько минутъ въ положеніи смѣшавшагося въ своей роли трагическаго актера, онъ счелъ за лучшее сѣсть. Не излишнимъ считаю здѣсь замѣтить, что Павелъ, по своей наружности, былъ не самый послѣдній въ собраніи. Не говоря уже о толстыхъ, усѣвшихся играть въ преферансъ или вистъ, было даже нѣсколько тоненькихъ молодыхъ людей съ гораздо-болѣе неприличными, чѣмъ онъ, для бала фізіономіями и фраками; нѣкоторыя изъ нихъ, подобно

ему, сидѣли вдали, а другіе даже танцевали. Конечно, были и такіе, которые далеко превосходили Бешметева: къ числу такихъ, по преимуществу, принадлежалъ высокій господинъ лѣтъ тридцати пяти, стоявшій за колонною: одѣтъ онъ былъ весь въ черномъ, начиная съ широкаго, англійскаго покроя, фрака, до небрежно-завязаннаго галстука. Желтоватое лицо его, покрытое глубокими морщинами и оттѣненное большими черными усами, имѣло самое модное выраженіе разочарованія, доступное въ то время еще очень немногимъ лицамъ. Каріе глаза его лѣниво смотрѣли на составляющуюся не вдалекѣ отъ него французскую кадрили. Высокимъ господиномъ интересовались, кажется, многія дамы: нѣкоторыя на него взглядывали, другія привѣтливо ему кланялись, а одна молодая дама даже съ умысломъ сѣла близъ него, потому что, очень долго заставивъ своего кавалера, какого-то долговязаго юношу, носить по залѣ стулъ, наконецъ показала на колонну, около которой стоялъ франтъ; но сей послѣдній рѣшительно не обратилъ на нее вниманія и продолжалъ лѣниво смотрѣть на свои усы. Молодая дама, усѣвшись, нѣсколько разъ повертывала къ нему голову и поднимала на него большіе сѣрые глаза.

— М-г Бахтіаровъ! сказала наконецъ она не утерпѣвъ.

Франтъ лѣниво взглянулъ на нее.

— Посмотрите,—продолжала дама, указывая глазами на Бешметева:—за что этотъ господинъ сердится?

— Я вдали не вижу.

— Да это недалеко, на стулъ у третьяго окна.

— Не вижу-съ.

— Да что это? Посмотрите.

— Право не вижу.

Дама нѣсколько обидѣлась и отворотилась отъ Бахтіарова.

— Вы сегодня не въ духѣ? начала снова она.

— Какъ и всегда.

— Пожалуйста, посмотрите на этого сердятаго господина!

Бахтіаровъ насмѣшливо улыбнулся.

— Странное желаніе! проговорилъ онъ и, нехотя приложивъ къ глазу одностекольный лорнетъ, взглянулъ на Павла: равнодушное выраженіе лица его мгновенно измѣнилось; онъ какъ-будто-бы покраснѣлъ: «какое сходство!» проговорилъ онъ, какъ-бы самъ съ собою.

— Съ кѣмъ? спросила она.

Бахтіаровъ не отвѣчалъ.

— Съ кѣмъ сходство? повторила дома.

— Съ вами, отвѣчалъ Бахтіаровъ.

Дама пожала плечами, и надула губы.

— Вы забываете, вамъ начинать, сказалъ Бахтіаровъ, послѣ небольшого молчанія. Дама начала ходить въ первой фигурѣ, но смѣшалась въ шенѣ. Между тѣмъ, Бахтіаровъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ танцовала Лизавета Васильевна, и лицо его снова измѣнилось. Когда сосѣдка его возвратилась на свое мѣсто, онъ выдвинулся изъ-за колонны и началъ съ нею весело разговаривать.

— У васъ, должно-быть, сегодня истерика? сказала дама.

— Это отчего?

— Да какъ-же! Вы то грустны, то веселы черезчуръ. Со мною бывало это.

— Со мною не то, что съ вами, — отвѣтилъ Бахтіаровъ. — Знаете-ли что? судьба иногда даритъ челоуѣка въ его скучной жизни вдругъ неожиданно, такимъ... какъ-бы это выразить? — удовольствіемъ, или, пожалуй, даже счастіемъ...

— Право? — перебила дама: — не случилось-ли съ вами того же?

— Отчасти.

— Поздравляю васъ! Стало-быть, вы счастливы.

— Отчасти.

— Нельзя-ли узнать причину?

— Невозможно.

— Почему-же?

— Потому что вы всѣмъ расскажете.

— Честное слово, никому не скажу.

— Извольте: я встрѣтилъ одного стараго прія-теля.

Дама сомнительно покачала головой, и старалась угадать, по направленію взгляда Бахтіарова, на кого онъ смотритъ.

— Полно, не пріятельницу-ли? сказала она.

— У меня нѣтъ пріятельницъ.

— Это почему?

— Пріятельницами могутъ быть только женщины.

— Ну такъ что-же?

— А женщинъ я давно не люблю.

— А М., а К., а Д.? а дама въ очкахъ?

— Это онѣ меня любили, а не я ихъ.

— Послушайте: это неблагодарно такъ говорить о женщинахъ.

— А еще неблагодарнѣе сплетничать на пріятельницѣ.

— Кто-жь на нихъ сплетничаетъ?

— Вы.

— Ахъ, Боже мой!... это все говорятъ.... Это вы сами сейчасъ говорили.

— Я хотѣлъ поддѣлаться подъ вашъ тонъ.

— Подъ какой-же мой тонъ?

— Посплетничать.

— Это ни на что не похоже! сказала дама, очень обидѣвшись, и встала съ своего мѣста. Кадриль въ это время кончилась. Бахтіаровъ тоже довольно быстро пошелъ на другой конецъ залы: тамъ стояла Лизавета Васильевна и разговаривала съ какимъ-то плѣшивымъ господиномъ. Бахтіаровъ подошелъ къ ней и нѣсколько минутъ оставался въ почтительномъ положеніи. — *Je vous salue, madame!* произнесъ онъ потомъ довольно тихо. Лизавета Васильевна вздрогнула и обернулась: все лицо ея вспыхнуло, и она отвѣтила однимъ молчаливымъ поклономъ. Бахтіаровъ тоже, кажется, не находилъ что говорить, и только пригласилъ ее на слѣдующую кадрили. Лизавета Васильевна колебалась.

— Извольте, отвѣчала она, послѣ минутнаго размышленія. Оба они простояли еще нѣсколько минутъ въ странномъ молчаніи; наконецъ, Лизавета Васильевна опомнилась и подошла къ брату.

— Поль, которая-же она? спросила молодая женщина, не могши скрыть внутренняго безпокойства.

— Ея здѣсь нѣтъ, отвѣчалъ Павелъ, сидѣвшій все это время въ прежнемъ положеніи.

— Пойдемъ, походимъ, сказала она, взявъ его за руку.

— Нѣтъ, я не пойду.

— Бога ради, Поль; ты мнѣ нуженъ.

— Не могу, сестрица.

— По-крайней-мѣрѣ, сядь около меня, когда я буду танцовать. Пожалуйста, Поль.

— Хорошо.

Лизавета Васильевна тотчасъ подхватила какую-то рыжую даму и начала съ ней ходить по залѣ. Бахтіарову, кажется, очень хотѣлось подойти къ Масуровой; но онъ не подходилъ и только слѣдилъ за ней глазами. Проиграли сигналъ. Волненіе Лизаветы Васильевны, когда она сѣла съ своимъ кавалеромъ, было слишкомъ замѣтно: грудь ея подымалась, руки дрожали, глаза искали брата; но Павелъ сидѣлъ задумавшись и ничего не видѣлъ.

Всю эту сцену видѣла молоденькая дама, разсердившаяся на Бахтіарова: она видѣла, какъ онъ всталъ и пошелъ къ Лизаветѣ Васильевнѣ; видѣла обоюдное ихъ смущеніе, и сообразивши слова Бахтіарова о неожиданномъ его счастьи, тотчасъ поняла все.

— Какъ я сейчасъ взбѣсила Бахтіарова, сказала она, подойдя къ дамѣ въ очкахъ.

— Онъ всегда золъ.

— Я открыла тайну его сердца.

— Давно-ли у него стало сердце?

— А вотъ посмотрите, сказала молоденькая дама, какимъ тигромъ смотритъ онъ за дамою въ коричневомъ платьѣ.

Блѣдная дама въ очкахъ еще болѣе поблѣднѣла.

— У нихъ старая интрига. Она еще въ дѣвушкахъ....

— Я догадалась, перебила молоденькая дама, и отошла, по случаю начала французской кадрили. — Посмотрите, какъ счастливъ Бахтіаровъ,—замѣтила она своему кавалеру, очень еще молодому человѣку, но съ замѣчательно-рѣшительною наружностію.

— Именно, подтвердилъ тотъ: — онъ даже пересталъ кисло улыбаться.

Молодой человѣкъ, постоянно сердившійся на Бахтіарова за то, что на томъ всегда былъ фракъ самой послѣдней моды, придя въ буфетъ и рѣшительно бросившись на диванъ, сказалъ сопровождавшему его пріятелю, армейскому офицеру:

— Какъ эти господа не умѣютъ себя выдерживать!

— А что? спросилъ тотъ, безбожно затягиваясь издѣліемъ Жукова.

— Мрачный Бахтіаровъ пѣлюю кадрили, какъ аркадскій пастушокъ, любезничалъ съ своей дамой.

— Онъ танцевалъ съ Лизаветой Васильевной Масуровой, отвѣчалъ офицеръ, имѣвшій необыкновенную способность знать имена и фамиліи всѣхъ, даже незнакомыхъ ему дамъ.

Офицеръ, выйдя въ залу, сталъ около другаго офицера, тоже своего пріятеля. Сей послѣдній, увидѣвъ проходившую мимо ихъ Лизавету Васильевну, замѣтилъ: — Посмотри-ка, братъ, какія плечи-то... тово..

— Нѣтъ, братъ, тутъ не тово... занята вакансія.

— А кто?

— Да Бахтіаровъ.

— Ну, такъ ужь конечно не тово...

Между-тѣмъ Бахтіаровъ, дѣйствительно, велъ себя какъ-то странно и совершенно не по-прежнему: въ лицѣ его не было уже обычной холодности и невниманія, которое онъ оказывалъ ко всѣмъ городскимъ дамамъ, и въ которыхъ, впрочемъ, былъ, какъ говорили въ свѣтѣ, очень счастливъ; всю первую фигуру сохранялъ онъ какое-то почтительное молчаніе. Лизавета Васильевна тоже молчала и безпрестанно взглядывала на брата. Въ половинѣ кадрили Павелъ, наконецъ, взглянулъ на сестру и, увидѣвъ, что она танцуетъ съ Бахтіаровымъ, тотчасъ всталъ, быстро подошелъ къ танцующимъ и сѣлъ невдалекѣ отъ нихъ. Въ это время Бахтіаровъ заговорилъ:

— Я не могу еще опомниться, началъ онъ, — я такъ неожиданно васъ увидѣлъ, такъ пораженъ былъ....

— Мы года четыре съ вами не видались, перебила Лизавета Васильевна.

Бахтіаровъ нѣсколько смѣшался.

— Вашъ супругъ здѣсь? спросилъ онъ.

— Онъ остался дома.... Я съ братомъ.

— Боже мой! какъ я васъ давно не видалъ.... — началъ было Бахтіаровъ прежнимъ тономъ.

Лизавета Васильевна прежде времени отошла дѣлать соло.

— Вы несправедливы ко мнѣ, продолжалъ онъ одушевляясь: мало того, вы были жестоки ко мнѣ!...

— Поль, поддержи мой вѣеръ, сказала Лизавета Васильевна, обращаясь къ Павлу.

— Это вашъ братъ?

— Да.... — И она снова отошла.

Бахтіаровъ съ досады началъ щипать усы.

— Вы позволите мнѣ быть у васъ?...—спросилъ онъ, уведя Лизавету Васильевну, въ послѣдней фигурѣ, на другую сторону отъ брата.

Молодая женщина нѣсколько колебалась.

— Это отъ васъ зависитъ, отвѣчала она.

Кадриль кончилась.

— Поѣдемъ, Лиза, сказалъ тихо Павелъ.

— Поѣдемъ, отвѣчала молодая женщина.

— Accordez-moi la mazurque?

— Pardon, monsieur: je pars.

— Mais...

— Allons, Paul...

Лизавета Васильевна вышла съ братомъ.

Бахтіаровъ, разстроенный, снова сталъ у колонны.

— Вы, вѣрно, скучаете, не видя одной особы, сказала блѣдная дама въ очкахъ, проходя мимо его съ молоденькою дамою.

— Гораздо менѣе, чѣмъ видя другую особу, отвѣчалъ Бахтіаровъ.

Постоявъ еще нѣсколько времени, онъ ушелъ въ билліардную и сѣлъ между зрителями на диванъ. Ему, видно, было очень скучно. Около билліарда ходили двое игроковъ: одинъ изъ нихъ былъ, какъ кажется, чело-ловѣкъ солидный и немного сердитый на видъ, другой... другой былъ нашъ старый знакомый, Масуровъ.

Солидный игрокъ далъ промахъ.

— А вотъ мы—такъ не такъ!...—сказалъ Масуровъ, живо перекинувшись черезъ бортъ билліарда, и, вывернувъ неимоверно локти, принялся цѣлиться.— Бацъ! вскрикнулъ онъ, сдѣлавъ довольно-ловко желтаго

шара въ среднюю лузу,—вогь оно что значить на контру-то, каковъ ударъ! а?—продолжалъ онъ, обращаясь къ зрителямъ.

— Отлично играютъ! отнесся къ Бахтіарову худощавый господинъ, котораго въ городѣ называли плательной вѣшалкой.

— Кто? спросилъ Бахтіаровъ.

— Я говорю: Михайло Николанчъ отлично играютъ.

— Какой Михайло Николанчъ?

— Масуровъ.

— Это развѣ Масуровъ?

— Масуровъ.... ловкій игрокъ.

Бахтіаровъ сейчасъ-же всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ игрокамъ.

— Каковъ ударъ-то? повторилъ Масуровъ, замѣтивъ его около себя.

— Славный! отвѣчалъ Бахтіаровъ.

— Вотъ какъ долго цѣлитесь, а еще говорите, что съ Тюрей играли.... на «себя», ей-богу на «себя!»... повторилъ Масуровъ, между-тѣмъ какъ прицѣливался его партнеръ.

— Перестаньте говорить подъ руку, возразилъ тотъ, отнимая съ досадою кій.

— Да я и такъ ничего не говорю; играйте; что мнѣ за надобность.

— Какъ-же не говорите? Какъ колоколь надъ ухомъ, возразилъ партнеръ, снова принимаясь цѣлиться.

— Сами вы колоколь. Ну смотрите, такъ и есть: на «себя!»—вскрикнулъ онъ, и залился смѣхомъ.

Партнеръ дѣйствительно сдѣлалъ на «себя».

— Съ вами невозможно играть, сказалъ онъ, отнпмая кій.

— Ну, ужъ вы и сердитесь... Всяко бываетъ! А вотъ мы такъ поиграемъ: краснаго сдѣлаемъ, да подъ желтаго выходъ!... Есть! Вотъ, тутъ-то мы васъ, батенька, и поймали! Эй ты, маркерина, считай; разъ 12, два 12; честь имѣю васъ поздравить; партія кончена!

— Будетъ! сказалъ партнеръ, выкидывая на бп-ліардъ десяти-рублевую.

— Давайте играть! что за пустяки?

— Не буду играть, безпрестанно говорите подъ руку.

— Я не стану, ей-богу, не стану: слова не скажу.

— Не буду, отвѣчалъ лаконически партнеръ и вышелъ.

— Экой какой! проговорилъ ему вслѣдъ Масуровъ, кутнулъ на красненькую да испугался... Я, чортъ возьми, по десяти тысячъ проигрывалъ въ вечеръ, да и тутъ не отставалъ.

— Не хотите ли со мной? сказалъ Бахтіаровъ.

— Очень радъ, отвѣчалъ обрадовавшисъ Масуровъ: — вы, вѣдь, кажется, гусаръ?

— Гусаръ.

Они начали играть. Масуровъ былъ въ восторгъ: какъ-то такъ случилось, что онъ то съ одного удара кончилъ партію, то шары разбивались такимъ образомъ, что Бахтіарову оставалось дѣлать только бѣлаго.

— Что это съ вами? говорили нѣкоторые зрители, обращаясь къ Бахтіарову.

— Онъ хорошо играетъ, отвѣчалъ тотъ, и начиналъ какъ будто бы сердиться.

— Нѣтъ, вамъ нельзя играть со мной такъ и такъ!... сказалъ Масуровъ, возьмите десять впередъ.

— Я оттого проигрываю, что мы играемъ по маленькой: давайте по пятидесяти рублей.

— Вотъ еще что вздумали! какъ это возможно? это значитъ навѣрняка взять у васъ деньги. На вино давайте.

— Извольте. — И вино проигралъ Бахтіаровъ.

— Будетъ! сказалъ Масуровъ. Нѣтъ, вамъ нельзя со мной играть; давайте пить. Они сѣли за дальній столпъ.

— Я очень радъ, что съ вами познакомился, произнесъ Михайло Никоданчъ, протягивая руку Бахтіарову.

— Взаимно и я, отвѣчалъ тотъ, пожимая ему руку.

— Фамплія моя Масуровъ.

— А я Бахтіаровъ.

— Ну, и прекрасно.

— Славно вы играете.

— Такъ ли я еще прежде игралъ! Не повѣрите: въ полку, бывало, никто со мной не связывался. Разъ шельма жидъ какую штуку выкинулъ въ Малороссіи, на ярмаркѣ: привозитъ билліардъ безъ бортовъ.... Какъ вамъ покажется?

— Не можетъ быть.

— Честію моею завѣряю. Но.... какимъ же образомъ однако играть?... Тотъ.... другой: были хорошіе игроки; посмотрѣли; нѣтъ, видятъ — хитро! что, я думаю, — послушай, свиное ухо, говорю я жиду, — когда у тебя пуста билліардная? «Отъ цетырехъ часовъ ночи до восьми утра, васе благородіе,» говоритъ.

Хорошо! прихожу въ четыре часа ночи, начинаю ватать шарами, всю ночь проигралъ одинъ, — что же? Поутру его каналью самого обыгралъ на двѣ партіи. Тутъ было схватились со мной другіе: было человекъ десять улановъ; всѣхъ обдулъ, какъ липокъ; а смѣшнѣе всего, одинъ чиновникъ, съ позволенія сказать, все бѣлье съ себя проигралъ.

— Но я не понимаю, какимъ же образомъ играютъ? сказалъ Бахтіаровъ, внимательно выслушавъ весь этотъ рассказъ.

— Очень просто: дублетовъ вовсе нѣтъ, и тише бьютъ шары, чтобъ не падали на полъ. Чокнемтесь, monsieur... позвольте узнать ваше имя.

— Александръ Сергѣичъ.

— Чокнемтесь, Александръ Сергѣичъ!

Они чокнулись.

— Я сейчасъ имѣлъ удовольствіе танцовать съ вашей супругой.

— Что вы? да развѣ она здѣсь?

— Была здѣсь; а вы, видно, и не знаете?

— А я и не знаю.... Я дома цѣлый день не былъ: помню, что-то говорила....

— Я зналъ ихъ еще дѣвушкой.

— Не правда ли, что славная женщина?

— Чудная!

— Да, чортъ возьми, кабы не была жена, даже приволокнудся бы за нею

— А вы развѣ охотникъ волочиться?

— Даже очень люблю. Допьемте другую бутылку и пойдемте волочиться.

— Пойдемте.

— Тамъ я, еще въ прошлое собраніе, видѣлъ даму: ухъ, чортъ возьми, съ какими калеными глазами!

Новые знакомцы вышли, подъ руку, въ залу: но Масуровъ скоро юркнулъ отъ Бахтіарова; онъ былъ въ залѣ собранія, какъ у себя дома, даже свободнѣе, чѣмъ ловкій и свѣтскій Бахтіаровъ: веѣмъ почти мужчннамъ подавалъ руку, дамамъ кланился, пнымъ даже что-то шепталъ на ухо; и Бахтіаровъ только чрезъ четверть часа замѣтилъ его усѣвшимся съ дамою въ ожиданія мазурки. Михайло Николаичъ, увидя своего пріятеля, показывалъ ему пальцемъ на свои глаза и въ то же время подмигивалъ на свою даму. У дамы были, дѣйствительно, странные глаза: они были, если хотите, и черные, но какъ будто бы кто-то толкалъ ихъ изнутри и имъ сильно хотѣлось выпрыгнуть. Бахтіаровъ чуть не засмѣялся, и желая не поддаться пріятелю въ выборѣ дамы, отыскалъ какую-то дѣвушку, тоже съ довольно необыкновенными глазами. Эти глаза были, впрочемъ, совершенно другаго свойства: они уходили внутрь, и какъ владѣтельница ихъ ни растягивала свои красноватыя вѣки, глаза прятались и никакъ не хотѣли показаться на свѣтъ. Масуровъ захохоталъ во все горло, увидѣвъ помѣщающагося съ своей дамой около него Бахтіарова.

— Bravo, Александръ Сергѣичъ! То, что у васъ очень закрыто, у меня очень открыто!

Оба знакомца немного дурачились въ мазуркѣ; они очень шибко вертѣли дамъ, подводя ихъ къ мѣстамъ, то чрезчуръ выдѣлывали па, то просто ходили, выдумывая какія-то странныя пословицы. Въ отношеніи же дамъ своихъ, они вели себя нѣсколько различно: Бахтіаровъ молчалъ и даже иногда зѣвалъ, но

зато рѣкой разливался Масуровъ: онъ говорилъ дамѣ, что очень любитъ женскіе глаза, что взглядъ женщины для него невыносимъ, что онъ зналъ одну жидовочку и... Тутъ онъ разсказалъ такую исторію про жидовку, что дама не знала, сердиться на него или смѣяться. Въ промежуткахъ разговора, Масуровъ обращался къ Бахтіарову и спрашивалъ его вслухъ, знаетъ ли онъ романсъ «ахъ, не глядите на меня, вы, пламенные очи», и въ заключеніе, объявилъ своей дамѣ, что онъ никогда не забудетъ этой мазурки и запечатлѣлъ ее въ сердцѣ. Дама молча поворотила на него свои глаза и отошла.

Бахтіаровъ и Масуровъ отужинали вмѣстѣ, выпили еще бутылки двѣ шампанскаго, и Масуровъ началъ называть своего пріятеля просто — *mon cher*.

Дружеское сближеніе Бахтіарова съ Масуровымъ замѣтили многіе, и многіе угадали настоящую причину: это были попреимуществу дамы, которыя, какъ извѣстно, въ подобныхъ случаяхъ, обнаруживаютъ необыкновенное любопытство и невыразимую смѣтливость. На другой же почти день было рѣшено, что гордецъ Бахтіаровъ заискиваетъ въ Масуровѣ и поддѣлывается подъ его дурной тонъ, потому что интригуетъ съ его женой. Слухъ объ этомъ дошелъ и къ Кураевымъ: брюнетка, говорятъ, услышавъ объ этомъ, тотчасъ вышла къ себѣ въ комнату и цѣлый день не выходила, жалуясь на головную боль. Горничная ея даже разсказывала, что будто бы барышня все это время изводила лежать въ постелѣ и плакала.

VII.

Всякая всячина.

Еще печальнѣе, еще однообразнѣе потекла жизнь Павла послѣ его неудачной поѣздки въ собраніе: цѣлые дни проводилъ онъ въ совершенномъ уединеніи. Съ сестрою видался онъ гораздо рѣже. Лизавета Васильевна какъ-то измѣнилась, сдѣлалась нѣсколько странною и совершенно иначе держала себя въ отношеніи къ брату. По пріѣздѣ изъ собранія, она нѣсколько дней была больна, или по крайней мѣрѣ сказывалась больною и лежала въ постелѣ. На другой же день поутру пріѣхалъ къ нимъ Бахтіаровъ. Михайло Николаичъ просилъ было жену выдти къ его новому знакомому, который, по его словамъ, былъ старинный его пріятель, видѣлъ ее въ собраніи и теперь очень желаетъ покороче съ ней познакомиться. Лизаветѣ Васильевнѣ очень непріятно было это посѣщеніе, и она рѣшительно сказала мужу, что больна и не можетъ выдти.

— Богъ съ тобой, Лиза, ты мнѣ все дѣлаешь на противъ!... Этотъ вѣдь совершенно не похожъ на другихъ моихъ пріятелей: человѣкъ съ огромнымъ вѣсомъ, для дѣтей нашихъ даже можетъ быть полезенъ.

Сказавъ это, Масуровъ вышелъ изъ спальни. Гость и хозяйинъ, кажется, скоро совершенно забыли о Лизаветѣ Васильевнѣ. Они усѣлись играть въ бостонъ и проиграли до вечера. На третій день, когда снова пріѣхалъ Бахтіаровъ, Лизавета Васильевна спросила мужа: долго-ли этотъ человѣкъ будетъ надѣждать имъ?

— Нѣтъ, душа моя, почти закричалъ Михайло Николаичъ,—ты хоть зарѣжь меня, а мы каждый день

будемъ играть: этакого отличнѣйшаго и благороднѣйшаго игрока я во всю жизнь не видалъ.

— Что-же вы не играете у него?

— У него невозможно, ей-богу невозможно; во всемъ долъ передълываютъ печп.. Намъ бы все равно.

— Это несносно, Мишель: ~~цѣлый~~ день чужой чело-вѣкъ.

— И не говори лучше, Лиза; это невозможно; въ чемъ хочешь приказывай.

— Но какъ-же?

— Душа моя, ангелочекъ, Бога-ради, не говори, пропзнесь Масуровъ, и ушелъ проворно.

На четвертый день повторилась та-же сцена. На пятый Лизавета Васильевна проснулась блѣднѣе обыкновеннаго, глаза ея были красны и распухли. Видно было, что она провела не слишкомъ спокойную ночь. Часу въ двѣнадцатомъ прѣхалъ Бахтіаровъ, и Михайло Николаичъ тотчасъ усѣлся съ нимъ за карты. На этотъ разъ Лизавета Васильевна не сказалась больною; она вышла въ гостиную и довольно-сухо поклонилась гостю, проговорившему ей свое сожалѣніе о ея болѣзни; въ лицѣ Бахтіарова слишкомъ было замѣтно волненіе, и онъ часто мѣшался и даже забывалъ карты. Что касается до Лизаветы Васильевны, то она была какъ-будто-бы спокойна: работала, занималась съ дѣтьми, выходила часто изъ комнаты и, по-видимому, рѣшительно не замѣчала присутствія посторонняго чело-вѣка; но къ концу дня, ссылаясь на головную боль, легла снова въ постель. На слѣдующіе дни стали повторяться тѣ же сцены. Павелъ былъ всему постояннымъ свидѣтелемъ. Онъ очень подозрѣвалъ, что Бахтіаровъ неравнодушенъ къ сестрѣ, и что она, если и

не любитъ, то когда-то очень любила этого человѣка: ему очень хотѣлось поговорить объ этомъ съ нею; но Лизавета Васильевна замѣтно уклонялась отъ искреннихъ разговоровъ, и даже по приѣздѣ изъ собранія перестала говорить съ братомъ о его собственной любви. Когда начиналъ Павелъ думать объ отношеніяхъ сестры къ Бахтіарову, ему становилось какъ-то грустно; неприятное предчувствіе западало на сердце; положеніе его въ домѣ Масуровыхъ начало становиться неловкимъ: Бахтіаровъ и Масуровъ его мало замѣчали, сестра чуждалась, онъ пересталъ къ нимъ ходить. «Для чего это сестра перемѣнилась ко мнѣ?» часто думалъ Павелъ: «отчего-жъ она не скажетъ мнѣ, если точно любитъ этого человѣка? но достоинъ ли онъ? Онъ свѣтскій человѣкъ; онъ мнѣ не нравится.» Павелъ прощалъ сестрѣ чувство любви, но только ему казалось, что избранный ею предметъ былъ недостойнъ ея; впрочемъ, при такихъ размышленіяхъ, Павлу всегда какъ-то становилось грустно и неприятно. «Лучше, еслибы этого не бывало, заключилъ онъ, и что будетъ изъ этой любви?» На послѣдній вопросъ Павелъ боялся отвѣчать. Больше всего онъ сердился на Михайла Николаича. «Этотъ пустой человѣкъ, думалъ онъ, рѣшительно погубить все свое семейство, онъ въ состояніи продать жену; онъ подлъ, низокъ, развратенъ... Какъ сестрѣ не предпочесть Бахтіарова, который, можетъ-быть, тоже развратный человѣкъ, но по-крайней мѣрѣ приличенъ, солиденъ». Были даже минуты, когда Павелъ завидовалъ сестрѣ и Бахтіарову: они любятъ, они любимы, тогда какъ онъ?... Здѣсь въ воображеніи его неволью начиналъ воскресать образъ брюнетки, не той холодной брюнетки, которую

онъ видѣлъ, которая не пріѣхала въ собраніе, нѣтъ, другой — доброй, ласковой, привѣтливой къ нему брюнетки; она подавала ему руку, шла съ нимъ... Но мечты прерывались; его то звали къ матери, то пріѣзжали тетюшка или сестра, и заставляли его рассказывать, что дѣлала и какъ себя чувствовала старуха въ продолженіе двухъ дней, и не хуже-ли ей? На всѣ вопросы Павелъ отвѣчалъ односложно. Тетка при этихъ посѣщеніяхъ обыкновенно выговаривала Павлу, «почему онъ не служитъ, почему не бываетъ у нея, и какъ ему не грѣхъ, что онъ такъ холоденъ къ матери, которая для него была истинно-благодѣтельница?»

Однажды—это было въ началѣ великаго поста—Перепетуя Петровна пріѣхала къ сестрѣ. Она была очень взволнована, почему, съ несвойственною ей быстротою и небережливостію, сбросила на полъ салопъ и вошла въ залу; все лицо ея было въ красныхъ пятнахъ.

— Гдѣ Паша? спросила она.

— У себя въ комнатѣ, отвѣчала горничная.

Перепетуя Петровна прошла въ Павлу.

— Здравствуй, Паша!... Полно, нечего одѣваться-то, и въ халатѣ посидишь. Что это у тебя какая нечистота въ комнатѣ? полъ не вымыть; посмотри, сколько на столѣ пыли; мало, что-ли, батюшка, этихъ оболтусовъ-то? Притвори дверь-то: мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Павелъ затворилъ дверь. Перепетуя Петровна усѣлась въ кресла.

— Давно-ли ты видѣлъ сестру?

— Дня съ три.

— У нихъ былъ?

— Нѣтъ, Лиза у насъ была.

— А у нихъ давно-ли былъ?

— У нихъ былъ недѣлю назадъ.

— Что она съ ума, что-ли, сошла?

— Кто?

— Да сестрица-то твоя.—Павель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на тетку.—Я себя не помню; можно сказать, если бы не мой твердый характеръ, я не знаю что... Кто у нихъ былъ при тебѣ?

— Никого.

— Нѣтъ, ты лжешь, что никого: у нихъ былъ Бахтіаровъ! бываетъ каждый день, только что не ночуетъ: вотъ что! Павель тутъ только началъ догадываться, въ чемъ дѣло.

— Это пріятель Михайло Николанча, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не пріятель; онъ скорѣй злодѣй его: онъ злодѣй всего нашего семейства. Прекрасно! Михайло же Николанчъ виноватъ!... сваливайте на мужа вину: мужа всегда виноваты! Ты и этого не понимаешь.

— Мнѣ нечего понимать.

— Нѣтъ, ты долженъ понимать: ты братъ.

— Что-же мнѣ такое понимать?

— А то понимать, что сестра твоя свела интригу.

— Тетушка...

— Нечего тетушка. Ты думаешь—мнѣ легко слышать, какъ дѣлый городъ говорить, что она съ этимъ Бахтіаровымъ въ интригѣ, и въ интригѣ мерзкой, скверной.

Павель весь вспыхнулъ.

— Это клевета! Прошу васъ, тетушка, не говорите этого при мнѣ.

— Нѣтъ, я буду при тебѣ говорить: ты долженъ дѣйствовать.

— Мнѣ нечего дѣйствовать: это сидятъ подлыхъ людей.

— Ты не можешь этого сказать: это говорили мои хорошіе знакомые, это говорятъ вездѣ... люди по-старѣе, посолиднѣе тебя; они жалѣютъ тутъ меня, зная мое родственное расположеніе, да бѣднаго Михайла Николаича, котораго спаиваютъ, обыгрываютъ, можетъ-быть отправятъ на тотъ свѣтъ. Вотъ что говорятъ вездѣ.

— Тетушка, пощадите сестру! произнесъ Павелъ почти умоляющимъ голосомъ.

— Нѣтъ, мнѣ нечего ее щадить; она сама себя не щадить, коли такъ дѣлаетъ; я говорю, что чувствую. Я было хотѣла сейчасъ-же ѣхать къ ней, да Михайла Николаича пожалѣла, потому что не утерпѣла-бы, при немъ же бы все выпечатала. А ты такъ съезди, да и поговори ей; просто скажи ей, что если у нихъ еще разъ побываетъ Бахтіаровъ, то она мнѣ не племянница. Слышишь?

— Я не поѣду, тетушка.

— Какъ тебѣ ѣхать? Я напередъ это знала; давно ужъ извѣстно, что ты никакихъ родственныхъ чувствъ не имѣешь, что сестра, что чужая — все равно; въ тебѣ даже нѣтъ дворянской гордости; тебѣ вѣдь непочемъ, что безславятъ наше семейство, которое всегда, можно сказать, отличалось благочестіемъ и нравственностію.

— Это одна клевета.

— Да за что-же вы меня-то мучите, за что-же я-то терзаюсь? Вы, можно сказать, мои злодѣи!... Въ комъ мое утѣшеніе? о чемъ я всегда старалась? Чтобы было все прилично...хорошо... что-же наповѣрку вышло? Мерзость... скверность... подлость... Я дѣвокъ своихъ за это сѣку и сылаю въ скотную. Богъ съ

вамъ, Богъ васъ накажетъ за ваши собственные поступки. Създить не хочешь! Лвнтяй ты, сударь этакой, тюфякъ... ты рѣшительно безъ всякахъ чувствъ, жалости ни къ кому не имѣешь!

Въ продолженіе этой рѣчи, голосъ Перепетун Петровны дѣлался болѣе и болѣе печальнымъ, и наконецъ она начала всхлипывать.

— Нѣтъ, видно, мнѣ въ жизни утѣшенія ни отъ чужихъ, ни отъ родныхъ: маятница на бѣломъ свѣтѣ; прибралъ-бы поскорѣ Господь; по крайней мѣрѣ, успокоилась-бы въ сырой землѣ!

Перепетуня Петровна очень разстроилась.

Вошла горничная и сказала, что больная проснулась.

— Не сказывайте ей обо мнѣ,—говорила Перепетуня Петровна:—я не могу ее видѣть, мою голубушку; страдалицы мы съ ней, по милости прекрасныхъ дѣтушекъ! Я сейчасъ уѣду... — И дѣйствительно уѣхала, не простясь даже съ Павломъ.

Перепетуню Петровну взмутила Θεоктиста Саввишна. Она рассказала ей различныя толки о Лизаветѣ Васильевнѣ, носившіеся по городу, и по преимуществу развиваемыя въ дружественномъ для нея домѣ, гдѣ прежде очень интересовались Бахтіаровымъ, а теперь замѣтно на него сердились, потому-что онъ рѣшительно пересталъ туда ѣздить и цѣлые дни просиживалъ у Масуровыхъ.

Θеоктиста Саввишна, поговоривъ съ Перепетуней Петровной, вздумала заѣхать къ Лизаветѣ Васильевнѣ посидѣть вечерокъ и собственнымъ глазомъ кой-что замѣтить. Она непременно ожидала встрѣтить тамъ Бахтіарова; но Лизавета Васильевна была одна, и,

кажется, не слишкомъ обрадовалась гостѣ. Сначала разговоръ шелъ очень вяло.

— А вы не выѣзжаете? спросила Теокиста Савишна.

— Нѣтъ, я не выѣзжала эти дни... Голова болитъ.

— Время такое, насморки вездѣ. А я такъ сегодня первый день не бывала дома; бездомовница такая сдѣлалась, что ужасъ; теперь вотъ у васъ спжу, послѣ обѣда была у вашей тетушки... какъ она васъ любить!... А первое утро и обѣдала я у Кураевыхъ... Что это за прекрасное семейство!

— А вы знакомы?

— Господи помилуй! мало, что знакома: я, можно сказать, дружна, близка къ этому семейству.

— Которая изъ дочерей у нихъ лучше? спросила Лизавета Васильевна.

— Ахъ, Лизавета Васильевна, я, просто, не могу вамъ на это отвѣчать! Онѣ обѣ, можно сказать, какъ два амура или какія-нибудь двѣ бѣлыя голубки.

— Которая у нихъ брюнетка?

— Старшая.

— Она мнѣ лучше нравится.

— Да, это Юлія Владиміровна: прекрасная дѣвица. Дай только Богъ ей партію хорошую; а изъ нея выйдетъ превосходная жена; напередъ можно сказать, что она не огорчитъ своего мужа ни въ малѣйшихъ пустякахъ, не только своимъ поведеніемъ или какими-нибудь неприличными поступками, какъ дѣлаютъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ другія жены. Последнія слова Теокиста Савишна произнесла съ большимъ выраженіемъ, потому-что, говоря это, имѣла въ виду кольнуть Лизавету Васильевну.

— Она очень нравится одному молодому человѣку— сказала та, не понявъ послѣднихъ словъ Теокисты Саввишны.

— Право? кому-же это?

— Этотъ молодой человѣкъ видѣлъ ее раза два. Онъ говоритъ, что она чудо-какъ хороша собой, граціозна и неподобно поетъ.

— Ай, батюшки! кто же это такой?— спросила Теокиста Саввишна, и у ней уже глаза разгорѣлись, какъ-будто дѣло шло объ ея собственной красотѣ или о красотѣ ея дочери.

— Онъ меня очень просилъ, продолжала Лизавета Васильевна,—чтобы узнать, стороной, какъ о немъ думаютъ у Кураевыхъ, и что бы они сказали, еслибы онъ сдѣлалъ предложеніе.

— Ахъ, Боже мой! кто-бы это былъ? сказала Теокиста Саввишна, еще болѣе заинтересованная.— Пойдите, я, вѣдь, догадываюсь: не Бахтіаровъ-ли?

Лизавета Васильевна покраснѣла.

— Это съ чего вамъ пришло въ голову? Съ какой мнѣ стати говорить за него?

— Ну, я думала, такъ, по дружбѣ; онъ такъ часто бываетъ у васъ.

— Онъ часто бываетъ у моего мужа. Нельзя ли вамъ, Теокиста Саввишна, переговорить съ Кураевыми?

— Да про кого, матушка, поговорить-то: я еще не знаю, про кого.

— Нѣтъ, вы напередъ дайте слово, что переговорите

— Извольте; про кого-же?

— Про моего брата.

— Про Павла Васильича? Не можетъ-быть.

— Отчего-же не можетъ быть?

— Нѣтъ, вы шутите!

— Вовсе не шучу.

— Да какъ-же? вѣдь онъ еще не служить.

— Что-жь такое, у него ужь три чина.

— Да кто ихъ далъ?

— Царь далъ. Онъ кандидатъ.

— Ей-богу, не знаю... Позвольте, мнѣ отъ своего слова отпираться не слѣдуетъ: поговорить поговорю; конечно, женихъ дѣвушкѣ не безчестье; только откровенно вамъ скажу — не надѣюсь. Главное дѣло — не чиновенъ. Кабы при должности какой-нибудь былъ — другое дѣло... Состояніе-то велико-ли у нихъ?

— У него своихъ пятьдесятъ душъ, да послѣ тетки еще достанется.

Феоктиста Саввишна размышляла. Она была въ чрезвычайно-затруднительномъ положеніи: съ одной стороны ей очень хотѣлось посватать, потому что сватанье сыздавна было ея страстью, ея манією; половина дворянскихъ свадебъ въ городѣ началась чрезъ Феоктисту Саввишну; но съ другой стороны, Бешметевъ и Кураева въ головѣ ея никоимъ образомъ не укладывались въ приличную партію, тѣмъ болѣе, что она вспомнила, какъ сама она невыгодно отзывалась о Павлѣ и какое дурное мнѣніе имѣла о немъ невѣста; но манія сватать превозмогла все.

— Поговорю, Лизавета Васильевна, съ большимъ удовольствіемъ поговорю; я такъ люблю все ваше семейство! мнѣ очень будетъ пріятно устроить это для васъ. Вы говорите, у него пятьдесятъ душъ и три чина?...

Разговоръ этотъ прервался приходомъ блѣднаго и разстроеннаго Павла. Лизавета Васильевна очень ему обрадовалась.

— Вотъ и онъ легкокъ на поминѣ! Какъ я тебя давно не видала, Поль, — говорила она, цѣлуя брата въ лобъ и глядя на него: — но что съ тобой? чѣмъ ты разстроенъ?

Павель ничего не отвѣтилъ и, почти не кланяясь Θεоктистѣ Саввишичѣ, сѣлъ поодаль; Лизавета Васильевна долго вглядывалась въ брата и сама задумалась. Θεоктиста Саввишна, внимательно осмотрѣвъ Павла, начала съ нимъ разговаривать, вѣроятно, для узнанiя его умственныхъ способностей: она сначала спросила его о матери, а потомъ и пошла допытываться, гдѣ онъ, чему и какъ учился, что такое университетъ, на какую онъ должность кандидатъ; и вслѣдъ затѣмъ услышавъ, что ученый кандидатъ не значитъ кандидатъ на какую-нибудь должность, она очень интересовалась знать, почему онъ не служитъ и какое ему дадутъ жалованье, когда поступить на службу.

Павель говорилъ очень неохотно, такъ что Лизавета Васильевна нѣсколько разъ принуждена была отвѣчать за него. Часу въ восьмомъ прiѣхалъ Масуровъ съ клубнаго обѣда и былъ немного пьянъ. Онъ тотчасъ бросился обнимать жену и началъ рассказывать, какъ онъ славно кутнулъ съ Бахтиаровымъ. Павель взялся за шляпу и, несмотря на просьбу сестры, ушелъ. Θεоктиста Саввишна тоже вскорѣ отправилась и, еще разъ переспросивъ о состоянiи, чинѣ и лѣтахъ Павла, обѣщалась увѣдомить Лизавету Васильевну очень скоро.

VIII.

С в а т о в с т в о .

Θеоктиста Саввишна, возвратясь отъ Лизаветы Васильевны, почти цѣлую ночь не спала; сердце ея каждый разъ замирало и билось, когда она вспоминала, что судьба сжалилась наконецъ надъ ней и доставила ей случай посватать. Будь другая на мѣстѣ Θеоктисты Саввишны, не имѣя для этого дѣла истиннаго призванія, она, конечно бы, не рѣшилась сватать какого-либо полуплебея губернской аристократкѣ, по причинамъ выше уже изложеннымъ. Собственно два только благопріятные шанса имѣла Θеоктиста Саввишна: во-первыхъ, она слышала стороной, что будто бы у Кураевыхъ продають имѣніе съ аукціона и что вообще дѣла ихъ сильно плохи, а во-вторыхъ, Владиміръ Андреичъ, обыкновенно человѣкъ гордый и очень мало съ нею говорившій, вдругъ, на дняхъ, ни съ того, ни съ сего, подѣлъ къ ней и сказалъ:— Чѣмъ вы, любезная Θеоктиста Саввишна, занимаетесь? хоть бы молодымъ дѣвушкамъ жениховъ прискивали, а она, какъ будто бы предчувствуя, и отвѣтила, что она рада, но только въ состояніи ли будетъ найти достойныхъ молодыхъ людей. Владиміръ же Андреичъ на это возразилъ: — нынче дѣвушкамъ копать нечего!—и что вотъ хоть у него двѣ дочери, дѣвушки не изъ послѣднихъ, а онъ зарываться не будетъ, былъ бы человѣкъ хорошій.

На другой день Θеоктиста Саввишна сходила къ заутренѣ, къ обѣднѣ, и молилась, чтобы хорошо на-

чать и благополучно кончить, и вечеромъ же рѣшилась отправиться къ Кураевымъ. Ёхавъ дорогой, она имѣла два опасенія: первое, чтобъ не было постороннихъ, а второе, чтобы Владиміръ Андреичъ не очень ужъ былъ важенъ и сердитъ, потому что она его безмѣрно уважала и отчасти побаивалась; даже можетъ быть, не рѣшилась бы заговорить съ нимъ, если бы онъ самъ прежде не далъ тону. Первое ея опасеніе было напрасно: Кураевы только своей семьей сидѣли въ угольной комнатѣ; второе же, то есть въ отношеніи Владиміра Андреича, отчасти оправдалось: онъ былъ, видно, чѣмъ-то очень серьезнымъ разстроены, а вслѣдствіе того и вся семья была не въ духѣ; но Θεоктиста Саввишна не оробѣла передъ этимъ, не совсѣмъ благопріятнымъ для нея обстоятельствомъ, и рѣшилась, во что бы то ни стало, начать свое дѣло.

— Что это нынче за времена, — начала она, просидѣвъ съ полчаса и переговора о различныхъ предметахъ: — что это нынче за годы! прошла цѣлая зима. . танцовали... ѣздили на балы... тоже веселились, а свадьбы ни одной.

На это замѣчаніе никто не отвѣтилъ; Владиміръ Андреичъ поднялъ, впрочемъ, нахмуренные глаза и поглядѣлъ на нее.

— А вѣдь женихи-то есть: и очень бы желали, — продолжала она.

— Да гдѣ вы нашли жениховъ? — проговорилъ Владиміръ Андреичъ: — и танцовали, наша братья, женатые да мальчики.

— Мало ли есть, которые и не выѣзжаютъ. Право нынче молодой человекъ, который посолиднѣе, то и

не поѣдетъ въ общество-то. Не тѣ времена: жизнь какъ-то не велить. Вотъ, напримѣръ, Василья Петровича Бешметева сынъ: прекраснѣйшій человѣкъ, а никуда не ѣздитъ, все сидитъ дома.

— Это тюфякъ-то? перебила блондинка.—Мы еще у васъ его видѣли: смиренный такой!

— И который еще рукъ не моетъ? прибавила насмѣшливо брюнетка.

— То-то и есть! Я, не зная, это говорила, анъ вышло не то,—возразила увертливая Θεоктиста Саввишна.—Послѣ, какъ узнала, такъ вышелъ человѣкъ-то умный; не шаркунъ, гравда; что-жь такое? занимается своимъ семействомъ, хозяйствомъ, читаетъ книги, пятьдесятъ душъ чистаго имѣнія, а въ домѣ-то чего нѣтъ? одного серебра два пуда, да еще послѣ, тетки достанется душъ восемьдесятъ. Кромѣ того у Перепетуи Петровны и деньги есть. Я это навѣрно знаю. Чѣмъ не женихъ? По моему мнѣнію, такъ всякую дѣвушку можетъ осчастливить.

Родитель и родительница весь этотъ рассказъ выслушали очень внимательно.

— Да это его сестра за Масуровымъ? спросила мать.

— Его самого.

— Семейство-то очень ужъ дурное: тетка Перепетуя Петровна... сестра Масурова... Богъ знаетъ, что такое!—говорила Кураева, глядя на мужа и какъ бы спрашивая его: «слѣдуетъ ли это говорить?»

— Что-жь такое сестра?—возразила Θεоктиста Саввишна:—она совершенно отдѣлена. Если дѣйствительно про нея есть тамъ, какъ говорятъ, какіе-то слухи, она не указчица брату.

— Это пустяки: что такое сестра? проговорилъ Кураевъ. Служить онъ гдѣ нибудь?

— Нѣтъ, нигдѣ не служилъ.

— Отчего же? дѣлавъ что ли?

— Ай, нѣтъ, какъ это возможно? Холостой человѣкъ, одинокій; думаетъ не для чего! состояніе обезпеченное, у него ужъ три чина: онъ какой-то коллежскій регистраторъ, что ли.

— Коллежскій секретарь.

— Такъ точно, коллежскій секретарь.

Оеоктиста Саввишна, смѣтливая въ день сватанья, очень хорошо поняла, что родители были почти на ея сторонѣ. Впрочемъ, она даже нѣсколько удивилась, что такъ скоро успѣла: «видно, больно ужъ дѣлишки-то плохи», подумала она, и прямо рѣшилась приступить къ дѣлу.

— Я, признаться сказать,—начала она несовѣмъ твердымъ голосомъ: — нарочно сегодня къ вамъ пріѣхала. Въ своемъ семействѣ можно говорить откровенно, — онъ очень меня просилъ узнать, какое было бы ваше мнѣніе насчетъ Юліи Владиміровны?

— На счетъ меня? спросила брюнетка и поблѣднѣла.

— То-есть, въ какомъ же отношеніи насчетъ? сказалъ Владиміръ Андреевъ, переглянувшись съ женою.

— Ну, то есть, извѣстно, въ какомъ. Онъ видѣлъ Юлію Владиміровну: она ему очень понравилась, такъ онъ очень бы желалъ быть осчастливленъ. Конечно, его мало знаютъ: но онъ говоритъ: «я, говорю, современемъ, постараюсь, говорю, заслужить.»

Владиміръ Андреевъ думалъ. Впрочемъ по выра-

женію его глазъ замѣтно было, что слова Θεоктисты Саввишны были ему не непріятны.

— Что-жь, онъ дѣлаетъ формальное предложеніе, что ли? спросилъ онъ.

— Да!... конечно... все равно и чрезъ меня... дѣлаетъ формальное предложеніе.

— Формальное предложеніе, проговорилъ какъ бы самъ съ собою Владиміръ Андреичъ и поглядѣлъ на дочь.

Юлія сидѣла почти не жива; на глазахъ ея навернулись слезы. Блондинка, съ испуганнымъ и жалкимъ лицомъ, смотрѣла на сестру; у нея тоже показались слезы. Марья Ивановна глядѣла то на дочь, то на мужа. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Какъ ты думаешь, Марья Ивановна? началъ Владиміръ Андреичъ, обращаясь къ женѣ. Та глядѣла ему въ глаза и ничего не отвѣчала.

— Ну, а ты что, Юлія?— отнесся онъ къ дочери. Юлія Владиміровна едва собралась съ духомъ отвѣчать.

— Я не хочу еще замужъ, папенька.

— Это пустое ты говоришь: всякая дѣвушка замужъ хочетъ.

— Онъ мнѣ не нравится, папенька.

— И это пустое... Рѣшивъ такимъ-образомъ, Владиміръ Андреичъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ; всѣ другія сидѣли молча и потупившись. У Θεоктисты Саввишны очень болѣло сердце, и она безпокойнымъ взоромъ слѣдила за Кураевымъ.

— Пойдемъ туда, Маша, проговорилъ Владиміръ Андреичъ, показавъ женѣ глазами на кабинетъ. Марья Ивановна встала и пошла за мужемъ. Барышни тоже недолго сидѣли въ угольной. Брюнетка взглянула изъ-

подлѡбья на Θεоктисту Саввишну и, взявъ сестру за руку, ушла съ нею въ другую комнату.

Θеоктиста Саввишна, чтобы не мѣшать семейному совѣщанію, тоже вышла въ залу и, прислонившись къ печкѣ, съ удовольствіемъ начала припоминать ту ловкость, которую обнаружила въ этомъ дѣлѣ. «Задала-же я имъ задачу, думала она; Господи, хоть-бы мнѣ эту свадьбу устроить, четвертый годъ безъ всякаго дѣла. Старики-то, кажется, на моей сторонѣ; невѣста, пожалуй, заупрямится; ну, да Владиміръ Андреичъ не очень чувствительный родитель: у него и не хочешь да запляшешь. Признаться сказать, не ожидала я для себя этого. Дѣлишки-то, главное, дѣлишки, видно, больно плохи. Какъ-бы послушать, что барышни-то говорятъ?» подумала Θεоктиста Саввишна, и зная очень-хорошо расположеніе дружественнаго для нея дома, тотчасъ нашла дверь въ комнату барышень и, подойдя весьма осторожно, приложила къ небольшой щели ухо. Въ комнатѣ царствовало молчаніе, и только слышались глухія рыданія. Θεоктиста Саввишна тотчасъ-же догадалась, что это плачетъ невѣста.

— Не плачь, та сœur, — заговорила блондинка: — папенька, можетъ-быть, еще не согласится... Ты скажи,

что, просто, не можешь; что у тебя къ нему антипатія,

— Какая тутъ антипатія? больше, та сœur, чѣмъ антипатія. Я представить его не могу, имя его теперь ужь мнѣ противно. Что это такое? выдаютъ за дурака!

— Именно, — подхватила блондинка: — лицо гадкое, ноги кривыя. Очень-весело... такой мужъ своими немытыми руками будетъ обнимать; фуй, гадость качая.

Брюнетка ничего не отвѣчала, нѣсколько минутъ не было слышно ни слова.

— Если меня выдадутъ за него,—начала довольно-тихо брюнетка: — я знаю что дѣлать.

— А что такое, та sœur?

— А вотъ увидишь.

— Скажи, душенька!

— А то, что я буду держать его, какъ лакея...

— Конечно: онъ того и стоитъ.

— Еще какъ стоитъ!

Снова продолжалось нѣсколько минутъ молчаніе.

— Мнѣ тебя, та sœur,—начала блондинка,—очень-жалъ: мы съ тобой ужь не будемъ жить вмѣстѣ.

Брюнетка молчала.

— Все это гадкая Θεоктиста Саввишна, продолжала блондинка.

— Конечно она, уродъ проклятый! подхватила Юлія.

— Дыня гнилая!

— Кіевская вѣдьма!

— Чортъ съ хвостомъ!

Θеоктиста Саввишна не сочла за нужное долѣе подслушивать, и снова вышла въ залу. Ей очень была обидна неблагодарность Юліи Владиміровны, о счастіи которой она старалась. «Впрочемъ, Богъ съ ней!» подумала она, «это происходитъ отъ глупости и молодости: имъ-бы все—за богачей выдавай; гдѣ-же ихъ взять? для меня-бы все равно сватать; сами виноваты; хорошій-то женихъ спросить и приданаго, а приданое въ трубѣ прогорѣло, даромъ что модницы такія! Вотъ посмотримъ, сколько отваляютъ; анъ смотришь: старую перину, новый веникъ да полтину денегъ; ко-

нечно, тряпокъ много, да *вѣдь* на тряпки-то хорошаго человѣка не приобрѣтешь.» Θεоктиста Саввишна много еще думала въ этомъ-же родѣ: въ головѣ ея проходили довольно серьезныя мысли. Такъ, напримѣръ: что, если нѣтъ въ виду хорошаго приданаго, такъ дѣвушекъ не слѣдуетъ по модѣ и воспитывать, а главное дѣло — не нужно учить по-французски; что отъ этого онѣ только важничаютъ, а толку нѣтъ, и тому подобное.

Но еще болѣе серьезныя мысли, какъ и надобно было ожидать, высказывалъ Владиміръ Андреичъ въ своемъ совѣщаніи съ супругою.

— Какъ ты думаешь, Марья Ивановна? началъ онъ.

— Я, ей-богу, еще, Владиміръ Андреичъ, опомниться не могу. Мнѣ кажется это даже дерзостью.

— Пустое! гдѣ-же тутъ дерзость?

Марья Ивановна не отвѣчала.

— Я тебя спрашиваю: гдѣ-же тутъ дерзость?

— Конечно, если ужъ не дерзость, такъ, самъ согласись, страннеть.

— И странности никакой нѣтъ. А это не странность, что у насъ имѣніе-то все съ молотка продадутъ? Это не странность, что я въ 50 лѣтъ долженъ ѣхать въ Петербургъ — надѣвать лямку и тереться въ частной службѣ за какія-нибудь четыре тысячи въ годъ. Это не странность, по вашему, это не странность? Понимаете-ли вы, что изъ этого выйдетъ?

— Я сама знаю, Владиміръ Андреичъ, что наше состояніе очень разстроено.

— Не разстроено, сударыня, а совсѣмъ его нѣтъ. Что теперь у насъ? домашняя рухлядь да экипажи; далеко-то не уѣдешь. Хорошо, что еще хоть частное

мѣсто удастся пріятелямъ выхлопотать, а то хоть по міру ступай; въ пору съ одной-то возиться. Слава Богу, что выпскался добрый человекъ, да беретъ, что называется, изъ одного расположенія. Нѣтъ ужь, сударыня, по милости вашей, у меня шея-то болитъ давно; вамъ все готово, а я, можетъ-быть, цѣлыя ночи верчусь, какъ карась на горячей сковородѣ; у меня только п молитвы было, чтобы взялъ кто-нибудь. Знаешь-ли ты, что чрезъ мѣсяць мы должны ѣхать отсюда? Ну, еслибъ еще здѣсь оставались, можно-бы было погодить, да и то... четыре зимы ихъ вывозили; а что толку-то? Ъздили, ухаживали, обѣдали, а ни одинъ не присватался; припомни, сколько было этихъ франтовъ-то: Портновъ, Караевъ, Мелуса, Коваревскій, Умновъ, Глазопаловъ, Бахтіаровъ, а вѣдь, ни одного не умѣли завлечь хорошенько; сами виноваты, мнѣ дѣлать нечего, въ самого себя ужь не влюбишь.

— Конечно... впрочемъ, все-таки... ты не разсердись, Владиміръ Андреичъ: я говорю это такъ: все-таки ужасно пожертвовать дочерью...

— Да какой чортъ ею жертвуетъ? Не въ Сибирь ссылаютъ; замужъ выдаютъ; она, я думаю, сама этого желаетъ. Жертвуютъ ею! въ этомъ дѣлѣ скорѣй нашъ братъ жертвуетъ. Будь у меня состояніе, я можетъ-быть, въ зятя-то пригнулъ бы и не такого человека.

— Да, вѣдь, это я такъ только сказала...

— И такъ говорить не слѣдуетъ. Надобно-ли намъ о себѣ-то подумать?

— Конечно, надобно.

— Нашъ, вѣдь, вѣкъ еще не опредѣленъ!

— Конечно, еще не опредѣленъ: можетъ-быть, мы еще долго будемъ жить.

— То-то и есть, долго жить. Теперь позови-ка Юлію... и поговорю съ ней, а послѣ и ты ей внуши хорошенько: во-первыхъ, что она бѣдная дѣвушка, что лучше ей жениха быть не можетъ, а въ дѣвкахъ оставаться нехорошо, да и неприлично въ нашъ вѣкъ.

Марья Ивановна вышла. Владиміръ Андреичъ, оставшись одинъ, погрузился въ размышленія. Черезъ нѣсколько минутъ вошла, въ сопровожденіи матери, невѣста, съ заплаканными глазами и блѣдная, какъ полотно.

— Поди, поцѣлуй меня, Юлія,—сказалъ Владиміръ Андреичъ ласковымъ тономъ:—сядь поближе. Юлія поцѣловала отца и сѣла.—Знаешь ли ты, началъ онъ своимъ внушительнымъ тономъ, что всякая порядочная дѣвушка, въ двадцать лѣтъ, должна думать выдти замужъ?

— Знаю, папа.

— Ты порядочная дѣвушка? Юлія молчала.—Тебѣ двадцать лѣтъ? Что-жь изъ этого слѣдуетъ? То, что ты должна думать выдти замужъ.

— Но, папа, я еще не хочу.

— Ты не можешь не хотѣть, на томъ основаніи, какъ я сказалъ, что порядочная дѣвушка въ двадцать лѣтъ хочетъ замужъ; но теперь другой вопросъ: за кого выдти замужъ?

— Миѣ онъ очень гадокъ.

— Хорошо: этотъ гадокъ,—положимъ, такъ. Стадо-быть, ты кого-нибудь имѣешь въ виду. Можетъ быть, въ тебя кто-нибудь влюбленъ, и ужь дѣлалъ

тебѣ предложеніе? Кто-жъ это такой? Бахтіаровъ, что-ли?

— Миѣ никто не дѣлалъ предложенія,—отвѣчала вспыхнувъ Юлія Владиміровна... — Я пойду, папенька, въ монастырь.

— Прекрасно! ступай въ монастырь, только завтра-же. ~~Зачѣмъ-же~~ тебѣ отягощать насъ? Мы, стало-быть, ничего уже не можемъ для тебя сдѣлать. Мы поѣдемъ въ Петербургъ, а ты ступай въ монастырь. Юлія залилась слезами.—Вотъ видишь,—началъ снова Владиміръ Андреичъ:—это только пустыя слова; а въ такомъ важномъ дѣлѣ пустыхъ словъ говорить не слѣдуетъ. Плавать нечего, а надобно слушать, что говорятъ.

— Миѣ хочется, папенька, пожить съ вами.

— Пожить съ нами? Это всего лучше! На все, сударыня, свое время: съ нами ты ужь пожила; теперь тебѣ надобно выдти замужъ... Вѣдь ты съ этимъ сама согласна. Ну, скажи, согласна-ли?

— Согласна.

— Прекрасно! Что-жъ тебя останавливаетъ? Каковъ этотъ человѣкъ?

— Онъ совершенный тюфякъ, папа.

— Вотъ то-то и есть: тебѣ, по молодости, не должно ни въ чемъ полагаться на собственные понятія. А я тебѣ лучше растолкую, что это за человѣкъ. Во-первыхъ, я зналъ его отца и мать; отецъ былъ очень честный человѣкъ, а мать умная и добрая женщина; во-вторыхъ, онъ самъ учился въ университетѣ и имѣеть уже три чина. Что-же изъ того выходитъ? Этотъ женихъ умный человѣкъ, по мѣсту своего воспитанія, потому что это высшее заведеніе,

и долженъ быть добрый человекъ по семейству, въ которомъ онъ родился, а главное — состояніе; пятьдесятъ душъ не заложенныхъ, это значитъ сто душъ, домъ, какъ полная чаша — это я знаю, потому-что у Василя Петровича бывалъ на завтракахъ; экипажъ будетъ у тебя приличный; знакома ты можешь быть со всѣми; будешь дамой, мужъ будетъ служить, а ты будешь веселиться; народятся дѣти, къ этому времени тетка умретъ: вотъ вамъ и на воспитаніе ихъ. Чего-жь недостаетъ въ этомъ женихъ?

— Онъ очень необразованъ, папа.

— Нѣтъ, необразованъ быть онъ не можетъ; развѣ только неловокъ, не шаркунъ; да вѣдь мужъ не танцевальный учитель. Это, вѣдь, въ танцмейстеры да въ паяцы выбираютъ ловкихъ.

Владиміръ Андреичъ замолчалъ. Изъ всѣхъ его разсужденій Юлія поняла, кажется, только то, что папенька непременно рѣшился ее выдать за Бешметева, и что теперь онъ говоритъ ласково, только убѣждаетъ, а потомъ, пожалуй, начнетъ кричать, и чего добраго, посадить въ монастырь.

— Ну, Марья Ивановна, ты теперь съ нею поговори, сказалъ Владиміръ Андреичъ и вышелъ.

Юлія, по уходѣ отца, принялась плакать. Марья Ивановна тоже едва удерживалась.

— Онъ меня, пожалуй, прогонитъ, говорила Юлія, утирая слезы.

— Что мудренаго, другъ мой? Выходи лучше, Джулинька. Что? Богъ милостливъ.

— Да онъ мнѣ гадокъ, тамап.

— Привыкнешь, душа моя, ей-богу, привыкнешь. Этого вѣдь нельзя напередъ сказать; сначала не нра-

вится, а послѣ полюбишь; а иногда и по любви выйдуть, да послѣ даже ненавидятъ другъ-друга. Онъ добрый человѣкъ: по-крайней-мѣрѣ, онъ будетъ тебѣ повиноваться, а не ты ему.

— Да, ужь если я выйду, — сказала разгнѣваннымъ голосомъ Юлія: — такъ я ему дамъ знать себя; я ему докажу, что значитъ жениться насильно. У него пятьдесятъ душъ, тамап?

— Пятьдесятъ душъ, мой ангелъ.

— Сколько-же это доходу?

— Я думаю, тысячъ до трехъ; да еще я думаю, деньги у нихъ должны быть.

— Всѣ деньги себѣ буду брать; ему никогда копейки не дамъ; буду ѣздить по знакомымъ, по баламъ; дома рѣшительно не стану сидѣть.

— Да это какъ ты хочешь... — говорила мать. — Ну, что пользы-то, посуди ты сама: вотъ я вышла за Владиміра Андреича: ну, молодецъ, уменъ и богатъ. — Конечно, жила въ обществѣ, зато домашняго-то удовольствія никакого не имѣла. Рѣшишь, мой другъ; въ наше время въ дѣвушкахъ оставаться даже неприлично.

И на это замѣчаніе Юлія ничего не отвѣчала и, казалось, была въ раздумьѣ.

— Позвольте мнѣ, тамап, поговорить съ сестрой, — сказала она послѣ минутнаго размышленія. Марья Ивановна вышла въ угольную комнату: тамъ сидѣли Владиміръ Андреичъ и Надя.

— Ну что? спросилъ онъ, увидя жену.

— Она почти согласна, — отвѣчала Марья Ивановна; — хочетъ только съ сестрой поговорить.

Надя встала и хотѣла было идти.

— Постой,— сказала Владиміръ Андрейчъ:—ты смотри, не разбивай сестру; я, вѣдь, послѣ узнаю. Ты скажи, что ты-бы на ея мѣстѣ тотчасъ пошла.

— Да вѣдь онъ очень смѣшонъ, папа, возразила блондинка.

— Я тебѣ за это уши выдеру, болтунья этакая, прикрикнулъ Владиміръ Андрейчъ.

У блондинки на глазахъ навернулись слезы.

— Ты должна ей говорить, что ей необходимо выдти замужъ, потому что этого хотятъ родители, а родителей должно уважать, что папенька, то-есть я, разсердится и отдастъ въ монастырь... Ступай! Блондинка вошла къ сестрѣ, которая сидѣла въ задумчивости.

— Меня за тебя, ма соеиг, прибранилъ папа, сказала она, садясь, надувши губы, на диванъ.

— За что?

— Что ты замужъ не выходишь. Выходи, пожалуйста, скорѣе... я-то чѣмъ виновата?—Онъ и тебя хочетъ посадить въ монастырь.

— Я лишу его этого удовольствія, потому что выйду замужъ.

— Я сама бы вышла за кого-нибудь замужъ; все бранятся безпрестанно: сегодня третій разъ.

— Знаешь, ма соеиг, кого мнѣ хочется взбѣсить, сли я выйду замужъ?

— Кого?... Б...

— Ну да. Ты не знаешь еще, какой онъ ужасный человекъ. Мнѣ, именно, хочется выйти замужъ, чтобъ доказать ему...

— Онъ славно ѣздитъ верхомъ, перебила блондинка.

— Конечно, хорошо. А все-таки ужасный чело-

вѣкъ: ты не знаешь еще всего... Помнишь, какъ онъ лѣтомъ за мной ухаживалъ? Ну, я думала, что онъ въ самомъ дѣлѣ ко мнѣ неравнодушенъ.

— Ты въ него, та соеиг, была вѣдь очень влюблена,—перебила блондинка: — дѣлыя ночи все говорила о немъ.

— Ну, да, конечно. Но вообрази себѣ, что онъ сдѣлалъ со мной на обѣдѣ у Жарковыхъ: я стою у окна, онъ подходитъ ко мнѣ: «что вы дѣлаете, говорить, на что вы смотрите? не завѣтные-ли вензеля пишете?» а я и говорю: «да, завѣтный вензель.» Онъ говорить: «напишите при мнѣ.» Я думаю, что-жъ такое? Взяла да и написала его вензель. Онъ посмотрѣлъ на окошко, сдѣлалъ, знаешь, эту его насмѣшливую гримасу, и отошелъ. Самолюбіе у меня вспыхнуло; и съ этихъ-же поръ я перестала его замѣчать. Послѣ онъ очень опять ухаживалъ: «нѣтъ, извините», теперь, пусть пойметъ, что это значитъ. Я сдѣлаюсь дамой и рѣшительно не буду обращать на него вниманія. Онъ, говорятъ, дамъ гораздо больше любитъ.

Сестры нѣсколько минутъ молчали.

— Гдѣ папенька? спросила наконецъ брюнетка.

— Въ угольной: сидитъ съ мама.

— Поди, скажи, что я согласна... — произнесла Юдія Владиміровна рѣшительнымъ тономъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, та соеиг? спросила та.

— Въ самомъ дѣлѣ.

— Я пойду скажу.

— Поди.

— Ты не шутишь?

— Нѣтъ.

Наденька постояла еще нѣсколько минутъ, ожи-

дая, что не откажется-ли сестра отъ своего намѣренія. Но Юлія Владиміровна молчала, и Надя вошла въ угольную комнату.

— Сестра согласна, папа, сказала она, войдя къ Владиміру Андреичу.

— И прекрасно!—сказаль тотъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ:—что-жь она сама нейдетъ?

— Она тамъ, папа.

Владиміръ Андреичъ вошелъ въ кабинетъ.

— Ну что, Джули?

— Я согласна.

— Поцѣлуй меня, душа моя... нѣтъ, поцѣлуй три раза... въ этихъ торжественныхъ случаяхъ цѣлуются по три раза. Ты теперешнимъ своимъ поступкомъ очень хорошо зарекомендовала себя: во-первыхъ, ты показала, что ты дѣвушка умная, потому что понимаешь, что тебѣ говорятъ, а во-вторыхъ — своимъ повиновеніемъ обнаружила доброе и родителямъ покорное сердце; а изъ этихъ данныхъ напередъ можно пророчить, что изъ тебя выйдетъ хорошая жена и что ты будешь счастлива въ своей семейной жизни.

Юлія хотѣла поцѣловать руку отца, но Владиміръ Андреичъ не позволилъ этого сдѣлать и самъ поцѣловаль ее въ лобъ.

— Ты посиди здѣсь, а я переговорю съ Θεоктистой Саввишной.

Сказавъ это, Владиміръ Андреичъ вышелъ въ угольную и снова усѣлся на диванъ. Черезъ четверть часа предстала передъ нимъ и Θεоктиста Саввишна.

— Ну что, любезнѣйшая моя Θεоктиста Саввишна?—началь Владиміръ Андреичъ.—Такъ какъ вы,

я думаю, и сами знаете, что дочери моей, съ одной стороны, торопиться заму́жъ еще нечего: жениховъ у ней было и будетъ; но, принимая во вниманіе съ другой стороны, что и хорошаго человѣка обѣгать не слѣдуетъ, а потому я прошу, не угодно-ли будетъ господину Бешметеву завтрашній день самому пожаловать къ намъ для личныхъ объясненій: и я бы ему кое-что сообщилъ, и онъ-бы мнѣ объяснилъ о себѣ.

— Да вѣрно-ли это, батюшка Владиміръ Андреичъ? Вѣрно-ли это по-крайней-мѣрѣ?

— Почти вѣрно.

— Онъ, признаться сказать, мало надѣется и говорилъ мнѣ: «я-бы, говорить, Θεоктиста Саввишна, и самъ сдѣлалъ предложеніе, да сами посудите, я, вѣдь, рѣшительно не знаю, какъ обо мнѣ разумѣютъ.»

— Невѣста и все наше семейство разумѣютъ о немъ очень хорошо. Вы его ободрите.

— Можно-ли, Владиміръ Андреичъ, надежду-то ему подать?

— Даже больше чѣмъ надежду. Мы хорошаго человѣка никогда не обѣгали.

Θеоктиста Саввишна была почти въ восторгѣ. Она очень хорошо поняла, что Владиміръ Андреичъ дѣлаетъ эту маленькую проволочку такъ только, для тону, по своему самолюбивому характеру, и потому, не входя въ дальнѣйшія объясненія, отправилась домой. Ёхавши, Θεоктиста Саввишна вспомнила, что она еще ничего не слыхала отъ самого Бешметева и что говорила только его сестра, и та не упоминала ни слова о формальномъ предложеніи. «Что, если онъ

откажется, даже потому только, подумала она, что у нихъ къ свадьбѣ ничего не готово?» Эта мысль сильно безпокоила немного-далеко взявшую сваху. Она тотчасъ было хотѣла ѣхать къ Лизаветѣ Васильевнѣ, но было уже довольно поздно, и потому она только написала къ ней письмо, содержаніе котораго читатель увидитъ въ слѣдующей главѣ.

IX.

Помолвка съ предыдущими и послѣдующими ей сценами.

Павель ничего не зналъ о переговорахъ сестры съ Θεоктистой Саввишной, и въ то самое время, какъ Владиміръ Андреечъ рѣшалъ его участь, онъ думалъ совершенно о другомъ и былъ подъ вліяніемъ совершенно иныхъ впечатлѣній. Долго не могъ онъ послѣ посѣщенія тетки опомниться. Ему очень было жаль сестры. «Бѣдная Лиза», думалъ онъ, «теперь отнимаютъ у тебя и доброе имя, безславятъ тебя, взводя нелѣпыя клеветы. Что мнѣ дѣлать?» спрашивалъ онъ самъ себя: «не лучше-ли передать ей объ обидныхъ сплетняхъ? по-крайней-мѣрѣ она остережется; но какимъ образомъ сказать? Этотъ предметъ такъ щекотливъ! Она никогда не говоритъ со мною о Бахтіаровѣ. Я передамъ ей только разговоръ съ теткою», рѣшилъ Павель и пріѣхалъ къ сестрѣ. Но ему, какъ мы видѣли, не удалось этого сдѣлать. Съ разстроеннымъ духомъ возвратился онъ домой и цѣлую почти ночь не спалъ. «Что если она его любитъ, если эти сплетни имѣютъ нѣкоторое ос-

нованіе?» думалъ Павелъ и, самъ не желая того, начиналъ припоминать небольшія странности, которыя замѣчалъ въ обращеніи сестры съ Бахтіаровымъ. Такъ, напримѣръ, Лизавета Васильевна, не любившая очень картъ, часто и даже очень часто садилась около мужа въ то время, какъ тотъ игралъ съ своимъ пріятелемъ, и въ продолженіе цѣлаго вечера не сходила съ мѣста; или... это было, впрочемъ, одинъ только разъ... она, по обыкновенію, какъ бы совершенно не замѣчавшая Бахтіарова, вдругъ осталась съ нимъ вдвоемъ въ гостиной и просидѣла болѣе часа. Павелъ въ это время, подъ диктовку Масурова, переписывалъ какую-то бумагу въ сосѣдней комнатѣ, и когда онъ вошелъ, то замѣтилъ на лицахъ обопхъ собесѣдниковъ сильное волненіе. Видно было, что они о чемъ-то говорили, но, при его появленіи, замолчали, и потомъ Бахтіаровъ, чѣмъ-то разстроенный, тотчасъ-же уѣхалъ, а Лизавета Васильевна, ссылаясь на обыкновенную свою болѣзнь — головную боль, — улеглась въ постель.

Размышленія Павла были прерваны пріѣздомъ Лизаветы Васильевны, которая прошла прямо къ нему въ комнату. Увидя сестру, онъ нѣсколько смѣшался. Ему предстояло рассказать ей все, что говорила тетка; но герою моему, какъ уже, можетъ-быть, успѣлъ замѣтить читатель, всегда было трудно говорить о томъ, что лежало у него на сердцѣ. Лизавета Васильевна вошла съ веселымъ лицомъ и, почти ни слова не говоря, подала Павлу какое-то письмо. Бешметевъ, ничего не подозрѣвая, началъ читать и, прочитавъ, весь растерялся: лицо его приняло такое странное и даже смѣшное выраженіе, что

Лизавета Васильевна не могла удержаться и расхохоталась.

— Что съ тобой, Поль? проговорила она.

Павелъ молчалъ.

Письмо это было отъ Феокисты Саввишны, довольно оригинальной орфографіи и слѣдующаго содержания:

«Почтениюющая Илизавета Василѣвна, ни магу выразить скакимъ нѣтерпениемъ спешу вазъ уведомить што я пожеланію вашему, вчерась была у В. А. здѣлала прѣдложеніе на счетъ вашего браца, къ Юли Владимировны, онѣ поблагородству собственной души незахотятъ мне зделать неприятности и нѣпрѣставятъ миня лгуньею придѣ такимъ прекраснымъ семействомъ, сегодняшняго числа въ двенадцать часовъ поедутъ книмъ знакомитца, тамъ они всѣ узнаютъ, принося мое почтеніе и цолуя вашихъ милыхъ детачекъ остаюсь покорная куслугамъ

Феокиста Панамарѣва.»

— Я тебѣ все скажу,—начала Лизавета Васильевна: — вчера мнѣ пришло въ голову попросить Феокисту Саввишну узнать, какъ о тебѣ думаютъ у Кураевыхъ, а она не только что узнала, но даже сдѣлала предложеніе, и они, какъ видишь, согласны.

Павелъ все еще не могъ придти въ себя.

— Извольте одѣваться и ѣхать! васъ ждетъ,—продолжала Масурова.

— Но это, должно-быть, какая-нибудь болтовня, возразилъ наконецъ Бешметевъ.

— Нечего тутъ разсуждать, а извольте одѣваться и ѣхать. Константинъ! дай барину одѣться. — И Лизавета Васильевна, вмѣстѣ съ лакеемъ, начала на-

ряжать брата. Герой мой какъ-будто былъ не совсемъ въ своемъ умѣ, по-крайней-мѣрѣ, рѣшительно не имѣлъ яснаго сознанія и, только одѣвшись, немного опомнился: усѣлся на диванъ и объявилъ, что не поѣдетъ, потому-что Θεоктиста Саввишна врунья, и что, можетъ-быть, все это вздоръ. Лизавета Васильевна начала терять надежду, но отъ свахи получено было новое, исполненное отчаянія, письмо, въ которомъ она заклинала Павла ѣхать скорѣе и умоляла не губить ея. Этотъ новый толчекъ и убѣжденія Лизаветы Васильевны подѣйствовалъ на Павла, какъ одурающее средство: утративъ опять ясное сознаніе, онъ сѣлъ на дрожки и, не замѣчая самъ того, очутился въ передней Кураевыхъ, а потомъ объявилъ свое имя лакею, который и не замедлил просить его въ гостиную.

Простоявъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, и видя, что уже нѣтъ никакой возможности вернуться назадъ, Павелъ быстро пошелъ по залѣ, рѣшившись во что бы то ни стало, не конфузиться и, дѣйствительно, войдя въ гостиную, онъ довольно свободно подошелъ къ Кураеву и произнесъ обычное: — «честь имѣю представиться».

— Очень пріятно, весьма пріятно,—перебилъ Владиміръ Андреичъ, взявъ гостя за обѣ руки: — милости прошу садиться... сюда, на диванъ.

Павелъ сѣлъ. Владиміръ Андреичъ внимательнымъ взоромъ осмотрѣлъ гостя съ головы до ногъ. Бешметеву начало становиться неловко. Онъ чувствовалъ, что ему надобно было что-нибудь заговорить, но ни одна приличная фраза не приходила ему въ голову.

— Я зналъ вашего батюшку и матушку, — началъ Опять Владиміръ Андреичъ. — Мнѣ очень-пріятно васъ видѣть у себя въ домѣ. Вы, какъ слышно, не любитель общества: сидите больше дома, занимаетесь.

— Да, я больше бываю дома, проговорилъ, наконецъ, Павелъ.

— Это очень похвально... Разсѣянные молодые люди какъ-то бываютъ неспособны къ семейной жизни, теряются... заматываются... Конечно... кто говоритъ?.. Съ одной стороны, не должно бѣгать и людей... — Владиміръ Андреичъ остановился съ тѣмъ, чтобы дать возможность заговорить своему собесѣднику; но Павелъ молчалъ.

«Ужъ черезчуръ неговорливъ: видно, самому придется начать», подумалъ Владиміръ Андреичъ и началъ.

— Вчерашній день, Θεоктиста Саввишна... здѣсь опять онъ замолчалъ и остановился въ ожиданіи, не перебьетъ ли его рѣчь Бешметевъ; но тотъ сидѣлъ потупившись и при послѣднихъ словахъ весь вспыхнулъ.

— Черезъ Θεоктисту Саввишну, — продолжалъ Владиміръ Андреичъ, — угодно было вамъ сдѣлать намъ честь... искать руки нашей старшей дочери.

— Я былъ-бы очень-счастливъ... — проговорилъ, наконецъ, Павелъ.

— Очень вѣрю и благодарю васъ за это, возразилъ Владиміръ Андреичъ: — но позвольте мнѣ съ вами говорить откровенно: участь ваша совершенно зависитъ отъ выбора дочери, которой волю мы не смѣемъ стѣснять. Очень естественно и въ чемъ я даже почти увѣренъ, что она, руководствуясь своимъ сердцемъ,

согласна. Но мы, старики-родители, на эти вещи смотримъ иначе: во-первыхъ, намъ кажется, что дочь наша еще молода, намъ какъ-то страшно отпустить ее въ чужія руки, и очень-натурально, что насъ беспокоитъ: какъ она будетъ жить? Любовь — сама по себѣ, а средства жизненные — сами по себѣ, и поэтому, изъявляя наше согласіе, намъ, по-крайней-мѣрѣ для собственнаго спокойствія, хотѣлось-бы знать, что она, будучи награждена отъ насъ по нашимъ силамъ, идетъ тоже не на бѣдность, и потому позвольте узнать ваше состояніе?

— У меня пятьдесятъ душъ.

— Чистыя?

— Чистыя-съ.

— И деньги есть?

— Есть небольшія.

— Примѣрно, — сколько?

— Тысячъ пять.

— Стало-быть, послѣ старика-батюшки ничего еще не продано, не заложено и не истрачено?

— Нѣтъ, ничего-съ.

— Благодарю васъ за откровенность; я, признаться сказать... вы извините меня: теперь, конечно, прошлое дѣло, — я, признаться, какъ-то не рѣшался... мало даже совѣтовалъ... но, замѣтя ея собственное желаніе... счелъ себя не вправѣ противорѣчить; голосъ ея сердца, въ этомъ случаѣ, старше всѣхъ... у нея были прежде, даже и теперь много есть жениховъ — очень настоятельныхъ искателей; но что-жъ дѣлать? не нравятся... Такъ Богу угодно... Родствомъ своимъ я могу похвастать: вотъ вы, когда войдете въ наше семейство, увидите сами и, надѣюсь,

что вы любовью своею и уваженіемъ вознаградите насъ за нашу въ этомъ случаѣ жертву... Сейчасъ я приглашу жену... Марья Ивановна!

Марья Ивановна вошла и, жеманно поклонившись Павлу, сѣла на ближайшее кресло.

— Павелъ Васильичъ,—началъ Кураевъ:—дѣлаетъ честь нашему семейству и проситъ руки Юліи. Я говорилъ имъ, что это зависитъ отъ нея самой.

— Конечно, это зависитъ совершенно отъ ея желанія, отвѣчала Марья Ивановна.

— Нынче на бракъ,—подхватилъ Владиміръ Андреичъ:—не такъ уже смотрятъ, какъ прежде: тогда, бывало, невѣсть и связанныхъ вѣнчали. Мы этого себѣ ужь не позволимъ сдѣлать.

— Какъ можно? Мы этого никогда не позволимъ себѣ сдѣлать, подтвердила Марья Ивановна.

— Позовите-же Юлію.

Марья Ивановна вышла и скоро возвратилась съ Юліею.

— Подойди сюда поближе, Джули,—началъ Владиміръ Андреичъ.—Павелъ Васильевичъ дѣлаетъ тебѣ честь и проситъ твоей руки, на что ты вчерашній день нѣкоторымъ образомъ и изъяснила уже твое согласіе. Повтори теперь твои слова.

Юлія съ блѣднымъ лицомъ, съ висящими на рѣсницахъ слезами, тихо проговорила:

— Я согласна.

Павелъ, кажется, ничего не слышалъ, ничего не понималъ; онъ стоялъ потупившись, какъ-бы не смѣя ни на кого взглянуть, и только опомнился, когда Владиміръ Андреичъ сказалъ ему, подавая руку дочери:

— Примите, Павелъ Васильичъ, и, какъ водится, поцѣлуйте.

Бешметевъ схватилъ руку и поцѣловалъ. Онъ чувствовалъ, какъ рука невѣсты дрожала въ его рукѣ и, взглянувъ, наконецъ на нея, увидѣлъ на глазахъ ея слезы. Какъ хороша показалась она ему съ своимъ печальнымъ лицомъ! какъ жаль ему было видѣть ея слезы! Онъ готовъ былъ броситься передъ ней на колѣни, молить ее не плавать, потому-что намѣренъ посвятить всю свою жизнь для ея счастья и спокойствія; но онъ ничего этого не сказалъ и только тяжело вздохнулъ.

— Какъ вы думаете насчетъ сговора, Павелъ Васильичъ? спросилъ Владиміръ Андреичъ.

— Я не знаю.

— Не угодно-ли вамъ сегодня?

— Очень радъ.

— И прекрасно! Священникъ готовъ.

Всѣ вошли въ залу.

Священникъ былъ, дѣйствительно, готовъ и сидѣлъ около образовъ. При появленіи Кураевыхъ, онъ указалъ молча жениху и невѣстѣ ихъ мѣста. Павелъ и Юлія стали рядомъ, но довольно далеко другъ отъ друга; Владиміръ Андреичъ, Марья Ивановна и Наденька молились. Нѣсколько горничныхъ дѣвокъ выглядывало изъ корридора, чтобы посмотреть на церемонію и на жениха; насчетъ послѣдняго сдѣлано было ими нѣсколько замѣчаній. — Ой! какой нехорошій! говорила бѣлобрысая дѣвка. — Не хорошъ и есть, дѣвонька, подхватила женщина съ сердитымъ лицомъ. — Лицо-то какое широкое! замѣтила дѣвчонка

лѣтъ тринадцати. — Пойдите, чертовки, дайте-ка поглядѣть, говорила, продираясь сквозь толпу, прачка:— ахъ, какой славный! красавецъ!— Горничныя потихоньку засмѣялись надъ простодушіемъ прачки. Лакеи тоже выдвинулись изъ лакейской, но они стояли молча: только одинъ изъ нихъ, лѣтъ шестидесяти старикъ, въ длинномъ замасленномъ сюртукѣ и въ бѣлыхъ воротничкахъ, клалъ безпрестанно земные поклоны и потихоньку подтягивалъ дьячку. Церемонія кончилась.

— Шампанскаго! закричалъ Владиміръ Андреичъ.

Но шампанскаго что-то долго не подавалось. Въ буфетѣ вышелъ споръ. Старикъ въ бѣлыхъ воротничкахъ никому не хотѣлъ уступить честь разносить.

— Полно, старый хрѣнь: разобьешь, вѣдь оно двѣнадцать рублей, говорилъ молодой лакей, отнимая у старика поднось.

— Ахъ, ты молокососъ! давно ли былъ ты свинопасомъ-то? туда-же учить... Анна Семеновна, разлей, матушка, напитокъ-то,—говорилъ старый лакей, не давая подноса и обращаясь къ ключницѣ.

— Не тронь, Сеня, его,—говорила та и разлила вино.

Спиридонъ Спиридонычъ (такъ звали старика) съ довольнымъ лицомъ вынесъ шампанское въ залу. Онъ шелъ очень модно, какъ слѣдуетъ старинному лакею.

— Развѣ тамъ другихъ нѣтъ? спросилъ Кураевъ, недовольный тѣмъ, что передъ женихомъ явился лакей въ замасленномъ сюртукѣ.

— Извините, батюшка Владиміръ Андреичъ,

отвѣчалъ старикъ: — по собственному моему расположенію, я отнялъ у Семена: молоденецъ еще.

— Это слуга моего отца, — сказалъ Кураевъ, обращаясь къ Павлу: — и по сию пору большой охотникъ до всѣхъ церемоній. Батюшка жилъ барономъ.

— Блаженной памяти Андрей Михайлычъ, — отвѣчалъ старикъ: — изволили меня любить и имѣли всегда большія празднества: насъ по трое за каретой ѣздило.

— Довольно. Подавай! — проговорилъ Владиміръ Андреичъ.

Начались поздравленія. Первый поздравилъ жениха и невѣсту самъ хозяинъ, потомъ Марья Ивановна, потомъ Наденька и, наконецъ, священникъ.

— Осмѣлюсь, батюшка Владиміръ Андреичъ, — заговорилъ опять Спиридонъ: — и я проздравить отъ моей персоны.

Всѣ захохотали; даже Павелъ улыбнулся.

— Ну, поздравь, — сказалъ Владиміръ Андреичъ: — да знаешь, повысокопарнѣе, своимъ слогомъ...

— По недоразумѣнію моему готовъ: честь имѣю васъ проздравить, батюшка Владиміръ Андреичъ, и честь имѣю васъ проздравить, благодѣтельница наша Марья Ивановна. Проздравленіе мое приношу вамъ, Надежда Владиміровна, — говорилъ онъ, подходя къ рукъ барина, барыни и барышни; а вамъ и выразить не могу, — отнеся онъ къ невѣстѣ. — А вамъ осмѣливаюсь только кланяться и возносить за васъ молитвы къ Богу, — заключилъ онъ, обращаясь къ жениху, и раскланялся передъ нимъ, шаркнувши обѣими ногами.

— Позови же и другихъ, сказалъ Владиміръ

Андреичъ, желая передъ зятемъ похвастать количествомъ дворни.

— Не молоденьки-ли еще, батюшка Владиміръ Андреичъ? — замѣтилъ Спиридонъ, видно не желавшій, чтобы прочая прислуга удостоилась чести поздравленія.

— Нѣтъ, позови, — повторилъ Кураевъ. — Премудрительный старикъ! — продолжалъ онъ, когда Спиридонъ вышелъ: — впрочемъ довольно еще здоровый; больше дѣлаетъ у меня молодыхъ-то.

— Какое, папа, больше дѣлаетъ, ничего не можетъ дѣлать, перебила блондинка.

Владиміръ Андреичъ значительно посмотрѣлъ на дочь.

— Онъ преусердный, престарательный, замѣтила Марья Ивановна, вторя мужу.

Между тѣмъ Спиридонъ Спиридонычъ прошелъ въ дѣвичью.

— Ступайте вы, егозы: поздравьте господъ-то!

— Да что, приказано, что-ли? спросила баба съ сердитымъ лицомъ.

— Приказано не приказано, а порядокъ такой. Эхъ вы, необразованныя! смотрите, хорошенько поцѣлуйте у всѣхъ руки.

— Спиридонъ Спиридонычъ, поучи-ка поздравить-то, — сказала съ насмѣшкою молоденькая горничная. очень хорошенькая собою, такъ-что въ нея былъ, говорятъ, влюбленъ какой-то поручикъ.

— Ну, какъ поздравлять! отвѣчалъ Спиридонъ Спиридонычъ, очень довольный тѣмъ, что у него просить совѣтовъ: — извѣстно, какъ: имѣю-де счастье обличить вамъ свое поздравленіе.

Научивши такимъ образомъ, старый лакей пошелъ

въ лакейскую и тамъ велѣлъ идти къ поздравленію.

Въ залу начала входить цѣлая гурьба горничныхъ, съ различными лицами и тальями. Всѣ начали подходить сначала къ рукѣ жениха и невѣсты, а потомъ къ Владиміру Андреичу, Марьѣ Ивановнѣ и Наденькѣ. Молодые свои поздравленія бормотали сквозь зубы и улыбались; но старые говорили ясно и съ серьезными лицами. Спиридонъ Спиридонычъ, и въ этотъ разъ, не утерпѣлъ, чтобъ не поздравить еще: онъ подошелъ къ жениху, говоря: «честь имѣю еще разъ кланяться!» поцѣловалъ руку и шепнулъ ему на ухо: — «я, батюшка, иду въ приданое за Юліей Владиміровной,» Павелъ хотѣлъ было дать ему деньги, а вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилъ, что и всѣмъ слѣдовало-бы дать; но денегъ съ нимъ не было: это еще болѣе его сконфузило.

Наконецъ поздравленія кончились, и скоро сѣли за столъ. Жениха и невѣсту помѣстили, какъ слѣдуетъ, рядомъ; но они, въ продолженіе цѣлаго обѣда, не сказали другъ другу ни слова. Юлія сидѣла съ печальнымъ лицомъ и закутавшись въ шаль. Что-же касается до Павла, то выраженіе лица его, если не было смѣшно, то, ей-богу, было очень странно. Онъ несвязно и отрывисто отвѣчалъ Владиміру Андреичу, безпрестанно вызывавшему его на разговоръ, взглядывалъ иногда на невѣсту, въ намѣреніи заговорить съ ней, но, видно, ни одна приличная фраза не приходила ему въ голову. Блондинка, нехотя, рассказывала матери, что поутру ихъ поваренокъ очень больно треснулъ чью-то чужую собаку, зашедшую въ кухню ради ремонта, такъ что та, бѣд-

ная, съ полчаса бѣгала, поджавши хвостъ, кругомъ по двору, визжала и лизала, для уврачеванія, расшибенный свой бокъ. Вообще всѣмъ какъ-то было неловко.

Послѣ обѣда Павелъ хотѣлъ ѣхать домой, но Владиміръ Андреичъ не отпустилъ. Къ вечеру невѣста сдѣлалась внимательнѣе къ Павлу: она получила отъ папеньки выговоръ за то, что была неласкова съ женихомъ, и обязана была впередъ, особенно при постороннихъ людяхъ, какъ можно больше обнаруживать чувства любви и не слишкомъ хмуриться. Часу въ восьмомъ съѣхались друзья Владиміра Андреича: откупщикъ, предсѣдатель уголовной палаты, статскій совѣтникъ Коротаевъ, однимъ словомъ — тузы губернскіе. Пошли новыя поздравленія. Павелъ очень конфузился, невѣста дѣлала надъ собою видимое усиліе, чтобы казаться веселою. Скоро гости усѣлись за карты. Юлія подошла, сѣла около жениха и начала съ нимъ разговоръ.

— Вы не любите играть въ карты?

— Нѣтъ-съ, не люблю.

— А я такъ очень люблю... я умѣю даже въ штось... Меня выучилъ одинъ мой cousin: онъ теперь, говорятъ, совсѣмъ проигрался.

Павелъ ничего не отвѣчалъ; разговоръ прервался.

— А вы гдѣ до сихъ поръ жили? заговорила опять Юлія.

— Я жилъ въ Москвѣ.

— Что-жь вы тамъ дѣлали?

— Я учился въ университетѣ.

— Учились? Который-же вамъ годъ?

— Двадцать второй.

— Зачѣмъ-же вы такъ долго учились?

— У насъ великъ курсъ: я былъ четыре года въ гимназіи да четыре въ университетѣ.

— Сколько-же вы времени учились?

— Восемь лѣтъ.

— Какъ долго! Вамъ, я думаю, очень наскучило. Я всего два года была въ пансіонѣ, и то каждый день плакала.

— Я не скучалъ.

Разговоръ опять прервался.

— Я здѣсь не думалъ остаться, началъ Павелъ послѣ продолжительнаго молчанія.

— Зачѣмъ же остались?

Читатель, конечно, согласится, что на этотъ вопросъ Павлу слѣдовало бы отвѣчать такимъ образомъ: я остался, потому что встрѣтилъ васъ, что вы явились передо мною какимъ-то видѣніемъ, которое сказало мнѣ: останься, и я... и проч., какъ сказалъ бы, конечно, всякій молодой человѣкъ, понимающій обращеніе съ дамами. Но Павелъ, если и чувствовалъ, что надобно было сказать нѣчто въ родѣ этого, проговорилъ только:

— Я остался по обстоятельствамъ.

— Напрасно. Въ Москвѣ, я думаю, веселѣй здѣшняго жить.

И здѣсь опять слѣдовало Павлу объяснить, что ему теперь въ этомъ городѣ веселѣе, чѣмъ во всей вселенной; но онъ даже ничего не сказалъ, и только въ слѣдующее за тѣмъ довольно продолжительное молчаніе робко взглядывалъ на Юлію. Она вздохнула.

— Вы такъ печальны! едва слышнымъ голосомъ проговорилъ Бешметевъ.

— На моемъ мѣстѣ каждая была бы грустна.

— Отчего-же?

Невѣста отвѣчала только горькою улыбкою.

Вечеръ кончился. При прощаніи, Юлія сказала жениху довольно громко, такъ что всѣ слышали:

— Жду васъ завтра.

Павель вышелъ отъ Кураевыхъ въ какомъ-то тревожномъ и полусознательномъ состояніи. Приѣхавъ домой, онъ съ несоотвѣтственной ему быстротою вбѣжалъ, не снимая шинели, къ матери и бросился обнимать старуху: — «Матушка! я женюсь», повторялъ онъ нѣсколько разъ. Но больная не отвѣчала ничего на ласки сына и, кажется, ничего не понимала, хотя онъ и старался, впродолженіе получаса, втолковать ей, что онъ нашелъ невѣсту, сговорился и теперь счастливъ. Старуха ничего не отвѣчала и только крестила его, глядя на него какимъ-то грустнымъ взоромъ. Онъ вышелъ отъ матери и легъ на постель. Но, видно, ему не спалось и, кажется, очень хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими ощущеніями, потому-что онъ велѣлъ было закладывать себѣ лошадь, но, не дождавшись ея, пошелъ пѣшкомъ къ сестрѣ; пройдя нѣсколько переулковъ, онъ задохнулся и принужденъ былъ остановиться. «Не спитъ-ли сестра? теперь ужь поздно, подумалъ онъ: конечно спитъ. Досадно... ей-богу, досадно!... Какъ-бы мнѣ хотѣлось ее видѣть! Не обязаны-же всѣ не спать ночи, потому-что намъ не спится. Она, я думаю, никакъ не ожидаетъ, что со мной случилось. Впрочемъ, я лучше завтра къ ней пойду!» Проговоря это, Павель пошелъ обратно домой. Возвратившись къ себѣ

въ комнату и снова улегшись на постель, онъ не утерпѣлъ и сказалъ раздѣвавшему его лакею.

— Константинъ, ты слышалъ? Я женюсь.

— Слышалъ-съ. Хороша-ли невѣста-то, Павелъ Васильчъ?

— Хороша.

— И крестьяне есть?

— Есть. Я и тебѣ невѣсту приведу, и ты женишься.

— Коли ваша милость, Павелъ Васильчъ, будетъ, я не прочь.

Х.

Опять всякая всячина.

На другой день Павелъ проснулся часу въ двѣнадцатомъ, потому что съ вечера раздумался и заснулъ только на-утрѣ. Различныя мысли, безъ всякаго порядка, приходили ему въ голову въ продолженіе цѣлой ночи; то представлялся ему добрый Владиміръ Андреичъ, такъ обласкавшій его (Владиміръ Андреичъ показался Павлу очень добрымъ), то невѣста — дѣвушка, отъ которой онъ еще поутру былъ такъ далекъ, которой почти не надѣялся никогда видѣть, но вдругъ — не только видѣлъ ее, но сидѣлъ съ нею, говорилъ: она невѣста его, она, говорятъ, влюблена въ него, и недѣли черезъ двѣ, какъ объявилъ уже Владиміръ Андреичъ, она сдѣлается его женою. Не похоже ли все это на сонъ?

Онъ съ восторгомъ помышлялъ, что завтрашній день опять увидитъ брюнетку, будетъ видѣть каждый

день, можетъ быть найдеть случай сказать ей, какъ онъ ее давно любитъ, можетъ быть она сама ему признается въ томъ. Какъ-то она объ этомъ скажетъ? Я думаю, вся вспыхнетъ, и какъ будетъ она хороша въ эту минуту! Но, нѣтъ, я рѣшительно не въ состоянїи прослѣдить все то, что Павелъ перемечталъ о своей невѣстѣ, о ея возвышенныхъ чувствахъ, о взаимной любви, однимъ словомъ о всѣхъ тѣхъ наслажденїяхъ, которыя представляетъ человѣку любовь, и которыхъ, впрочемъ, мой герой еще хорошо не зналъ, но смутно предполагалъ. Самая прекрасная будущность представлялась ему: вотъ онъ теперь женится, выпишетъ изъ Москвы книги, будетъ заниматься; выдержитъ экзамень, сдѣлается профессоромъ; весь погрузится въ науку. Боже мой! что можетъ быть лучше этого?—счастїе въ домашней жизни, слава въ публикѣ.

Проснувшись, Павлу очень не хотѣлось вставать: ночныя мечтанїя снова начали овладѣвать его воображенїемъ. Онъ лежалъ, повернувшись къ стѣнѣ, какъ вдругъ почувствовалъ, что съ него сдернули одѣяло. Бешметевъ обернулся: передъ нимъ стоялъ Масуровъ.

— Здравїяжелаемъ, господинъ женихъ!—вскричалъ гость:—развѣ такъ долго спать? Какую вы, батенька, выкинули штуку! славно, право славно... я сегодня только узналъ. Вставайте да давайте шампанское пить!

Павель, нѣсколько сконфузившись, торопился надѣвать халатъ и спальные сапоги.

— Фу, ты банальство, какая пышная фигура! говорилъ Масуровъ.

— Что сестра?

— Чего сестра? Еще вчера ночью уѣхала въ деревню. Такая досада, что ужасъ: ну сами посудите, зачѣмъ теперь въ деревню ѣхать?

— Зачѣмъ же она уѣхала? спросилъ Павелъ, удивленный и озабоченный этимъ извѣстіемъ.

— Богъ ее знаетъ; вчера приступила, чтобы я не былъ знакомъ съ Бахтіаровымъ: «это, говоритъ, неприлично; я молодая женщина, въ обществѣ могутъ перетолковать»; чортъ знаетъ, какая чушь пришла въ голову! Очень мнѣ нужно, что болтаютъ тамъ сороки.

Павелъ очень хорошо понялъ причину нечаяннаго отъѣзда сестры: видно она была у тетки, а та передала ей, по-своему, всѣ сплетни.

Вотъ теперь онъ одинъ. Ему даже не съ кѣмъ по-совѣтоваться въ столь важное для него время; но, размысливъ, что это почти необходимо для Лизаветы Васильевны, потому что только этимъ однимъ могли прекратиться городскіе толки насчетъ ея отношеній къ Бахтіарову, онъ былъ радъ ея отъѣзду.

— На долго-ли же Лиза уѣхала? спросилъ онъ.

— Право, не знаю; и дѣтей увезла,—скука смертная! сегодня всю ночь не спала. Досадно, ей-богу, смерть досадно! Напишите, пожалуйста, братецъ, ей письмо; что это за глупости? Сегодня ужь Перепетуѣ Петровнѣ на нее жаловался. Ну, батюшка, какъ она на васъ сердится! такъ просто, я вамъ скажу, и не ходите лучше; высѣчетъ. Отъ нея я и узналъ, что ваша милость женится на Кураевой. Важнѣтельно! очаровательная, чортъ возьми, дѣвушка! Тетка всѣхъ пушитъ: и васъ, и Лизу, и Кураевыхъ, со всѣмъ ихъ потрохомъ. Съ Θεоктистой Саввишной, за

сватанье, такую при мнѣ пановщину сочинила, что я хотѣлъ послать за квартальнымъ; ругательски разругались... Меня только хвалить: на дняхъ денегъ хотѣла дать въ займы. Вы лучше не ходите, ей-богу; если не высѣчетъ, такъ непременно прибьетъ; «и на свадьбу, говоритъ, не поѣду; знать ихъ не буду, на нищей, говоритъ, женится, по-міру пойдутъ.» Когда у васъ свадьба-то?

— Скоро.

— Меня въ шафера возьмите.

— Извольте.

— Смотрите-же. А я новый фракъ себѣ шью: вчера пятьсотъ рублей выигралъ у Бахтіарова. У васъ есть ли деньги-то на свадьбу? А то я, пожалуй, дамъ въ займы. Какой славный малый Бахтіаровъ! чудо просто, а не человекъ! Отъ васъ, просто, онъ въ восторгѣ. Напишите, пожалуйста, Лизѣ-то, чтобы пріѣхала; меня-то она не послушаетъ. Прощайте. Я сегодня вечеромъ пріѣду къ Кураеву; я, правда, съ нимъ мало знакомъ, да ничего: такъ-молъ и такъ... честь имѣю рекомендоваться. Влюблена въ васъ не вѣста?

— Я не знаю.

— Кто же знаетъ? славная вамъ будетъ теперь жизнь! Прощайте. Мнѣ надобно еще къ Бахтіарову. Къ матушкѣ не заходитъ? отчего она меня никогда не узнаетъ?

— Оттого, что вы рѣдко бываете.

— Некогда, братецъ, ей-богу, некогда; прощайте, напишите къ Лизѣ-то; я нарочно за этимъ пріѣзжалъ къ вамъ. Прощайте, вечеромъ увидимся.

По отъѣздѣ Масурова, Павелъ началъ одѣваться.

Туалетомъ своимъ въ этотъ разъ онъ занимался еще болѣе, чѣмъ передъ поѣздкою въ собраніе; разъ пять заставлялъ онъ цирюльника перевивать свои волосы и все-таки остался недоволенъ. Фракъ свой онъ назвалъ мерзѣйшимъ фракомъ, а про жилетъ и говорить нечего; даже самого себя Павелъ назвалъ неопрятнымъ дуракомъ, который въ Москвѣ не умѣлъ завестись порядочнымъ платьемъ. Часу въ двѣнадцатомъ онъ былъ готовъ; но доложили о пріѣздѣ Владиміра Андреича. Павелъ сконфузился; ему совѣстно было принять будущаго тестя въ своемъ домѣ, который, конечно, ни въ какомъ отношеніи не могъ равняться съ аристократическимъ домомъ Кураевыхъ, и поэтому онъ встрѣтилъ гостя съ озабоченнымъ лицомъ. Что касается до Владиміра Андреича, то онъ вошелъ, какъ надобно было ожидать, съ прилично-важнымъ видомъ. Сначала объявилъ, что онъ желалъ самъ быть у него, съ тѣмъ, чтобы поклониться ему отъ всего своего семейства и по преимуществу отъ невесты, которая, будто бы уже ожидаетъ его съ восьми часовъ утра, а потомъ, спрося Павла о матери и услышавъ, что она заснула, умолялъ не беспокоить ее, а вслѣдъ затѣмъ онъ заговорилъ и о другихъ предметахъ, коснувшись слегка того, что у него дорогой зашалила необыкновенно-злая въ упряжки пристяжная, и незамѣтно перешелъ къ дому Павла (у Бешметева былъ свой домъ).

— Теплый, долженъ быть, домикъ, замѣтилъ Владиміръ Андреичъ:—впрочемъ все-таки вамъ надобно сдѣлать небольшія поправки. Вы извините меня: я, по праву будущаго тестя, желалъ бы дать вамъ въ этомъ отношеніи маленькій совѣтъ.

— Миѣ очень пріятно, отвѣчалъ Павелъ.

— Иначе я и не думаю. Я совѣтовалъ бы вамъ, такъ какъ уже теперь штукатурить некогда, попросту обить французскими обоями: это будетъ недорого и красиво.

— Я сдѣлаю.

— Да... ну, ужъ и мебель надобно другую. После покойнаго Калинина продается отличнѣйшая мебель, рѣшительно за бездѣлицу: отдадутъ за какіе-нибудь рублей девятьсотъ, на двѣ комнаты — на спальную и гостиную. Въ первой вся мебель безъ дерева, обита малиновымъ бараканомъ, съ черными стальными пуговицами: прелестъ, просто прелестъ! Подушки всѣ эластикъ, и эластикъ-то неимоверный; красного дерева трюмо съ двумя бронзовыми бра необыкновеннаго искусства, а для гостиной все орѣхъ самой утонченной нѣжности въ работѣ.

И на этотъ совѣтъ Владиміра Андреича Павелъ согласился и объявилъ, что готовъ купить, съ большимъ даже удовольствіемъ. Кураевъ также поинтересовался узнать, каковы у Павла экипажи, и такъ тонко довелъ разговоръ, что Башметевъ самъ пригласилъ будущаго тестя въ сарай и конюшню. Здѣсь Кураевъ учтиво раскритиковалъ пару карихъ лошадей, желтую коляску, дрожки съ разбитыми колесами и даже двое городскихъ саней, о которыхъ съ такою похвалою отзывалась Перепетуя Петровна. По его словамъ, у всякаго порядочнаго человѣка должно быть не болѣе трехъ экипажей, но только чтобъ они были въ своемъ видѣ, а именно, нужно всего только: парную карету для выѣзда жены по параднымъ визитамъ и на балы, пролетки собственно для себя и хо-

рошенькія городскія парныя сани, да три лошади, — двѣ чтобы были съѣзжены парою у дышла, а одна ходила въ одиночкѣ. Павелъ съ этимъ вполне согласился и объявилъ, что онъ готовъ бы все это сейчасъ купить, но только не знаетъ гдѣ. Оказалось, что Владиміръ Андренчъ знаетъ, гдѣ все это можно приобрести по самой умѣренной цѣнѣ: двумѣстная карета, на примѣръ, продается у того же покойнаго Калинина, на вѣнскомъ ходу и съ кузовомъ петербургской работы, и продается за какія-нибудь ничтожныя полторы тысячи рублей. Лошадей онъ совѣтовалъ купить на заводѣ у Киркина, у котораго лошади, при чистотѣ во всѣхъ статьяхъ, необыкновенно-добронравны и крѣпы въ ѣздѣ. Говоря такимъ образомъ, Кураевъ и Павелъ возвратились въ комнаты.

— Свадьба такое дѣло, — продолжалъ Владиміръ Андренчъ: — что тутъ каждый человекъ, начиная съ самого себя, обновляется во всемъ, вступаетъ нѣкоторымъ образомъ въ другую сферу и запасается уже на новую жизнь. Возьмите даже въ примѣръ мужа: и тотъ, для свадьбы, дѣлаетъ синій армякъ; для этого случая даже занять нестыдно, потому случай экстренный. Даже, у древнихъ Грековъ, какъ извѣстно по описаніямъ, устраивались свадебныя пиршества и празднованія, потому что тутъ человекъ хочетъ показать себя обществу въ самомъ приличномъ видѣ. Вотъ, съ пустаго взять: какъ семейная-то жизнь далеко не походитъ на жизнь холостаго человека. Вотъ, на примѣръ, взять съ посуды, тарелокъ, мисокъ, плошекъ и тому подобной дряни... пустяки... а все деньги, всѣмъ надобно завестись;

хорошо, у кого много, а у другаго молодаго человека ничего этого нѣтъ. Вотъ у васъ такъ, я думаю, послѣ батюшки много этого хлама осталось?

— У насъ этого очень много, отвѣчалъ Павелъ.

— Я припоминаю, что у покойнаго Василья Петровича видѣлъ вазу серебряную что-ли, или поднось, или самоваръ, но только удивительно древней работы роково.

— Это, вѣрно, вы стопку видѣли.

— Нѣтъ, не стопку, а что-то такое, въ родѣ бокала, что-ли? рѣшительно не помню. Сами посудите: можетъ быть тому уже нѣсколько лѣтъ; помню только, что видѣлъ преинтересную, большую серебряную вещь. У васъ есть серебро?

— Есть.

— Перечислите, пожалуйста, покрупнѣе вещи: мнѣ очень хочется припомнить.

— Стопка серебряная.

— Нѣтъ.

— Поднось, кофейникъ, чайникъ.

— Нѣтъ, не то.

— Корзинка, два большіе бокала. Павелъ оставился.

— Ну-съ?

— Все-съ.

— Все? серебра больше нѣтъ?

— Есть еще ложки и ножи.

— Ну, да этихъ, я думаю, много у васъ.

— Я, право, и не знаю; ложекъ, кажется, дюжины съ семь есть.

— Ну такъ, стало-быть, это я, дѣйствительно, корзинку видѣлъ.

— Можетъ быть.

— Позвольте мнѣ ее видѣть. Признаться сказать, я очень люблю античныя вещи.

Павель хотѣлъ было идти за корзинкой; но Владиміръ Андреичъ было столько вѣжливъ, что не позволилъ ему этого сдѣлать и просилъ его просто подвести къ шкапу, гдѣ хранилось серебро. Павель провелъ своего гостя въ угольную комнату и представилъ ему на разсмотрѣніе два огромные стеклянные шкапа съ серебромъ, фарфоромъ и хрусталемъ.

Владиміръ Андреичъ, кажется, весьма остался доволенъ тѣмъ, что видѣлъ. Серебра было, съ причаею ложекъ и ножей, по крайней мѣрѣ, съ пудъ; а про фарфоръ и хрусталь и говорить нечего. Возвратившись въ гостиную, Владиміръ Андреичъ продолжалъ разговоръ съ свойственною ему тонкостью; выспросилъ у Павла, въ какомъ уѣздѣ у него имѣніе, есть ли усадьба, и чѣмъ занимаются мужики. Услышавъ, что мужики по большей части обручники и стеколыщики и что они ходятъ по лѣтамъ въ Петербургъ и Москву, онъ очень справедливо замѣтилъ, что подобное имѣніе, съ одной стороны, спокойнѣе для хозяевъ, но за то менѣе выгодно, потому что на чужой сторонѣ народъ балуется и привыкаетъ пить чай и что отъ этого убываетъ народонаселеніе и значительно портится нравственность. Наконецъ, онъ началъ прощаться, изъявилъ предварительно искреннее свое сожалѣніе о томъ, что не видалъ старушки, и поручилъ ей передать свое глубочайшее уваженіе и потомъ, объявивъ Павлу, что его ожидаютъ черезъ полчаса, сѣлъ молодцовато на дрожки.

Сердитая пристыженная варварски согнулась, а коренная съ мѣста же пошла крупной рысью.

Когда Владиміръ Андреичъ уѣхалъ, Павелъ нѣсколько минутъ думалъ о немъ. «Какой онъ умный, практической человѣкъ!» говорилъ онъ самъ съ собой: «онъ будетъ мнѣ очень полезенъ своими совѣтами. Боже мой! думалъ ли я когда-нибудь объ такомъ счастьи: женюсь на дѣвушкѣ, въ которую страстно влюбленъ; вступаю въ умное, образованное семейство! Какъ досадно, что нѣтъ теперь Лизы здѣсь! Какъ бы она порадовалась со мною! чудная она женщина!» Когда Павелъ вспомнилъ о сестрѣ, ему сдѣлалось какъ-то грустно, и онъ съ нетерпѣніемъ началъ поглядывать на часы; до назначеннаго Владиміромъ Андреичемъ срока оставалось еще съ часъ. Тутъ Бешметеву пришло въ голову, что до свадьбы осталось очень немного: нужно торопиться дѣлать закупки и надобно скорѣе взять изъ приказа пять тысячъ. Рѣшившись исполнить это, онъ пришелъ къ матери и началъ ей толковать, что ему нужны деньги и чтобы она дала ему билетъ. Старуха опять, кажется, не вполне поняла, въ чемъ дѣло; впрочемъ, подала сыну ключъ, перекрестила его и поцѣловала въ лобъ.

Между тѣмъ, Владиміръ Андреичъ заѣхалъ къ Перепетуѣ Петровнѣ, но хозяйки не было дома. Кураевъ велѣлъ къ себѣ вызвать кого-нибудь поумнѣе изъ людей. На зовъ его явилась Палагея.

— Скажи, любезная,— началъ Владиміръ Андреичъ:— Перепетуѣ Петровнѣ, что пріѣзжалъ Кураевъ, будущій ея родственникъ, и что-де очень сожалѣетъ, что не засталъ ихъ дома и что на дняхъ самъ опять

зафдетъ и пришлетъ рекомендовать все свое семейство, которое все ее очень уважаетъ; ну, прощай: не переври же!

Отъ Перепестун Петровны Кураевъ поѣхалъ къ Θεоктиств Саввишиѣ, которую засталъ дома.

— Здравствуйте, моя любезнѣйшая Θεоктиста Саввишна! Во-первыхъ, позвольте поцѣловать вашу ручку и передать вамъ низкій поклонъ отъ нашихъ.

Θеоктиста Саввишна сильно переполошилась отъ прїѣзда почтеннаго Владиміра Андрепча и его ласковаго обращеніи. Она выбѣжала въ дѣвичью, заказала въ одинъ разъ «для дорогаго гостя» чай, кофе и закуску; а потомъ, накинувъ на обнаженныя свои плечи какой-то платокъ и вышедъ къ Кураеву, начала передъ нимъ извиняться, что она принимаетъ его не такъ какъ слѣдуетъ.

Владиміръ Андрепчъ говорилъ, что ничего, чтобы не беспокоилась, а потомъ объявилъ, что онъ былъ сейчасъ у Бешметева, въ которомъ нашелъ прекраснѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка, но что онъ, то есть Бешметевъ, еще немного молодъ и, какъ видно, въ свадебныхъ дѣлахъ совершенно неопытенъ и даже врядъ-ли знаетъ обычай дарить невѣсту вещами, матерією на платье и тому подобными бездѣлушками; но что ему самому, Владиміру Андрепчу, говорить объ этомъ было какъ-то неловко, пожалуй, еще покажется жадностію, а порядокъ справить для общества необходимо.

Догадливая Θεоктиста Саввишна тотчасъ поняла, въ чемъ дѣло.

— Что это, батюшка Владиміръ Андрепчъ? Да я-то на что? худа-ли, хороша-ли, все-таки сваха.

Въ этомъ-то теперь и состоитъ мое дѣло, чтобы все было прилично: на родныхъ-то нечего надѣяться. Перепетуя Петровна вышла гадкая женщина, просто эхидная: я только говорить не хочу, а много я обидь приняла замое, что называется, расположеніе.

— Такъ ужъ вы, пожалуйста,—началь Владиміръ Андреичъ:— знаете... этакъ слегка замѣчайте ему: вотъ то-то, это-то необходимо. Вотъ, на примѣръ, фермуаръ нужно подарить невѣстѣ, какіе-нибудь браслеты, не для себя, знаете, а больше для общества: въ обществѣ-то чтобъ знали. Прощайте, матушка.

— Почтеннѣйшій Владиміръ Андреичъ! да покушайте чего-нибудь, хоть бы кофейку или бы водочки выкушали; вѣдь свѣжо на дворѣ-то.

— Не могу, ей-богу, не могу; вы, вѣдь, я думаю, знаете: до обѣда не пью, не ѣмъ. Прощайте.

Павель ѣхалъ къ Кураевымъ въ этотъ разъ съ бѣльшимъ присутствіемъ духа. Онъ далъ себѣ слово быть какъ можно разговорчивѣе съ невѣстою и постараться съ нею сблизиться. Онъ даже придумалъ, что съ ней говорить: онъ расскажетъ ей, что видѣлъ сонъ, а именно: будто бы онъ живетъ въ Москвѣ, на такой-то улицѣ, въ такомъ-то домѣ, а противъ этого дома другой большой, желтый домъ; вотъ онъ смотритъ на него; вдругъ выходитъ дѣвушка, чудная, прекрасная дѣвушка; ему очень хотѣлось къ ней подойти, но онъ не рѣшился и только каждый день все смотрѣлъ на эту дѣвушку; потомъ вдругъ не сталъ ее видѣть. Юлія, конечно, догадается, что эта дѣвушка она сама; такимъ образомъ онъ дастъ ей знать, что онъ еще въ Москвѣ въ нее былъ влюбленъ.—Все это думалъ Павель, ѣхавъ

дорогой; но, войдя въ гостиную, гдѣ сидѣли дамы, опять сконфузился.

Марья Ивановна сказала ему, что они давно уже его ожидаютъ, а невѣста сухо поклонилась. Павелъ сѣлъ поодаль. Владиміръ Андреичъ былъ въ кабинетѣ; разговоръ не вязался, хотя Марья Ивановна нѣсколько разъ и начинала: спросила Павла о матери, замѣтила, что сыра погода и что поэтому у Юліи очень голова болитъ, да и у ней самой начинается разбалливаться. Юлія молчала. Наденька играла съ собачкою. Павелъ, не смотря на свое желаніе заговорить, рѣшительно не находилъ; ему очень хотѣлось сѣсть рядомъ съ Юліей, но у него не доставало даже смѣлости глядѣть ей въ лицо, и онъ, потупя глаза, довольствовался только тѣмъ, что любовался ея стройною ножкой, кокетливо выглядывавшей изъ-подъ платья. Пришелъ Владиміръ Андреичъ.

— А! вы здѣсь,—сказалъ онъ, увидя Павла, и пожалъ ему руку; потомъ велѣлъ подавать горячее.

— Ну, что, гдѣ вы побывали? продолжалъ онъ.

— Я былъ въ приказѣ, отвѣчалъ Павелъ.

— Это зачѣмъ?

— Деньги получилъ.

— А!....—произнесъ протяжно Владиміръ Андреичъ,— а много ли получили?

— Пять тысячъ.

— Славно... что-жь вы закупки думаете дѣлать?

— Да-съ, но я не знаю, гдѣ и какъ...

— Объ этомъ хлопотать нечего; я самъ, пожалуй, съ вами поѣду; вотъ послѣ обѣда же и поѣдемъ. Давайте скорѣе обѣдать! Вы ужь, Юлія Владиміровна,

пзвините насъ! Мы у васъ опять жениха увеземъ, нельзя; Богъ дастъ, женитесь, такъ все будетъ сидѣть около васъ. Что, покраснѣла? Ну, поди, поцѣлуй-же меня за это.

Юлія молча и съ нѣскольکو сердитымъ лицомъ подошла и поцѣловала ласковаго папеньку.

За столомъ занималь всѣхъ разговорами, какъ и прежде, Владиміръ Андреечъ. Онъ рассказывалъ Павлу объ одномъ богатомъ обѣдѣ, данномъ отъ дворянства какому-то важному человѣку, и что онъ въ означенномъ обѣдѣ, по его словамъ, былъ выбранъ главнымъ распорядителемъ и исполнилъ свое дѣло очень недурно, такъ-что важный человѣкъ, послѣ обѣда, расцѣловалъ его. Къ концу стола Павлу подали письмо. Это была записка отъ Θεоктисты Савишны, слѣдующаго содержанія и уже извѣстной ея орѳографіи:

«Милъгастивеющій Государь
Павилъ Васильичъ!

«Сичасъ я была у ваши мамлнкѣ, и вазъ сас-
татъ ни магла, вы верна, нахотетесь у сваи дара-
гги нивезты и патаму рашъаюсь, писать къвамъ, у
атной знакомои моеи Аграфъни Матъвевны Салъу-
биевы продаютца по самой дешовой цене расные
дамскии украшения брислѣтъ, фармуаръ и два коль-
ца и нѣбудно ли, вамъ повашимъ въ семь опстоя-
тельствамъ ихъ кушитъ, для вашии Юли Владимі-
ровны, я могу ихъ привѣстѣти когда ѣжели назъ
начете, вождъаніи приятнава вашаго гли мнѣя отъ-
вета остаюсь

пакорная къслугамъ

Флѣггиста Панамарѣва».

Вышедъ изъ-за стола, Павелъ написалъ Θεок-

тистѣ Саввишиѣ отвѣтъ, въ которомъ благодарилъ ее за беспокойство, и просилъ привезти къ нему вещи на другой день, а потомъ тотчасъ-же, вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреичемъ, отправился дѣлать покупки. Болѣе достопримѣчательнаго въ этотъ день ничего не случилось. Павелъ провѣзидль съ Владиміромъ Андреичемъ до девяти часовъ и, возвратившись, услышалъ, что у Юліи сильно болитъ голова, а потому она теперь лежитъ въ постели. Марья Ивановна вязала шерстяную косынку, а Наденька читала какой-то французскій романъ. Владиміръ Андреичъ, услышавъ о болѣзни дочери, прошелъ въ комнату къ барышнямъ и, чрезъ нѣсколько минутъ вернувшись, предложилъ Павлу, не угодно-ли ему повидать невѣсту. Павелъ, безъ сомнѣнія, согласился, и съ трепещущимъ сердцемъ пошелъ за Владиміромъ Андреичемъ по темному корридолу, ведущему въ комнату къ барышнямъ.

Странное, обаятельное впечатлѣніе производятъ на насъ, въ пору молодости, комната всякой молоденькой дѣвушки, и особенно той, въ которую мы влюблены. Доказательствомъ тому можетъ служить значительное число стихотвореній, написанныхъ собственно по этому предмету. Одинъ модный когда-то поэтъ сказалъ, что воздухъ въ комнатѣ дѣвушки напоенъ дѣвственнымъ дыханіемъ. Когда Павелъ вошелъ въ комнату, то почувствовалъ, кромѣ дѣвственнаго дыханія, сильный запахъ *л'о-де-колонъ*, которымъ Юлія примачивала голову. Боже мой! нѣтъ, я откажусь... слабому перу моему не выразить того, что чувствовалъ Павелъ. Юлія лежала на постели, въ широкой блузѣ, припикнувъ повязан-

ною головою къ батистъ-декосовой подушкѣ. Напротивъ самой постели стояло зеркало съ комодомъ, на комодѣ стояли въ футлярѣ часы, двѣ стеклянки съ духами, маленькій портфель для писемъ, колокольчикъ, гипсовый амуръ, грозящій пальчикомъ, и много еще различныхъ кабинетныхъ вещей; у окна стояли вольтеровскія кресла и небольшой столикъ, оклеенный вырѣзнымъ деревомъ, а у противоположной стѣны помѣщалась кровать Наденьки, покрытая шелковымъ одѣяломъ, и тоже съ батистъ-декосовыми подушками. Чудно хорошо показалось все это Павлу!

— Ну, вотъ тебѣ и Павелъ Васильичъ!—сказалъ Владиміръ Андреичъ, войдя въ комнату дочери.— Посидимте-ка здѣсь, садитесь на вольтерово-то кресло, а я усядусь на кровать.

— Вы больны? проговорилъ Павелъ едва слышнымъ голосомъ.

— Да, у меня очень голова болитъ.

У Бешметева было такое печальное лицо, что это даже замѣтилъ Владиміръ Андреичъ.

— Посмотри, Джули, онъ чуть не плачетъ. Ничего, молодой человекъ, не теряйте присутствія духа; къ свадьбѣ выздоровѣетъ. Садитесь: что-же вы не садитесь?

Павелъ сѣлъ и молча продолжалъ глядѣть на невѣсту.

— Вы долго не прѣзжали,— проговорила Юлія, замѣтивъ, что паленька кидаетъ на нее значительныя взгляды.

— Мы были во многихъ мѣстахъ, отвѣчалъ Павелъ.

— Лучше скажите, что мы купили на двѣ ты-

сячи. Да-съ, Юлія Владиміровна, вотъ каковы мы! Вы только лежите, а мы, чортъ возьми, мужчины, народъ дѣятельный.

— Я бы сама умѣла покупать,—отвѣчала: Юлія — покупать очень весело.

— Видишь, какая храбрая... а что голова болитъ?

— Болить, папа.

— Хочешь, я тебѣ лекарство скажу?

— Скажите.

— Поцѣлуй жениха, сейчасъ пройдетъ; не такъ ли, Павелъ Васильичъ?

— Что это, папа? сказала Юлія.

Павелъ покраснѣлъ.

— Непремѣнно пройдетъ. Ну-те-ка, Павелъ Васильичъ, лечите невѣсту; смѣлуй.

Онъ взялъ Павла за руку и поднялъ со стула.

— Поцѣлуй, Юлія: съ женихомъ-то и надобно цѣловаться.

Павелъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ да, кажется, и Юлія не слишкомъ было легко исполнить приказаніе папеньки. Она нехотя приподняла голову, поцѣловала жениха, а потомъ сейчасъ-же опустилась на подушку и, кажется, потихоньку отерла губы платкомъ; но Павелъ ничего этого не видѣлъ.

— Ну, оба сконфузились!.. Охъ, дѣти, дѣти! какъ опасны ваши... «лѣта», — конечно думалъ сказать Владиміръ Андреичъ, но остановился, видно найдя, что подобное окончаніе рѣшительно нейдетъ въ настоящемъ случаѣ.

Вскорѣ Владиміръ Андреичъ увелъ Павла отъ

невѣсты ради толкованія, съ пришедшимъ торговаться обойщикомъ.

По уходѣ ихъ, Юлія, всплеснувъ руками, начала плакать.

Павель уѣхалъ отъ Кураевыхъ послѣ ужина. Онъ заходилъ прощаться къ невѣстѣ и на этотъ разъ поцѣловалъ толь'о руку.

Ѣхавъ домой, онъ предавался сладостнымъ мечтаніямъ. Перспектива будущей семейной жизни рисовалась передъ нимъ въ чудномъ свѣтѣ; вотъ, будетъ свадьба: какой это чудный и въ то-же время страшный день! Какое нужно имѣть присутствіе духа и даже нѣкоторое... а тамъ, тамъ будетъ лучше, тамъ пойдетъ къ новому положенію; тутъ-то, вотъ и можно наслаждаться мирно, тихо. Въ это время Павель подѣхалъ къ крыльцу, и необходимость выльзти изъ дрожекъ остановила на нѣсколько времени его мечтанія.

По пріѣздѣ его домой, ему подали записку отъ Лизаветы Васильевны.

«Прости меня, Польша, писала она, что я уѣхала, не сказала тебѣ, оставила тебя въ такое время. Я не могла поступить иначе: этого требуютъ отъ меня мой долгъ и мои бѣдныя дѣти. О самой себѣ я расскажу тебѣ послѣ, когда буду сама въ состояніи говорить объ этомъ, а теперь—женись безъ меня: молись, чтобы тебѣ Богъ далъ счастья, о чемъ молюсь и я; но ты долженъ быть счастливъ съ своею женою. Прощай.»

Письмо это прочиталъ герой мой почти-механически: такъ былъ онъ занятъ новымъ положеніемъ, своими новыми [чувствами](http://www.voin.org.pl).

XI.

Свадьба.

Два недѣли, назначенныя Владиміромъ Андреичемъ до свадьбы, прошли очень скоро. Это поэтическое время для каждаго почти жениха прошло для Павла слишкомъ прозаически. Онъ обыкновенно отправлялся рано по-утру къ Кураевымъ, и каждый разъ съ твердымъ намѣреніемъ сблизиться съ невестой; но это ему никогда не удавалось, во-первыхъ, по застѣнчивости собственнаго характера и по холодности невесты, а во-вторыхъ и потому, что рѣшительно было некогда. Владиміръ Андреичъ безпрестанно ѣздилъ съ нимъ закупать для него различныя вещи. Домъ былъ уже оклеенъ французскими обоями, экипажи и лошади куплены, подарки невестѣ сдѣланы, вслѣдствіе чего пяти тысячъ какъ-будто бы и не бывало у Павла въ карманѣ, но расходовъ предстояло еще очень-много; нужно было занимать, но у кого занять? Павелъ былъ въ очень-трудномъ положеніи и сълѣ-бы совершенно на мель, если-бы сама судьба, въ образѣ Перепетуи Петровны, не подала ему руку помощи. Тетка, сердившаяся на Павла за то, что онъ, по словамъ ея, не хотѣлъ принять участіе въ гибели сестры, совершенно разобидѣлась сватовство моего героя безъ предварительнаго совѣта съ нею; но сверхъ ожиданія, вдругъ умилостивилась, искренно расположилась къ новому родству и приняла живѣйшее участіе въ хлопотахъ племянника. Причина такой перемѣны заключалась въ тонкой вѣжливости Владиміра Андреича, захватившаго къ Перепетуѣ

Петровнѣ и приславшаго къ ней потомъ все свое семейство. Старая дѣвушка была очень-честолюбива. Это, незаслуженное еще съ ея стороны, вниманіе отъ Кураевыхъ измѣнило совершенно ея образъ мыслей насчетъ женитьбы Павла. Она пріѣхала къ нему, и намыливъ, какъ водится, ему голову за то, что онъ начиналъ хорошее дѣло тайкомъ. стала хлопотать и даже снова помирилась съ Θεоктистой Саввишной. Обѣ пріятельницы безпрестанно переѣзжали одна къ другой въ домъ, заѣзжали къ Павлу, въ одинъ голосъ кричали на людей его и удивлялись тому, какъ скоро идетъ время. Перепетуя Петровна, узнавъ стороной, что Павелъ ѣздилъ занимать къ кому-то деньги и не зинялъ, намылила въ другой разъ ему голову и сама предложила изъ собственной казны три тысячи рублей ассигнаціями, впрочемъ, подъ вексель и за проценты. Павелъ ожилъ духомъ. О невѣстѣ во все это время некогда было ему и подумать; онъ, какъ угорѣлый, день и ночь ѣздилъ по мастеровымъ, исполняя порученія, которыя давалъ ему каждое утро Владиміръ Андреичъ. Самъ Кураевъ былъ рѣшительно въ это время полководецъ: онъ ѣздилъ самъ, посылалъ Павла, посылалъ жену. Наденьку и людей, — и все это дѣлалъ впрочемъ для Павла, то-есть на его деньги. Менѣе всѣхъ принимала участія во всѣхъ хлопотахъ сама невѣста. Она, обыкновенно, вставъ по-утру, завивала съ полчаса свои волосы въ папильотки, во время кофе припекала ихъ, а часу въ первомъ, приведя въ окончаніе свой туалетъ, выходила въ гостиную, гдѣ принимала поздравленія, здоровалась и прощалась съ женихомъ, появившимся на нѣсколько минутъ: послѣ обѣда она, обыкновенно,

уходила къ себѣ въ комнату и не выходила оттуда до тѣхъ поръ, покуда не вызывали ее внимательные родители, очень прилежно слѣдившіе за нею. Бѣдная Юлія! въ настоящее время она одна переживала драму, она одна страдала; всѣмъ было хорошо, всѣ дѣлали, что имъ хотѣлось, и были довольны собою. Владиміръ Андреичъ былъ счастливъ, потому-что пристраивалъ дочь, обдѣлывалъ довольно трудное дѣло, и только силою характера *преоборалъ* препятствія и утонченностію ума заинтриговывалъ зятя. Марья Ивановна наслаждалась тѣмъ, что Владиміръ Андреичъ, занятый хлопотами, не кричалъ на нее. Ей, впрочемъ, было иногда жаль Юлію, но, по размышленіи, она постоянно доходила до той мысли, что часто и по страсти женившіеся живутъ какъ кошка съ собакой. Перепетуя Петровна сдѣлалась похожа на индѣйскаго пѣтуха, растопырившаго крылья. Она начала ходить, поднявъ голову, въ необыкновенно-накрахмаленныхъ юпкахъ, и, неизвѣстно для чего, принялась говорить въ носъ. Вниманіе Кураевыхъ сильно развило къ ней важность. «Эта подлая семейка такъ обошла ее, говорила она впоследствии, что ей даже не пришло въ голову спросить племянника, даютъ-ли что-нибудь за невѣстой». Θεоктиста Саввишна была тоже очень счастлива. Она до-того говорила со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ о свадьбѣ, ею устроенной, что рѣшительно потеряла голосъ. Про жениха и говорить нечего: неопытный, довѣрчивый, увлеченный первою еще страстію къ женщиѣ, Павелъ ожидалъ, что вотъ такъ и окунется въ море блаженства, не видѣлъ и не понималъ, что невѣста почти не можетъ его равнодушно видѣть. Хитрый Владиміръ Андреичъ безпрестанно

ему твердилъ, что Юлія чрезвычайно скромна и никогда не выражаетъ того, что чувствуетъ. Наденька болѣе всѣхъ обнаруживала участія къ положенію сестры, но впрочемъ и та часто увлекалась мечтою о грядущемъ балѣ и объ обѣщанномъ новомъ бальномъ платьѣ. Юлія же оставалась постоянно грустною. Боже мой! такую ли думала она составить партію! Она думала, что непременно выйдетъ за какого-нибудь гвардейскаго офицера, который увезетъ ее въ Петербургъ и она будетъ гулять по Невскому проспекту, блистать въ высшемъ свѣтѣ, будетъ представлена ко двору, сдѣлается статсъ-дамой. И что-же вмѣсто этихъ роскошныхъ мечтаній давала ей горькая существенность? Всю жизнь прожить въ губернскомъ городѣ и добробы еще женою какого-нибудь ловкаго, богатаго человѣка, а то выдти за тюфика, съ которымъ даже стыдно въ люди показаться. Сверхъ того сердце.... читателю уже извѣстно, что сердце Юліи не было свободно и принадлежало жестокому, но все-таки интересному Бахтіарову. Размышляя такимъ-образомъ, она начинала чувствовать къ жениху еще болѣе непріязненное чувство. «Уродъ этакій! тюфакъ!» шептала она сама съ собою и начинала съ досады плакать. Чтобы избавиться отъ предстоящаго брака, нѣсколько несбыточныхъ плановъ составлялось въ головѣ ея: такъ, напримѣръ, броситься передъ отцомъ на колѣни и просить его не губить ея; объяснить съ самимъ Павломъ: сказать ему, что она не можетъ быть его женою, потому что любить другаго, и просить его, какъ благороднаго человѣка, не принуждать ея дѣлать жертву, которая, можетъ-быть, сведетъ ее во гробъ. Мало этого, — она вздумала было

написать письмо къ Бахтіарову, признаться ему, что она его любитъ и умоляетъ его спасти несчастную отъ ужаснаго брака, увезти куда-нибудь дальше, — напримѣръ, въ Парижъ. Эта мысль нравилась Юліи болѣе другихъ. Но, отчасти по робости, а отчасти отъ самолюбія, она не рѣшилась сдѣлать этотъ неосторожный шагъ. Хорошо, если Бахтіаровъ пойметъ ее, а если станетъ смѣяться, и потомъ узнаетъ объ этомъ папенька? Одно только утѣшало Юлію въ ея положеніи — это мысль, что она, наконецъ, выйдетъ пзъ-подъ родительской ферулы, будетъ дамой, станетъ выѣзжать одна и куда ей будетъ угодно.

Свадебные чины были розданы слѣдующимъ образомъ:

Перепетуя Петровна, не смотря на дѣвическое состояніе, никому не уступила чести быть посаженой матерью жениха, пунктуально доказывая, что дѣвушка въ пятьдесятъ лѣтъ все равно что дама; а въ посаженные отцы для Павла, Владиміромъ Андреемъ былъ вызванъ сосѣдъ по деревнѣ, который по сию пору все со слезами вспоминалъ Василья Петровича, его друга, сосѣда и сослуживца. Θεоктиста Саввишна возведена была въ званіе почетной дамы; шаферомъ со стороны жениха опредѣленъ былъ Масуровъ, который, несмотря на свое обѣщаніе, не познакомился еще съ новыми родственниками и неизвѣстно гдѣ пропадалъ. Со стороны невесты, какъ водится, отецъ, мать. Почетной дамой была баронесса Кукштукъ, очень похожая на пиковую даму; шаферомъ — двоюродный братъ невесты, извѣстный въ городѣ подъ именемъ Петруши Масляникова, который, по случаю своего званія, купилъ около дю-

жины перчатокъ и всѣхъ спрашивалъ, что ему нужно будетъ дѣлать? Здѣсь я долженъ замѣтить, что Владиміръ Андреичъ, какъ самъ послѣ рассказывалъ, обставилъ бы свадьбу и другими людьми, поважнѣе, да со стороны жениха родство-то было уже слишкомъ плоховато; такъ этакихъ-то людей съ такими-то людьми не такъ ловко было свести.

Наконецъ наступилъ день свадьбы. Павелъ проснулся очень рано; онъ былъ въ какомъ-то истеричномъ состояніи: ему было грустно и весело, ему хотѣлось плакать и смѣяться. Старуха проснулась тоже очень рано. Перепетуя Петровна, съ помощію горничныхъ, наконецъ втолковала ей, что Павелъ женится, и что высокій господинъ, пріѣзжавшій къ ней и цѣловавшій у ней руку, тесть его. Она расплакалась. Павелъ самъ рыдалъ какъ ребенокъ. Перепетуя Петровна и Θεоктиста Саввишна, бывшія при этой сценѣ, тоже плакали. Плакалъ, кажется, и весь домъ, по крайней мѣрѣ Константинъ, нашивавшій въ лакейской на новую шинель галуны, заливался слезами и безпрестанно сморкался, приговаривая: «экъ, ихъ пустилось!» Вѣнчаніе было назначено въ четыре часа, потомъ молодые должны были прямо проѣхать къ Кураеву и прожить тамъ цѣлую недѣлю; къ старухѣ же, матери Павла, заѣхать на другой день. Часу въ первомъ, Перепетуя Петровна и Θεоктиста Саввишна разѣхались по домамъ, чтобы одѣться. Онѣ непременно хотѣли присутствовать при вѣнчаніи и потомъ уже проѣхать къ Кураевымъ, гдѣ былъ назначенъ парадный танцевальный вечеръ. Обѣ дамы весьма хлопотали о своихъ нарядахъ, и обѣ гнѣвались на своихъ горничныхъ: одна за то, что измѣять

былъ блондовый чепецъ, а другая — другая даже и не знала за что, но только дала своей *femme de chambre* урокъ.... Павелъ, кажется, совсѣмъ растерялся; какъ бы не понимая ничего, онъ переходилъ безпрестанно изъ комнаты матери въ свой кабинетъ, глядѣлъ съ четверть часа въ окошко на улицу, гдѣ впрочемъ ничего не было замѣчательнаго, кромѣ какого-то маленькаго мальчишки, ходившаго босыми ногами по лужѣ. Отошедши отъ окна, онъ ложился на кровать, вздыхалъ и, наконецъ, затворясь въ своей комнатѣ, молился.

Часа за два до вѣнчанья, Павелъ вспомнилъ, что онъ не видалъ еще своего шафера Масурова, хоть и писалъ къ нему. Очень естественно, что зять, по своей вѣтренности, забудетъ и не пріѣдетъ. Онъ послалъ за нимъ лошадь. Чрезъ четверть часа кучеръ явился и объявилъ, что онъ объѣхалъ весь городъ, но Масурова не могъ отыскать нигдѣ. Что было дѣлать? Пріѣхали Перепетуя Петровна и Феоктиста Саввишна, пріѣхалъ наконецъ посаженный отецъ, — шаферъ не являлся. Тетка и сваха были просто въ отчаяніи. Перепетуя Петровна, не смотря на свою привязанность къ Масурову, назвала его, въ присутствіи посторонняго человѣка, мерзавцемъ, а сосѣдъ пожалъ плечами. Но времени терять невозможно было; надобно было ѣхать. Павелъ, одѣтый въ новый фракъ, цвѣтомъ аделаидъ, въ бѣломъ жилетѣ пике и бѣломъ галстухѣ, который, между нами сказать, къ нему очень не шелъ, началъ принимать благословенія, сначала отъ матери, посаженнаго отца, а потомъ отъ тетки.

Плачь и вопль снова начались; старуха была очень дурна; посаженный отецъ со слезами вспомнилъ Василья Петровича, благословилъ Павла, поцѣловалъ

его и пожелалъ ему жить въ счастіи и нажить кучу дѣтей, и потомъ понюхалъ табаку, посмотрѣлъ на часы и взялся за шляпу. Перепетуя Петровна, проплакавшись и осушивши батистовымъ платкомъ слезы, начала такъ:

— Ну, Павелъ Васильевичъ, дай тебѣ Богъ счастія, дай Богъ, чтобы твоя будущая жена была тебѣ и намъ на утѣшеніе. Насъ тоже не забывай: мы тебѣ не чужіе, а родные. Можно сказать, что всѣ мы живемъ въ тебя; конечно, супружество дѣло великое, хоть сама и не испытала, а понимаю: тутъ — иной человѣкъ, иные и мысли. Ну, съ Богомъ, тронемтесь.

Павелъ, накинувши шинель, сѣлъ въ свой фаэтонъ. Пара вороныхъ жеребцовъ дружно подхватила его отъ подъѣзда, такъ что у Константина едва удержалась круглая шляпа; и весь поѣздъ двинулся къ церкви, ни шибко, ни тихо, но какъ слѣдуетъ свадебному дворянскому поѣзду.

Съ большею торжественностію и въ лучшемъ порядкѣ шли предсвадебныя сцены въ домъ Куряевыхъ. Избранный въ шаферы Петруша Масляниковъ давно уже былъ въ залѣ и наивно рассказывалъ барону Клуштукъ, супругу почетной дамы, что онъ не бывалъ еще ни на одной свадьбѣ и даже вѣнчаніе видѣлъ только одинъ разъ, когда женился его лакей. Невѣсту одѣвали. При туалетѣ ея присутствовали: почетная дама, троюродная сестра Владимира Андреича, очень обижавшаяся тѣмъ, что не получила никакой должности въ свадебной церемоніи, — Наденька, которая, какъ извѣстно, была обязана подать сестрѣ крестъ и серьги, и еще три дѣвицы,

изъ коихъ двѣ были дочери троюродной сестры Кураева. Юлія была вся въ слезахъ до такой степени, что ее нѣсколько разъ принимались утирать мокрымъ полотенцемъ, и всѣ убѣждали не плакать, потому что будутъ очень красны глаза.

Марья Ивановна сидѣла въ гостиной на диванѣ и тоже плакала, взглядывая повременамъ на Владимира Андреича, ходившаго съ заложенными на спину руками взадъ и впередъ по комнатѣ. На столѣ стояли приготовленные для благословенія образа. Наконецъ невѣсту вывели, и всѣ сошлись въ гостиную. Владимиръ Андреичъ взялъ икону. Юлія поклонилась отцу въ ноги: дыханіе у нея захватило; она не могла уже сама встать; ее подняли на рукахъ, и на этотъ разъ уже всѣ совѣтовали проплакаться. Кураевъ поцѣловалъ дочь и самъ прослезился. Съ Марьей Ивановной сдѣлалась истерика; она рѣшительно не могла благословить дочери. Невѣсту подъ руки вывели и посадили въ карету съ почетной дамой. Шаферъ сѣлъ на парныя дрожки, баронъ Блукштукъ — съ троюродною сестрою Владимира Андреича, а барышень усадили всѣхъ въ карету. Имъ очень хотѣлось посмотреть на вѣнчаніе, но онѣ, какъ не принадлежавшія къ поѣзду, должны были пріѣхать послѣ. Владимиръ Андреичъ и Марья Ивановна остались дома. Вѣнчаніе началось и кончилось своимъ порядкомъ. Въ церкви было пропасть народу, и цѣлая толпа еще ломилась извнѣ. Квартальный надзиратель нѣсколько разъ принужденъ былъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости. Онъ, еще до пріѣзда невѣсты, поставленъ былъ въ необходимость ударить какую-то личность, во фризовой шинели, порывавшуюся въ церковь, толкнуть, и толкнулъ довольно

больно въ шею звонкоголосую мѣщанку и жестоко надралъ волосы мальчпшкѣ, перепачканному въ сажѣ и очень похожему, по словамъ квартальнаго, на дьяволенка. Женихъ и невѣста во время всей церемоніи даже не взглянули другъ на друга. На ихъ счетъ зрителями было пропнесено нѣсколько сужденій, по которымъ оказалось, что у жениха носъ великъ и лицо плоско, а что невѣста гораздо лучше его. Какой-то маленькій гимназистъ прозвалъ Перепетую Петровну дыней-канталупкой. Почетная дама, боронесса Клуштуркъ, имѣла довольно-длинный и серьезный разговоръ съ Θεоктистой Саввишной насчетъ того, что у жениха нѣтъ шафера.

Наконецъ молодые возвратились. Владиміръ Андреечъ и Марья Ивановна встрѣтили ихъ въ залѣ. Они, сопровождаемые всѣмъ своимъ поѣздомъ, вошли и начали принимать благословенія.

— Дѣти мои! — началъ Владиміръ Андреечъ своимъ внушительнымъ тономъ: — позвольте мнѣ въ настоящемъ, важномъ для васъ, случаѣ, сказать небольшую рѣчь. При этихъ словахъ, Владиміръ Андреечъ вынулъ изъ боковаго кармана небольшую тетрадку. Такое намѣреніе Кураева, кажется, всѣмъ присутствующимъ показалось нѣсколько страннымъ, и нѣкоторые изъ нихъ значительно между собою переглянулись.

— Нынѣ вы вступили, дѣти мои, — началъ Владиміръ Андреечъ: — въ новую жизнь, въ новыя обязанности: для нѣкоторыхъ эти обязанности легки и пріятны, а для нѣкоторыхъ дѣли брака тяжелѣе кандаловъ преступника. Отчего же это происходитъ? Это происходитъ отъ насъ самихъ. Мужья хотятъ слишкомъ много властвовать, а жены — слишкомъ мало повиноваться. Возьмите вы въ при-

мѣръ двухъ голубковъ: эти пернатые могутъ служить прекраснымъ образцомъ для человѣка. Они искренно любятъ другъ друга. Голубь трудолюбивъ и нѣженъ къ своему семейству и заботится о немъ; голубка покорна, нѣжна къ своему другу. Будьте подобны двумъ голубкамъ, мои дѣти, и будете счастливы. Вы, Павелъ Васильичъ, можно сказать, отрываете отъ нашего сердца лучшую часть, берете отъ насъ нашу чистую, нѣжную голубицу, а потому на васъ лежитъ священная обязанность замѣнить для нея нѣкоторымъ образомъ наше мѣсто, успокоить и разогнать ея скуку, которую, можетъ быть, она будетъ чувствовать, выпорхнувъ изъ родительскаго гнѣзда. Можетъ быть, вы сами будете отцомъ, и тогда узнаете, какъ тяжелытеперешнія наши чувстваванія; одно, можетъ быть, только приличіе удерживаетъ насъ отъ непрерывныхъ слезъ, которыми бы мы готовы разлиться, отпуская наше милое дитя въ чужіе люди. Да, примите еще разъ отъ меня благословеніе!

Съ этими словами Владиміръ Андреечъ проворно спряталъ рѣчь въ боковой карманъ и, поклонившись, осѣнилъ молодыхъ руками.

— Отличная рѣчь! — замѣтилъ шаферъ барону Клуштукъ. Баронъ только пожалъ губами, и слова не отвѣчалъ.

Всѣ вошли въ гостиную; начали подавать чай; невѣсту повели переодѣвать изъ вѣнчальнаго платья въ бальное. Часовъ въ восемь пришли музыканты, и начали сѣзжаться гости.

Честолюбивый Владиміръ Андреечъ не утерпѣлъ, чтобы не позвать на свадебный вечеръ знакомыхъ своего вруга. Также приглашены были, ради танцо-

ванья, и молодые люди, въ числѣ которыхъ былъ и Бахтіаровъ. Молодая еще не выходила. Павлу, кажется, было очень неловко: онъ видѣлъ, что на него взглядывали искоса всѣ дамы, а нѣкоторые изъ мужчинъ, хотя почти ему незнакомые, никакъ не могли удержаться, чтобы не сдѣлать нѣсколько двусмысленныхъ намековъ. Перепетуя Петровна была не въ духѣ, потому что Кураевъ ее принялъ не съ подобающею честію, какъ слѣдовало бы принять посаженую мать жениха, и пройдя въ гостиную, попросилъ сѣсть на диванъ не ее, а баронессу Клукуштукъ. Даже Марья Ивановна не занялась съ нею, а подсѣла къ троюродной сестрѣ Владиміра Андреича, тоже усѣвшейся на другомъ концѣ дивана. Такимъ образомъ Перепетуя Петровна почти пришлось сѣсть на крайнемъ креслѣ, чего она никакъ не хотѣла сдѣлать и сѣла къ окошку.

Наконецъ вышла невѣста, и вскорѣ затѣмъ пріѣхала Марья Николаевна, помѣщица трехъ тысячъ душъ. Дамъ и кавалеровъ было уже достаточное число. Изъ приглашенныхъ молодыхъ людей не явился только одинъ Бахтіаровъ. Владиміръ Андреичъ махнулъ музыкантамъ: заиграли польской.

— Не угодно ли вамъ начинать? сказала Кураевъ, обращаясь къ зятю. Бѣдный Павелъ рѣшительно смѣшался. Онъ даже не понималъ, какой это начинается танецъ. Онъ стоялъ и все еще не бралъ руки невѣсты, давно уже стоявшей около него. Юлія догадалась и, сдѣлавъ гримасу, сама взяла его за руку и повела въ залу.

— Вы, вѣрно, не умѣете танцовать? спросила она его тихо.

Павелъ покраснѣлъ: ему было очень совѣстно.

— Я... нѣтъ-съ... но знаете...давно очень учился...

— Такъ вы скажите папенькѣ, что у васъ нога болить, а то неловко: будете путать.

Вслѣдъ за молодыми слѣдовалъ Владиміръ Андреичъ съ Марьей Николаевной. Этотъ поступокъ Кураева жестоко оскорбилъ Перепетую Петровну. Она думала, что онъ непременно возьметъ ее на польской; «это ужь, видно, не свадебный вечеръ, а балъ какой-то», сказала она проходившей мимо Θεоктистѣ Саввишнѣ.

— А что? спросила та.

— Да такъ ужь... Насъ ужь съ вами, кажется, совсѣмъ забыли, все знатными людьми занимаются. Не знаю, что бы отвѣтила на это Θεоктиста Саввишна, но ее въ это время кликнули къ Марьѣ Ивановнѣ. Польской кончился. Юлія подошла къ отцу.

— Папа, онъ совсѣмъ не умѣетъ тонцовать.

— Кто?

— Бешметевъ.

— Не можетъ быть; французскую пройдетъ.

— Какое французскую, онъ и польской не умѣетъ. Я съ нимъ ни за что не пойду; я ужь ему велѣла сказать, что у него нога болить. Владиміръ Андреичъ махнулъ рукою, говоря: хорошо!

— Какая непріятность! сказалъ онъ потомъ, выходя въ залу:— у насъ молодой нашъ отказывается отъ танцевъ, вчерашній день ногу ушибъ, выскакивая изъ кареты. Павелъ Васильичъ,— сказалъ онъ, обращаясь къ вдали стоящему Бешметеву;— что, ваша нога болить еще?

— Болить-съ, отвѣчалъ Павелъ.

— Досадно, а дѣлать нечего. Пойдите-ка, ба-

тюшка, у косячка, да полюбуйтесь какъ женушка съ другими будетъ любезничать; вотъ и узнаете, како во мужнино-то дѣло; ничего, привыкайте.

Все это Владиміръ Андреичъ говорилъ довольно громко, такъ что слышали все почти кавалеры и многія дамы. Началась французская кадрили. Молодая танцевала съ шаферомъ.

Во время другой кадрили въ залу вошелъ Бахтіаровъ. Въ этотъ разъ, кажется, онъ еще былъ молодcovатѣе и интереснѣе собою. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго. Онъ прямо подошелъ къ невѣстѣ, поздравилъ ее, потомъ поздравилъ понавшаго ему на встрѣчу Владиміра Андреича, и поклонился Павлу. А вслѣдъ затѣмъ, въ своей обычной, равнодушной позѣ, расположился стоять у окна, объявивъ рѣшительно хозяйину, что онъ танцовать не будетъ. Молодая, не смотря на то, что очень была грустна и разстроена, замѣтила, что Бахтіаровъ пріѣхалъ очень блѣденъ и чѣмъ-то разсерженъ; она слышала его отказъ танцовать и перетолковала все это рѣшительно въ свою пользу; «онъ, вѣрно, влюбленъ въ меня,» думала она, — «страдалъ, услыхавъ, что я выхожу замужъ, и потому очень блѣденъ и разстроенъ; но она этому очень рада и начнетъ его мучить съ этого-же вечера.» По окончаніи кадрили, Юлія подошла къ Павлу, сидѣвшему не вдалекѣ отъ Бахтіарова.

— Какъ жаль, Поль, что ты не танцуешь! Я-бы желала съ тобою только танцовать.

Павель быстро всталъ на ноги; на глазахъ его, кажется, навернулись слезы; онъ никакъ не ожидалъ подобной выходки; ему было и стыдно, и пріятно. Юлія Владиміровна подала ему руку. Павель

едва догадался, что ему надобно было поцѣловать эту руку.

Начались снова танцы. Бахтіаровъ не танцевалъ; Юлія Владиміровна, чтобы окончательно взбѣсить губернскаго льва, казалась веселою, счастливою и нѣсколько разъ обращалась съ нѣжными выраженіями къ Павлу; но Бахтіаровъ уѣхалъ, и она сдѣлалась грустна, задумчива и рѣшительно не стала замѣчать мужа. Павелъ все стоялъ у припѣлки, и все глядѣлъ на жену. Наденька очень любезничала съ однимъ молодымъ чиковникомъ, необыкновенно-ловко танцовавшимъ вальсъ. Перепетуя Петровна рѣшительно выходила изъ себя отъ невниманія, оказаннаго ей хозяиномъ: ей даже не посадили играть въ преферансъ. Владиміръ Андреичъ рѣшительно былъ занятъ губернскими тузами, а Марья Ивановна все егозила около помѣщицы трехъ-тысячъ душъ.

За ужиномъ Перепетуя Петровна поставлена была въ такое положеніе, что только отъ стыда не расплакалась. Мало того, что она, какъ-бы слѣдовало посаженной матерп, не была посажена на первое мѣсто, мало этого, —цѣлый столъ голодала она, какъ собака, и попила только кваску. Вотъ въ чемъ дѣло: свадебный день былъ постный, а столъ былъ приготовленъ скоромный, и у добраго хозяина не стало на столько вниманія, чтобы узнать: нѣтъ-ли такихъ гостей, которые не ѣдятъ скоромнаго. «Что она, попадья что-ли какая? Она, кажется, дворянка, и можно сказать, тутъ первое лицо: для нея-бы для одной можно приготовить столъ приличный. Феоктиста Саввишна —извѣстное мелево, —ей хоть козла подай на страстной недѣлѣ, такъ съѣсть. Сами посудите, въ какое она поставлена была положеніе, точно проклятая

какая-нибудь, ни къ чему прикоснуться не можетъ; не скоромиться-же нарочно для этого раза; кромѣ грѣха, тутъ нѣкоторые знаютъ, что она соблюдаетъ посты. Это, просто, насмѣшка!» Вотъ что думала Перепетуя Петровна, сидя за столомъ; гнѣвъ ея возрасталъ съ каждымъ блюдомъ, у ней едва доставало присутствія духа сказать, что она не ужинаетъ; сами-же хозяева какъ-будто бы этого ничего не замѣчали и не видѣли. Невѣста была блѣдна и ничего не ѣла, Павелъ тоже сидѣлъ, потупившись, и ни къ чему не прикасался.

— Посмотрите, имъ ужъ хлѣбъ нейдетъ на умъ, — замѣтилъ армейскій офицеръ сидѣвшему около него молодому человѣку съ рѣшительными манерами, съ которымъ мы еще въ собраніи познакомились.

Молодой человѣкъ, съ прическою *à la diable m'emporte*, сдѣлалъ гримасу и, проговоря: это все глупости! залпомъ выпилъ стаганъ краснаго вина. Послѣ ужина балные гости всѣ разъѣхались; остался одни только непосредственные участники свадьбы. Молодыхъ проводили въ спальню съ извѣстными церемоніями. Видимымъ образомъ, кажется, все шло своимъ порядкомъ. Впрочемъ, Перепетуя Петровна никакъ не могла удержаться, чтобы не высказать своего неудовольствія Владиміру Андреичу.

— Позвольте васъ поблагодарить за ваше вниманіе и угощеніе, говорила она, прощаясь съ хозяевами: мы хоть, конечно, и небогаты, но все-таки понимаемъ что-нибудь, и постараемся съ своей стороны отплатить тѣмъ-же, что сама получили. Проговоря это, она раскланялась и ушла въ лакейскую.

На другой день свадьбы въ чайной дома Кураевыхъ происходилъ слѣдующій разговоръ, который включница

Максимовна, пользовавшаяся отъ господъ большимъ довѣріемъ за пятнадцатилѣтнія передъ ними сплетни на всю остальную братію, вела съ одною ея знакомой торговкою:

— Ну что, матушка Марья Максимовна, каковъ вашъ молодой-то баринъ? спрашивала та.

— Смпренекъ очень, Ѳедотовна; не подъ пару нашей-то, я люблю сказать правду: ей-бы надобно муженька посердитѣе, чтобы побранивалъ да пошколпивалъ. А этому она скоро голову свернетъ.

— Вишь ты, какое дѣло! завлючила глубокомысленно торговка.

ХІІ.

Домашнія сцены.

Болѣе полугода прошло послѣ женитьбы Павла. Наступила снова зима, снова начались удовольствія. Въ городѣ ничего не случилось достопримѣчательнаго. Значительной перемѣны въ жизни главныхъ лицъ моего разсказа никакой не было. Павелъ жилъ съ женою и съ матерью. Кураевъ не увѣжалъ еще въ Петербургъ; хорошіе пріятели его по-сю-пору еще не пріискали ему тамъ частнаго мѣста. Лизавета Васильевна жила въ деревнѣ. Перепетуя Петровна рѣшительно разошлась съ своимъ роднымъ племянникомъ, даже голубушку-сестрицу третій мѣсяць не видала. Она нѣкоторымъ образомъ, дѣйствительно, была права въ своемъ неудовольствіи на Бешметевыхъ: во-первыхъ, если читатель помнитъ поступокъ съ нею Владиміра Андреича на свадьбѣ, то, конечно, уже согласится, что это посту-

покъ северный; во-вторыхъ, молодые, дѣлая визиты, объѣхали сначала всѣхъ знатныхъ знакомыхъ, а къ ней уже пожаловали на другой день послѣ обѣда, и потомъ, когда она начала имъ за это выговаривать, то оболтусъ племянникъ, по обыкновенію, сдѣлалъ дуракомъ, а племянница вздумала еще вздернуть свою ность и съ гримасою проищать, что если, говорить, вамъ неприятно наше посѣщеніе, то мы и совсѣмъ не будемъ ѣздить, а послѣ и клянутся перестала. Она ужъ сама не станетъ заискивать: извините, — не такого характера, и потому совершенно прервала съ благодарными всякое сношеніе и подала на Павла ко взысканію вексель. Впрочемъ, она очень тосковала, что не видитъ бѣдную сестрицу, и каждый день посылала Палашку навѣдаться о ея здоровьѣ, а тутъ къ слову, конечно, спрашивала, каково поживаютъ и молодые. Палашка, обыкновенно, на вопросъ Перепетуи Петровны, сначала отвѣчала, что все, — слава Богу, — хорошо, а ужъ послѣ кой-что и поразскажетъ. Изъ разсказовъ ея Перепетуя Петровна узнала, что Владиміръ Андреичъ по-сю-пору еще ничего не далъ за дочкою; что въ приданое приведенъ всего только одинъ Спиридонъ Спиридонычъ, и тотъ ничего не можетъ дѣлать, только развѣ пылъ со столовъ согреть да подсвѣчники вычистить, а то все лежитъ на печи, но хвастунъ большой руки; что даже гардероба очень мало дано, — всего четыре шелковыя платья, а изъ бѣлья такъ — самая малость. Хозяйствомъ молодая барыня ничего не занимается, даже столъ приказываетъ самъ Павелъ Васильичъ, а она все для себя пзволить дѣлать наряды, *этта* на дняхъ отдала одной портнихѣ триста рублей; что молодые поживаютъ въ разныхъ

комнатахъ: Юлія Владиміровна взяла себѣ кабинетъ Павла Васильича и всѣ окошки обвѣшала тонкой-пре-тонкой кисеей, а баринъ почиваетъ въ угольной, днемъ же постель убирается; что у нихъ часто бывають гости, особенно Бахтіаровъ, что и сами они часто ѣздятъ по гостямъ: Павлу Васильичу иногда и не хочется, такъ Юлія Владиміровна сейчасъ изволятъ закричать, расплачутся и въ истерику впадутъ. Слушая эти рассказы, Перепетуя Петровна обыкновенно приговаривала: «такъ ему дураку и надобно,—еще по щекамъ будетъ бить; какъ бы родство-то свое больше уважалъ да почиталъ, такъ бы не то и было!»

Вечеромъ, наканунѣ новаго года, Павелъ сидѣлъ въ комнатѣ у матери. Старуха цѣлую осень замѣтно слабѣла, а этотъ день съ нею повторился параличный припадокъ; послали за докторомъ, который поставилъ ей около десятка горчишниковъ и обвѣшался ночью еще разъ захватъ. Видно было, что онъ даже опасался за жизнь больной, которая была въ совершенномъ безпамятствѣ и никого не узнавала. Павелъ послалъ сказать Перепетуѣ Петровнѣ и отправилъ нарочнаго къ сестрѣ. Не смотря на болѣзнь матери, Юлія Владиміровна не было дома,—она находилась у модистки, гдѣ дѣлалось для нея новое платье, въ которомъ она должна была явиться на балъ въ дворянское собраніе. Павелъ былъ худъ и блѣденъ. Видно, золотое время для новобрачныхъ не слишкомъ-то счастливо прошло для него. Онъ сидѣлъ около больной и держалъ ее за руку; ключница Марья стояла въ ногахъ пригорюнившись и вздыхала; молодая горничная дѣвка приготовляла новый горчичникъ, перемаравъ въ немъ руки и лицо. Приѣхала Юлія Владиміровна, въ сопровожденіи гри-

зетки, бережно несшей новое платье. Сначала она прошла въ свой кабинетъ или, какъ она его называла, будуаръ, и еще разъ начала примѣривать обнову. Платье сидѣло необыкновенно ловко. Юлія Владиміровна съ полчаса любовалась передъ большимъ зеркаломъ своимъ платьемъ и собой; она оглядывала себя во всевозможныхъ положеніяхъ—и спереди, и съ боковъ, и загибала даже голову, чтобы взглянуть на свою турнюру, и потомъ подвигала стулъ и садилась, чтобъ видѣть, каково будетъ платье, когда она сядетъ. Платье было отличное. Переодѣвшись Юлія Владиміровна вошла въ комнату больной.

— Что-жь вы собираетесь? По-сю-пору не бриты, сказала она, не поздоровавшись съ мужемъ.

— Я сегодня не могу ѣхать, Юлія, проговорилъ Павелъ.

— Вотъ прекрасно! вотъ хорошо! — вскрикнула Юлія какимъ-то непріятно звонкимъ голосомъ: — зачѣмъ же я платье дѣлала? зачѣмъ вы это меня дурачите?

— Вы видите, матушка умираетъ.

— Скажите пожалуйста, что выдумалъ! Во-первыхъ матушка не умираетъ, а обыкновенно больна; а во-вторыхъ, развѣ вы можете, что тутъ будете сидѣть?

— Воля твоя, я не въ состояніи.

— И вы рѣшительно говорите?

— Вы знаете, когда можно ѣхать, я ѣду.

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ, что вы рѣшительно не хотите ѣхать.

— Я не могу ѣхать

— Очень хорошо! отлично! вы думали меня испугать—ужасно испугалась, — я одна поѣду.

Павелъ ничего не отвѣчалъ.

— И непременно поѣду. Нарочно; зналъ, что мнѣ хочется, выдумалъ предлогъ, какого совсѣмъ нѣтъ.

— Предлогъ у васъ передъ глазами, Юлія.

— Никакого у меня нѣтъ передъ глазами предлога, а есть только ваши выдумки... я одна поѣду.—Проговоря это, Юлія вышла въ угольную, и надувши губы, сѣла на диванъ. Спусти нѣсколько минутъ, она начала потихоньку плакать, а потомъ довольно громко всхлипывать. Павелъ прислушался и тотчасъ догадался, что жена плачетъ. Онъ тотчасъ было всталъ, чтобъ идти къ ней, но раздумалъ и опять сѣлъ. Выхлипыванія продолжались. Герой мой не въ состояніи былъ долѣе выдержать свой характеръ: онъ вышелъ въ угольную и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на жену. Юлія, при его приходѣ, еще громче начала рыдать.

— О чемъ же вы плачете? спросилъ онъ.

— Всегда — напротивъ, говорила сквозь слезы Юлія:—если бы я знала, я просила бы папеньку. Какъ я поѣду одна? Зачѣмъ же я дѣлала платье? Вѣчно съ вашими глупостями; я не служанка ваша... Смѣяться надо мной, поутру собиралась, а вечеромъ сиди дома.

— Ахъ, какъ вы малодушны!

— Самъ ты малодушенъ—тюфякъ!

Павелъ улыбнулся и сѣлъ около жены, но Юлія отодвинулась на другой конецъ дивана.

— Не извольте садиться около меня... неблагодарный... вчера что вечеромъ говорилъ?

— Я и теперь скажу то же.

— Очень нужны мнѣ твои слова!.. Притворяется

туда же: умереть для васъ готовъ, а съѣздить на вечеръ не хочется!

— Какъ вы несправедливы ко мнѣ! Что, если мы побѣдемъ, а матушка умретъ,—что даже посторонніе скажутъ? Съ какими чувствами мы будемъ веселиться?

— Вотъ прекрасно!—съ какими чувствами! прибавите ли все сплѣтъ да плакать? Подите вонъ: видѣть васъ не могу!—Наказаль меня Богъ по милости папеньки. Наденька теперь, я думаю, ужь совсѣмъ одѣлась.—При этихъ словахъ Юлія снова залилась слезами и упала на подушку дивана.

— Юлія, это вѣдь смѣшно, вы ребячитесь, сказалъ Павелъ, подходя снова къ женѣ.

— Отойдите отъ меня, вскрикнула Юлія, толкнувъ мужа рукой, и продолжала плакать.

Павлу жаль было жены; онъ, замѣтно, началъ сдаваться.

— Не плачьте, Юлія, я поѣду, проговорилъ онъ.

Юлія не унималась.

— Я поѣду, я пойду сейчасъ бриться.—Ну, вотъ видите, пошелъ бриться, говорилъ Павелъ, и дѣйствительно, пошелъ въ залу.

По уходѣ мужа, Юлія тотчасъ встала и утерла глаза.

— Дуракъ этакій, говорила она про себя, глядясь въ зеркало:—вотъ, теперь съ красными глазами поѣзжай на балъ,—очень красиво!

Мужъ и жена начали одѣваться. Павелъ уже готовъ былъ чрезъ четверть часа и, въ ожиданіи одѣвавшейся еще Юліи, пришелъ въ комнату матери и сѣлъ задумавшись около ея кровати. Послышались шаги и голосъ Перепетуи Петровны. Павелъ обмеръ: онъ предчувствовалъ, что безъ сцены не обойдется, и

что тетка непременно будетъ протестовать противъ ихъ поѣздки.

— Батюшки мои! Что это у васъ надѣлалось?—говорила Перепетуя Петровна, входя впопыхахъ въ комнату и не замѣчая Павла. Господи! она совсѣмъ кончается... Матушка сестрица! Господи! какой въ ней жаръ! Да былъ ли у нея лекаръ-то?

— Лекаръ былъ, тетушка, произнесъ Павелъ. Перепетуя Петровна наконецъ замѣтила племянника.

— Что, батюшка, — сказала она, — уморилъ матушку-то, дождался этого счастія? Смотри, какимъ франтомъ, модный какой!.. На какой радости-то?.. Что мать-то умираетъ что ли?

Павелъ не смѣлъ объявить теткѣ, что онъ ѣдетъ въ собраніе. Но Перепетуя Петровна сама догадалась.

— На балъ, что ли, они куда ѣдутъ праздновать кончину матери? спросила она, обращаясь къ ключницѣ. Марѳа молчала.

— На балъ, что ли, ѣдете съ супругой-то? продолжала она, обращаясь къ Павлу.

— Насъ звали, тетушка, на дворянскій балъ.

— Да что, Павелъ Васильичъ, съ ума, что ли, вы сошли, помѣшался, что ли, вы совсѣмъ съ своей благовѣрной-то? Царица небесная! Не позволю срамить вамъ нашего семейства! Извольте сейчасъ раздѣваться и остаться при матери, и жену не пускайте. Что такое? на что это похоже? Вы, пожалуй, и на похороны-то цыганскій таборъ приведете, дыгане этакіе... фигуранты! только по баламъ ѣздить! Проюрдонитесь еще, по міру пойдете! Много отвалили за женушкой-то? въ кулакъ, я думаю, все приданое унесешь! Несмѣйте, сударь, ѣздить!

Старуха въ это время застопила.

— Матушка моя! Голубушка! и ты мучишься, — какъ не мучиться, видя эту самую неблагодарность и безстыдство! Мое не такое здоровье, да и то въ груди закололо.

Въ это время въ комнату вошла совсѣмъ одѣтая Юлія. Увидѣвъ тетку, она нахмурила брови и даже не поклонилась ей, но обратилась къ мужу.

— Что-жь? поѣдемъ, пора!

Павелъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Перепетуя Петровна вся вспыхнула.

— Нѣтъ, не пора и не можетъ быть пора, потому что у него мать умираетъ.

Юлія сдѣлала гримасу и продолжала натягивать французскія перчатки.

— Велите подавать лошадей, — сказала она стоявшей тутъ горничной.

— Велите отложить лошадей, перебила Перепетуя Петровна, поднимаясь со стула и придя въ совершенный азартъ. — Павелъ Васильичъ, что же вы молчите? Велите сейчасъ отложить лошадей. Оставайтесь дома и оставьте и ее: она не смѣетъ противъ вашего желанія дѣлать!

Юлія взглянула на Перепетую Петровну и залилась самымъ обиднымъ смѣхомъ.

— Что ваша тетка, вѣрно, сумасшедшая? спросила она Павла.

Перепетуя Петровна, не слишкомъ осторожная въ собственныхъ выраженіяхъ, не любила впрочемъ, чтобъ ей говорили дерзости.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая, а сумасшедшія-то вы съ муженькомъ! Какъ вы смѣли мнѣ это сказать? Я, сударыня, дворянка... почище васъ... я не выходила въ

одной рубашкѣ замужъ... не командовала своимъ мужемъ. Я не позволю ругаться нашимъ семействомъ, которое васъ благодѣтельствовало,—нищая этакая! Какъ вы осмѣлились сказать мнѣ это? Не смѣй ѣхать! Говорятъ тебѣ, Павелъ, не смѣй ѣхать. Командирша какая!.. Много ли лошадей-то привели? клячи не дали. Франтить, туда же! Слава Богу, пріютили подъ кровлю, кормятъ... такъ нѣтъ еще...

Юлія сначала съ презрѣніемъ улыбалась; потомъ въ лицѣ ея появились какія-то кислыя гримасы, и при послѣднихъ словахъ Перепетуи Петровны, она рѣшительно не въ состояніи была себя выдержать и, проговоря: «сама дура!» вышла въ угольную, упала въ кресло и принялась рыдать, выгибаясь всѣмъ тѣломъ. Павелъ бросился къ женѣ и сталъ даже передъ нею на колѣни, но она толкнула его такъ сильно, что онъ едва устоялъ на мѣстѣ. Перепетуя Петровна, стоя въ дверяхъ, продолжала кричать: — Вишь, какъ кобенится, вишь, какъ гнетъ, вставай, батюшка, на колѣни, еще пощечину дасть; вотъ такъ, въ губу бы еще ногой-то! Таковскій...

— Ой-ой! умпраю! кричала Юлія.

Больная, обезпокоенная крикомъ, застонала. Павелъ былъ точно помѣшанный; не помня себя, вошелъ снова въ комнату матери и сѣлъ на прежнее мѣсто.

Чтобы окончательно дорисовать эту драматическую сцену, явился Михайло Николаичъ Масуровъ, весь въ мѣду, съ взъерошенными волосами и съ выбившеюся изъ-подъ жилета манишкою. Вошелъ онъ, по обыкновенію, быстро. Первый предметъ, попавшійся ему на глаза, была лежавшая на диванѣ Юлія.

— Это что такое? — проговорилъ онъ: — вѣрно

умерла матушка? Юлія Владиміровна! Юлія Владиміровна, что вы такое дѣлаете?

Вслѣдъ за тѣмъ Масуровъ вошелъ въ спальню матери и увидѣлъ тамъ сидѣвшаго Павла и державшагося обѣими руками за голову. Перепетуя Петровна въ это время была въ дѣвичьей, и передъ лицомъ дѣвокъ ругательски ругала ихъ молодую барыню и, запретивъ имъ строго ухаживать за ней, велѣла тотчасъ же отложить лошадей.

— Что они угорѣли всѣ, что ли? Матушка-то, кажется, жива... еще дышитъ. Павелъ Васильчъ, братецъ! полноте, что вы тутъ дѣлаете?

— Спасите жену, она умираетъ,—проговорилъ Павелъ:— Бога ради,—спасите.

Масуровъ пожалъ плечами и пошелъ къ Юліи.

— Должно быть, угорѣли; старуху, вѣрно, оттого и схватило.

Юлія, попрежнему, лежала на диванѣ, съ закрытыми глазами, всхлипывая и вздрагивая всѣмъ тѣломъ; по щекамъ ея текли крупныя слезы.

— Сестрица! Юлія Владиміровна! вставайте, перестаньте плакать, что это вы дѣлаете? Перестаньте гнуться, шею сломаете,—хоть я вамъ платье-то разтегну. Платье-то какое славное, видно, бальное.

Масуровъ остановился и нѣсколько минутъ посмотрѣлъ на невѣстку.

— Что-жъ мнѣ съ ней дѣлать? Ей-богу, не знаю: развѣ водой вспрыснуть?... пожалуй, умретъ еще: никого нѣтъ, проклятыхъ.

Съ этими словами онъ вышелъ въ залу, въ лакейскую; но и тамъ никого не было изъ людей. Дѣлать было нечего, Масуровъ вышелъ на дворъ. на-

бралъ въ пригоршни снѣгу и, вслѣдъ затѣмъ, вернувшись къ своей пациенткѣ, началъ обкладывать ей снѣгомъ голову, лицо и даже грудь. Юлія сначала задрожала, чихнула и, открывъ глаза, начала потихоньку приподыматься. Павелъ, подглядывавшій потихоньку всю эту сцену, хотѣлъ-было, при началѣ леченія Масурова, выйти и остановить его; но, увидя, что жена пришла въ чувствво, онъ только перекрестился, но войти не рѣшился и снова сѣлъ на прежнее мѣсто. Между тѣмъ Юлія совершенно уже опомнилась и, водя рукою по лбу, какъ-бы старалась припомнить все, что случилось.

— Здравствуйте, сестрица! что это такое съ вами? Я думалъ, что вы совсѣмъ ужь умерли.

— Велите подать лошадей мнѣ,—говорила она,—я не могу здѣсь оставаться: меня скоро бить начнутъ. Скорѣй лошадей мнѣ! Онѣ заложены.

Масуровъ вышелъ и скоро вернулся.

— Лошади отложены, сестрица! сказалъ онъ.

Юлія пожала плечами.

— Есть съ вами лошади? Дайте мнѣ вашихъ лошадей.

— У меня извозчикъ, ма сœur.

— Ничего, проводите меня.

— Извольте, сестрица, да вотъ какъ же Павелъ-то Васильичъ? Ему надобно сказать: онъ очень беспокоится.

— Пусть онъ беспокоится о своей мерзкой тетукѣ! Дайте мнѣ салопъ; онъ въ лакейской виситъ.

Масуровъ повиновался. Юлія уѣхала.

— Куда это Юлія поѣхала? спросилъ Павелъ, выйдя къ Масурову.

— Право, не сказала. Вотъ, узнаемъ отъ извозчика, какъ вернется. Что такое у васъ вышло?

Павель вздохнулъ и не въ состояніи былъ ничего сказать. Явилась Перепетуя Петровна и рассказала Масурову, въ чемъ дѣло было.

Вернувшійся извозчикъ донесъ, что Юлія поѣхала къ отцу. Масуровъ еще съ полчаса пробылъ у брата и по своему успокоивалъ его и тетку. Павлу онъ говорилъ, что это ничего, что у него Лиза первый годъ, вышедши замужъ, каждый день падала въ обморокъ, что будто бы дѣвушки, сдѣлавшись дамами, всегда бываютъ какъ-то раздражительны, и что только на это не надобно смотрѣть и много уважать. У Перепетуи Петровны онъ внимательно выслушалъ трижды рассказъ о злодѣйскихъ поступкахъ племянницы, и вполне согласился съ нею, что Юлія даже не стоитъ названія благородной женщины; а потомъ, объяснивъ, что онъ еще не доигралъ партію въ бостонъ, отправился, куда ему нужно. Перепетуя Петровна осталась у сестры и говорила, что она пробудетъ у нея всю ночь и день, хоть бы отъ этого ея племянницу разорвало пополамъ, потому что для ней, Перепетуи Петровны, обязанности сестры всего дороже.

Между-тѣмъ какъ происходили такого рода происшествія, Владиміръ Андреичъ сидѣлъ дома и встрѣчалъ новый годъ одинъ. Онъ слегка страдалъ подагрой и потому, боясь простуды, не выѣзжалъ. Семейство же свое онъ не хотѣлъ лишиться удовольствія и отпустилъ Марью Ивановну съ Наденькой на дворянскій балъ. Владиміръ Андреичъ былъ на этотъ разъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Онъ только сегодня поутру получилъ письмо изъ Петербурга, извѣ-

щавшее его, что, наконецъ, нашли ему тамъ мѣсто, и въ настоящее время онъ разсчитывалъ свои средства. Отъ заложеннаго въ опекунскій совѣтъ имѣнія онъ совсѣмъ хотѣлъ отступиться. Частные долги у него были всѣ по мелочи и по роспискамъ. Слѣдовательно, о нихъ беспокоиться было нечего. Онъ продастъ домъ, экипажи, лошадей, мебель, всю домашнюю утварь, — всего будетъ тысячь пятнадцать, — и, слѣдовательно, пріѣхать въ Петербургъ и обзавестись на первый разъ будетъ у него съ избыткомъ, Наденьку сейчасъ же, по пріѣздѣ въ Петербургъ, выдастъ замужъ, а Марья Ивановна на весь домашній расходъ будетъ давать двѣ тысящи, а остальные двѣ тысящи на собственное удовольствіе, — недурно, право недурно.

На этой самой мысли Владиміра Андреича вошла Юлія.

— А! ты какъ появилась? Что это значитъ, и въ бальномъ платьѣ? Отчего ты не на балѣ?

Юлія молча поцѣловала руку отца и, бросившись въ кресла, закрыла глаза платкомъ.

— Что съ тобой, Джули?—спрашивалъ, удивленный и нѣсколько испуганный, Владиміръ Андреичъ.

— Я не могу съ нимъ жить, папа.

— Съ кѣмъ не можешь жить?

— Съ мужемъ... Меня разругали, обидѣли.. выгнали...

Владиміръ Андреичъ сильно обезпокоился.

— Кто тебя разругалъ? Кто тебя выгналъ?

— Онъ, съ своей мерзкой теткой; она говоритъ, что я нищая, что они меня хлѣбомъ кормятъ...

При этихъ словахъ Юлія заидась слезами.

— Ей-богу, ничего не понимаю! Перестань плавать-то; разсважи, что такое?

— Сегодня поутру...

— Ну?

— Сегодня поутру я собралась ѣхать на балъ, онъ — ничего... хотѣлъ ѣхать...

— Дальше.

— Потомъ я, послѣ обѣда, поѣхала за этимъ платьемъ; прѣзжаю, ужь совсѣмъ не то: «я, говоритъ, не могу ѣхать, матушка умираетъ»... ну, вѣдь, знаете, папа, она каждый день умираетъ.

— Ну, конечно. Старуха полумертвая, давно бы ужь ей пора въ Елисейскія поля! Продолжай.

— Я начала ему говорить, что это нехорошо, что я сдѣлала платье; ну, опять ничего, согласился: виднѣть, что я говорю правду. Совсѣмъ ужь собрался. Вдругъ чортъ приноситъ этого урода толстаго, Перепетую, и кинулась на меня... Ахъ! папа, вы, я думаю, дѣвку горничную никогда такъ не браните, я даже не въ состояніи передать вамъ. Съ моимъ-то самолюбіемъ, каково мнѣ все это слышать!

— Ну, что же онъ-то?

— Ну, что онъ... какъ будто вы, папа, не знаете его, тюфяка; вѣдь онъ очень глупъ. Я не знаю, какъ вы этого не видите.

Владиміръ Андренчъ задумался и началъ ходить по комнатѣ.

— Во-первыхъ, тебя, стало быть, не выгоняли, а бранилась только эта дура, Перепетуй. Отчего-жь ты сама ее не бранила?

— Я не могу, папа. Я только и назвала ее дурой.

У меня грудь захватило, и сдѣлалась со мною, по обыкновенію, истерика.

Владиміръ Андреичъ снова задумался и началъ ходить большими шагами по комнатѣ.

— Все это пустяки, — произнесъ онъ послѣ долгаго молчанія. — Я сейчасъ выпишу его сюда и дамъ ему хорошую головомойку, чтобъ онъ дурьей породѣ своей не позволялъ властвовать надъ женою.

— Выпишите, папа, и поговорите, чтобъ онъ просто не пускалъ въ домъ эту мерзавку-тетушку.

Владиміръ Андреичъ сѣлъ и написалъ зятю записку слѣдующаго содержанія: «Павелъ Васильичъ! прошу васъ покорно, не медля, пожаловать ко мнѣ; мнѣ нужно очень съ вами объясниться. Надѣюсь, что исполните мое желаніе.

«Доброжелатель вашъ такой-то...»

— Припиши и ты, Юлія, — сказалъ Кураевъ, подавая дочери записку.

Юлія написала: «Павелъ! пріѣзжай сію секунду къ папенькѣ; въ противномъ случаѣ ты никогда меня не увидишь.»

Человѣкъ былъ отравленъ.

— Есть ли вамъ жить-то чѣмъ? Деньги есть ли у васъ? — спросилъ Кураевъ.

— Какія, папа, деньги! На-дняхъ пятьсотъ рублей заняли, а теперь всего двѣсти осталось. Вы ему поговорите о службѣ; служить не хочетъ.

— Отчего же не хочетъ?

— Оттого, что въ Москву хочетъ ѣхать; профессоромъ, говоритъ, меня тамъ сдѣлаютъ. Какой онъ профессоръ! Я думаю, ничего и не знаетъ.

— Что-жь, ему намъ съждази, что ли?

— Я не знаю. Поговорите ему, пожалуйста. Намъ скоро будетъ нечѣмъ жить совсѣмъ.

— То-то и есть поговорить... Самой надобно не малодушничать... Онъ человѣкъ добрый; изъ него можно, какъ изъ воску, все дѣлать. Изъ чего сегодня алярму сдѣлали! Очень весело судить васъ! Гдѣ нельзя силой, надобно лаской, любовью взять... такъ, вѣдь, нѣтъ, намъ все хочется повернуть, чтобы сейчасъ было по-нашему. Ну, если старуха дѣйствительно умираетъ, можно было бы и приостаться, не ѣхать, что за важность?

Юлія слушала выговоръ папеньки, потупившись. Явился Павелъ.

— Ну, что у васъ тамъ такое? Садитесь-ва сюда, началъ довольно ласково Владиміръ Андреечъ.

Павелъ сѣлъ и, кажется, рѣшительно не смѣлъ взглянуть на жену.

— Я васъ хочу попросить, Павелъ Васильичъ, — началъ Владиміръ Андреечъ: — пожалуйста, не позволяйте теткѣ въ вашемъ домѣ дѣлать такихъ комеражей!... Что это такое? На что это похоже? Между благородными людьми, образованными, браниться... фу ты, мерзость какая! Дочь моя такъ воспитана, что она рѣшительно не только не испытала на себѣ, даже не слыхала ничего подобнаго; даже не въ состояніи была передать мнѣ всѣхъ сальныхъ выраженій: ея языкъ не поворачивается! Конечно, это происходитъ отъ невѣжества Перепетуи Петровны, такъ ваша обязанность остановить ее. Вы, кажется, человѣкъ, получившій воспитаніе. Не нравится, не ѣзди... Какая въ вамъ надобность въ ней?

— Она пріѣхала къ матушкѣ.

— Прекрасно! Такъ она и сяди у матушки. На васъ-то она какое имѣетъ вліяніе? До васъ ей какое дѣло? Помилуйте, въ нашемъ образованномъ вѣкѣ отцы родные не мѣшались въ семейныя дѣла дѣтей. Ну, вотъ, я, скажите пожалуйста, мѣшался ли хоть во что-нибудь? позволилъ ли я себѣ оскорбить васъ хоть какимъ-нибудь ничтожнымъ словомъ? Вы вѣжливы, а я еще того вѣжливѣе, и прекрасно.

Павель сидѣлъ потупившись и, кажется, вполне соглашался съ словами Владиміра Андреича, будучи самъ убѣжденъ, что Перепетуѣ Петровнѣ не въ свое дѣло не слѣдовало мѣшаться.

— Ну, что матушка-то, скажите пожалуйста, плоха?

— Очень слаба. Сейчасъ былъ докторъ и пустилъ ей кровь.

— Да, вотъ еще кстати. Я, признаться сказать, хотѣлъ съ вами давно поговорить объ этомъ, — началъ Владиміръ Андреичъ. — Что вы съ собой думаете дѣлать? Отчего вы не служите?

Этотъ вопросъ очень смѣшалъ Павла.

— Я przygotowляюсь на магистра-сь.

— Что-жь, вы занимаетесь? повторяете старое, что ли, или впередъ учите?

— Ничего не дѣлаетъ, — подхватила Юлія.

— Нѣтъ еще. Я буду заниматься, — отвѣчалъ Павелъ, совершенно сконфузившись.

Съ самой свадьбы или, лучше сказать, съ самаго сговора онъ почти не бралъ книги въ руки. Сначала, какъ мы видѣли, хлопоталъ о свадьбѣ и мечталъ о грядущемъ счастіи, а потомъ... потомъ...

мы увидимъ въ послѣдствіи, что занимало умъ и сердце моего героя.

— Вотъ видите, что я вижу изъ вашихъ предположеній, — рассуждалъ Владиміръ Андреевъ. — Вы еще не начали заниматься, а времени ужъ у васъ много пропущено; а слѣдовательно, я полагаю, что вамъ трудно будетъ выдержать экзамень. Это я знаю по себѣ: я тоже первые чины получалъ по экзаменамъ, такъ куда это трудно! Ну, положимъ, что вы и выдержите экзамень, что-жь будетъ дальше?

— Я надѣюсь получить каведру профессора.

— Какъ же, то-есть, васъ сейчасъ и сдѣлаютъ профессоромъ послѣ экзамена?

— Нѣтъ еще... но большая надежда получить.

— Такъ, стало быть, это пустяки, одинъ только надежды. Нѣтъ, Павелъ Васильичъ, на жизнь нельзя такъ смотрѣть: жизнь серьезное дѣло; поговорка говорится: «не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки.» Полноте, батюшка, прінскивайте-ка здѣсь мѣсто; терять время нечего: вы теперь человекъ женатый. Вотъ, ужъ двѣнадцать часовъ. Честь имѣю васъ поздравить съ новымъ годомъ. Малый, дай шампанскаго! Вотъ видите, жизнь-то какова: пришелъ новый годъ, нужно бутылку шампанскаго, а эго стоитъ двѣнадцать рублей. Вотъ жизнь-то какова!

Подали бутылку шампанскаго. Владиміръ Андреевъ заставилъ дочку выпить цѣлый бокаль, а Павла стаканъ, и самъ тоже выпилъ стаканъ; а вслѣдъ затѣмъ, разгулявшись, предложилъ дѣтямъ еще, и самъ тоже выпилъ.

— Ну, теперь помиритесь же, да смотрите, не ссориться, жить въ любви. Юга, республукъ мужа, да

крѣпче, чтобъ сердце мое родительское радовалось.

Юлія подошла къ мужу и, все-таки нехотя, поцѣловала его; но Павелъ... Врно великое дѣйствіе оказываетъ на человѣка. Онъ обхватилъ жену и началъ цѣловать ее. Напрасно Юлія толкала его въ грудь, напрасно дѣлала гримасы: онъ не выпускалъ ея и цѣловалъ ея лицо, шею и грудь.

— Bravo... важно! — говорилъ старикъ: — выпьемте еще по стакану, а ты, Юлія, еще полбокала, непременно. Чокнемтесь!

Павелъ на этотъ разъ не заставлялъ себя упрашивать, залпомъ выпилъ стаканъ и совершенно ожилъ.

— Батюшка, я сдѣлаю все, что вы прикажете. Я готовъ умереть для Юліи. Юлія, я васъ боготворю.

— А тетка гдѣ?

— Тетка у насъ.

— Я, Павелъ, не пойду домой, если тетка у насъ, — возразила Юлія.

— Я ее прогоню, я ее въ шею вытолкаю, если хочешь.

— Въ шею толкать не слѣдуетъ, — замѣтилъ Владиміръ Андреечъ, — а напишите ей отсюда письмо, въ которомъ попросите ее убираться, куда ей угодно.

— Хоть двадцать напишу, — сказалъ Павелъ.

— И прекрасно, — сказалъ Владиміръ Андреечъ: — вотъ вамъ бумага.

Павелъ началъ писать, но, написавъ: «милостивая государыня Перепетуя Петровна!» остановился.

— Позвольте мнѣ вамъ продиктовать, — сказалъ Владиміръ Андреечъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Кураевъ началъ: «Давишній вашъ поступокъ, выходящій изъ всякихъ границъ приличія, постав- ляетъ меня въ необходимость попросить васъ неме- дленно удалиться изъ моего дома, въ который ни я, ни моя жена, въ противномъ случаѣ, не можемъ возвратиться, опасаясь скандалезныхъ сценъ, столь неприличныхъ и невыносимыхъ для каждаго образо- ваннаго человѣка.»

Павелъ написалъ и тотъ же часъ отправилъ это письмо къ себѣ на домъ. Бешметевъ еще часа два сидѣлъ у тестя. Допили всю бутылку. Въ припадкѣ нѣжности, Павелъ далъ слово Владиміру Андренчу отказаться отъ своей мысли о профессорствѣ и завтра же начать прискивать себѣ должность. Возвратив- шійся слуга донесъ, что Перепетуя Петровна, по по- лученіи письма, тотчасъ же уѣхала.

Павелъ, возвращаясь съ женою домой, обхватилъ ее, сверхъ обыкновенія, за талію и началъ цѣло- вать.

— Оставь, пожалуйста, пригласи завтра Бахтіарова у насъ обѣдать:—онъ такой милый, такъ любитъ тебя!

— Оставлю, душа моя, оставлю,—чего я для тебя не сдѣлаю? хоть это, знаешь, для меня...

— Что такое?

— Такъ, ничего... горько... немного...

— Вотъ какія глупости выдумалъ!

Пріѣхавъ домой, они застали священника, ко- торый соборовалъ старуху.

XIII.

Всякая всячина.

Старуха умерла. Смерть ея не произвела на Павла того сильнаго впечатлѣнія, вакого бы слѣдовало ожидать по его искренней къ ней любви. Герой мой думалъ о себѣ, о своемъ тяжеломъ и безотрадномъ положеніи. Не смотря на свою неопытность, онъ скоро, и очень скоро, догадался, что жена не любитъ его, что вышла за него замужъ такъ,—можетъ быть, для того только, чтобъ сдѣлаться дамой, можетъ быть даже, ее принудили къ тому. Павелъ проклиналъ свою недалновидность, помѣшавшую ему узнать чувства Юліи, когда она еще была невѣстой. «Что теперь мнѣ дѣлать?» думалъ онъ. «Буду стараться внушить ей любовь къ себѣ, буду угождать малѣйшимъ ея желаніямъ, прихотямъ, даже капризамъ. Постараюсь ей объяснить самого себя.» Утвердившись на этой мысли, Павелъ каждый день просыпался съ твердымъ намѣреніемъ высказать женѣ, какъ онъ ее любитъ, какъ онъ страдаетъ, видя ея холодность, и объяснить ей, что такимъ образомъ жить невозможно въ супружествѣ, — просить ее хоть приневоливать себя и постараться къ нему привыкнуть. Но герою моему не только не удавалось вполнѣ объяснитьсь съ женою, но даже заговорить объ этомъ. Юлія вѣчно была занята: она то капризничала и сердилась на Павла, то хлопотала о своемъ туалетѣ, то принимала гостей, или собиралась на балъ, и только иногда, — что, можетъ быть, случалось не

болѣ двухъ или трехъ разъ,—она дѣлалась какъ-бы внимательнѣе къ мужу и заговаривала съ нимъ ласково. Обрадованный Бешметевъ тотчасъ приступалъ къ объясненію; но Юлія слушала его довольно невнимательно и почти всегда перебивала просьбой—дать ей денегъ, или познакомиться съ какимъ-нибудь новопріѣзжимъ молодымъ человѣкомъ.

Такъ проходили дни за днями. Павелъ, какъ робкій любовникъ, подмѣчалъ каждое слово жены, каждое движеніе, каждый взглядъ ея, и старался ихъ перетолковать въ свою пользу. «Вотъ, она, кажется, начинаетъ привыкать ко мнѣ и любить меня», думалъ онъ; но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ видался невольно ему въ глаза такой поступокъ Юліи, который очень ясно выказывалъ не только отсутствіе любви, но даже уваженія.

Мученія Бешметева еще не ограничивались этимъ: онъ ужь ревновалъ Юлію къ довольно опасному человѣку, къ общему учителю мѣстныхъ губернскихъ мужей — Бахтіарову. Губернскій левъ бывалъ у нихъ довольно часто, но съ какой цѣлю,—рѣшить было трудно, потому что съ Юліей онъ былъ только въявивъ; но зато сама хозяйка очень много обнаруживала къ гостю вниманія. Она, обыкновенно, безъ всякой скрытности, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала его пріѣзда, съ самымъ глубокимъ вниманіемъ прислушивалась къ каждому его слову, не пускала его, когда онъ собирался ѣхать домой, и ревновала его ко всѣмъ городскимъ дамамъ. Въ его отсутствіе она старалась со всѣми говорить о немъ, и приходила въ искренній восторгъ, говори о его наружности или припомнивая рассказываемые имъ анекдоты.

Незадолго до смерти старухи, Бахтіаровъ сдѣлался гораздо внимательнѣе къ Юліи и началъ бывать у ней безъ Павла. Я не въ состояніи описать тѣхъ мученій, которыя переживалъ Бешметевъ. Нѣсколько разъ онъ думалъ отказать Бахтіарову отъ дома; но положитъ ли этимъ конецъ? Ему очень хотѣлось разспросить людей, что дѣлаетъ Бахтіаровъ, когда бываетъ у жены въ его отсутствіе; но и этого перой мой не рѣшался сдѣлать изъ деликатности: ему казалось, что подобными разспросами онъ унизитъ и себя, и Юлію.

Нечаянный пріѣздъ Лизаветы Васильевны значительно успокоилъ ревность Павла, во-первыхъ, потому, что Бахтіаровъ съ перваго же дня началъ къ нимъ ѣздить рѣже и снова сблизился съ Масуровымъ; а во-вторыхъ,—Лизавета Васильевна была на этотъ разъ откровеннѣе и вполнѣ посвятила Павла въ тайну своихъ отношеній къ Бахтіарову и своихъ чувствованій къ этому человѣку. Она рассказала брату, какъ губернской левъ съ перваго ея появленія въ обществѣ началъ за ней ухаживать, какъ она сначала привыкла его видѣть, потомъ стала находить удовольствіе его слушать и потомъ начала о немъ безпрестанно думать, однимъ словомъ — влюбилась и влюбилась до такой степени, что въ обществѣ и дома начала замѣчать только его одного; всѣ другіе мужчины казались ей совершенно ничтожными. Тогда какъ онъ владѣлъ всеми достоинствами: и умомъ, и красотою, и образованіемъ, а главное—онъ былъ очень несчастливъ, онъ очень много страдалъ прежде, а теперь живетъ на свѣтѣ съ растерзаннымъ сердцемъ, не зная, для кого и для чего. Съ юныхъ

лѣтъ онъ хотѣлъ быть чѣмъ-то выше посредственности и, можетъ быть, достигнулъ бы этого; но люди и страсти испортили его на первыхъ порахъ. Вотъ въ чемъ увѣрялъ ее Бахтіаровъ и просилъ у ней сочувствія, просилъ ее врачевать его больное сердце своею юною любовью. Лиза сочувствовала, тѣмъ болѣе, что все это такъ возможно, такъ походить на многихъ героевъ романовъ, которые она читала. Предусмотрительная Перепетуя Петровна замѣтила любовь племянницы къ Бахтіарову и довольно тонко начала съ того, что ласково вошла съ нею въ искреннее объясненіе по этому предмету. Довѣрчивая Лиза призналась теткѣ, что Бахтіаровъ говорилъ ей о любви своей и что она сама его тоже любитъ. Старая дѣвушка, услышавъ, какой опасности подверглась ея племянница, всплеснула руками и подняла на цѣлый домъ тревогу: разбранила не слишкомъ деликатно Лизу за ея будто бы безнравственные поступки и, призвавъ сестру и зятя, торжественно объявила имъ, что дочь ихъ погибла, потому что ее поймалъ въ свои сѣти модникъ Бахтіаровъ. Старики перепугались и уже всѣмъ хоромъ принялись бранить Лизу, толкуя ей каждый по-своему, что мужчина имѣетъ право говорить о любви только невѣстѣ; если же онъ скажетъ это не невѣстѣ, то тотчасъ же долженъ сдѣлать предложеніе; въ противномъ случаѣ онъ низкій человѣкъ и ищетъ только одной гибели дѣвушки. Въ примѣръ приведена была какая-то Машенька Жилова, которую увезъ музыкальный учитель и потомъ бросилъ, а потомъ это уморило старика ея отца, уморило потомъ и ее самое. Лиза плакала въ продолженіе всѣхъ этихъ выгово-

ровъ, плакала и остальной весь день, а къ вечеру написала Бахтіарову письмо, въ которомъ, пересказавъ о случившемся, просила его на другой же день сдѣлать ей предложеніе и успокоить папеньку, маменьку и ее. На это письмо Бахтіаровъ на другой день прислалъ самый страстный отвѣтъ, въ которомъ, проклиная судьбу, признался, что онъ жениться не можетъ, потому что женатъ, но умолялъ Лизу любить его попрежнему и не проклипать его. Лиза цѣлую недѣлю послѣ этого открытія не осушала глазъ; но видѣть Бахтіарова уже болѣе не хотѣла. Каждодневные визиты, дюжина самыхъ страстныхъ писемъ, даже нѣсколько ночныхъ прогулокъ подъ окнами со стороны губернскаго льва остались безъ всякаго успѣха. Ему не удавалось ни видѣться, ни поговорить съ m-me Бешметевой. Родственная Перепетуя Петровна, чтобы окончательно исправить бѣду, не замедлила прискаты для племянницы жениха въ особѣ Михаила Николаича Масурова. Старики согласились; Лиза тоже согласилась, и чрезъ недѣлю была сыграна свадьба, а чрезъ мѣсяць молодые супруги уѣхали въ дальнее имѣніе Масурова, въ которомъ, по его словамъ, были три каменные усадьбы.

Лизавета Васильевна не переставала любить Бахтіарова. Мужа она не уважала. Встрѣчу ее съ Бахтіаровымъ и дальнѣйшую тактику съ той и другой стороны мы видѣли уже прежде. Въ деревню уѣхала Лизавета Васильевна послѣ свиданія съ теткою, отъ которой она узнала всѣ городскіе толки; но, кажется, главною причиною ея отъѣзда было то, что бѣдная женщина стала очень бояться самое себя. Живя въ деревнѣ она приходила въ состояніе полного отчаянія:

ходила въ весеннее время по сырой землѣ въ однихъ башмакахъ, съ цѣлю получить горячку, — вздила верхомъ на невыѣзженныхъ лошадяхъ, и — вотъ теперь разстроила свое здоровье совершенно. Бахтіаровъ писалъ къ ней нѣсколько писемъ, надъ которыми плакала она по цѣлому дню, но не допускала себя прочитать ихъ и даже нераспечатанными отправляла обратно. Но теперь она чувствуетъ себя болѣе способною владѣть собою и не допустить Бахтіарова заговорить съ нею о любви; но не видѣтъ его совершенно — у ней недостаетъ силъ.

Вотъ что рассказала Павлу Лизавета Васильевна.

Что касается до Юліи, то она въ настоящее время тоже страдала не менѣе другихъ. Лишенная правильнаго или, лучше сказать, всякаго нравственнаго воспитанія, она имѣла свой идеалъ мужа, къ которому, конечно, никакимъ образомъ не могъ подходить неуклюжій и неловкій въ обращеніи Павелъ. Внутреннихъ его достоинствъ, которыя бы могли составить счастье другой женщины, Юлія не могла ни понять, ни оцѣнить. Она вышла замужъ, главное, за тѣмъ, что этотъ бракъ выгоденъ. Но и въ этомъ отношеніи она ошиблась: Павелъ былъ небогатъ и нечиновенъ. Часто она проплакивала почти цѣлыя ночи послѣ встрѣчи въ обществѣ съ другою какою-нибудь молоденькой дамой въ богатомъ, нарядномъ платьѣ, пріѣхавшею шестерней въ каретѣ, съ чиновнымъ, но не старымъ еще мужемъ, съ которымъ обходятся за панибрата всѣ сильные въ губерніи. Но еще невыносимѣе были для нея слухи о новыхъ партіяхъ, дѣлаемыхъ ея сверстницами, которыя, какъ она была убѣждена, не стоили

ея башмака, а между тѣмъ выходили за красивыхъ и богатыхъ людей. Кромѣ того, она, какъ мы знаемъ, была влюблена еще, въ дѣвушкахъ, въ того же счастливица Бахтіарова, который такъ жестоко оскорбилъ ея самолюбіе своимъ невниманіемъ. Выходя замужъ, она думала досадить губернскому льву, быть съ нимъ какъ можно холоднѣе и ласкаться въ его присутствіи къ Павлу. Все это легко бы было исполнить для Юліи, потому что Бахтіаровъ бывалъ у нихъ довольно часто. Но вышло совсѣмъ иначе: въ присутствіи его она сдѣлалась еще холоднѣе къ мужу и какъ-бы невольно заговаривалась съ гостемъ и по цѣлымъ часамъ не спускала съ него глазъ, а недѣли чрезъ двѣ уже рѣшительно убѣдилась, что она обожаетъ этого человѣка, и дала себѣ слово употребить всѣ средства, чтобы и его заставить полюбить себя. Юлія начала дѣйствовать безъ всякой осторожности: видимо старалась остаться съ Бахтіаровымъ наединѣ, заговаривала съ нимъ о любви. Однажды, въ бесѣдѣ tête-à-tête, Бахтіаровъ, молча и довольно нецеремонно, взялъ у Юліи руку и поцѣловалъ ее. М-ме Бешметева хотѣла-было разсердиться, но франтъ посмотрѣлъ на нее такимъ убѣдительнымъ взоромъ, что она только вздохнула. Пріѣхавшая въ это время съ визитомъ, одна почтенная дама прервала эту сцену. Увѣжая, Бахтіаровъ спросилъ у Юліи, когда она будетъ дома одна.

— Послѣ-завтра поутру, отвѣчала она.

Въ продолженіе этихъ двухъ дней Юлія одумалась и дала себѣ слово держать Бахтіарова въ почтительномъ отдаленіи и только влюбить его въ себя и заставить его, на досаду прочимъ дамамъ, предпочти-

тельно передъ всѣми заниматься ею одною въ обществѣ. Въ назначенный день она приняла его въ гостиной, съ умысломъ растворивъ дверь въ сосѣднюю комнату, въ которой сидѣла горничная и что-то шила. Бахтіаровъ замѣтилъ эту предосторожность и съ кислою гримасою усѣлся противъ Юліи. Разговоръ начался на французскомъ языкѣ. Юлія, въ сильномъ волненіи, призналась льву, что она его давно любитъ, но любовію чистою, что будто бы его не любила такъ ни одна женщина. Бахтіаровъ былъ совершенно спокоенъ и только немного скученъ; впрочемъ, онъ увѣрилъ Юлію, что онъ тоже ее любитъ давно, но жениться на ней не могъ по одной тайной причинѣ, холоденъ съ нею былъ потому, что боялся увлечься бесполезною страстію.

Пріѣздъ Лизаветы Васильевны измѣнилъ ходъ происшествій, потому что измѣнилъ совершенно Бахтіарова, который сталъ гораздо рѣже ѣздить въ Бешметевымъ и цѣлые дни попрежнему просиживалъ у Масуровыхъ; съ Юліей же онъ болѣе не заговаривалъ о любви.

Истинно страдала бѣдная Юлія, терзаемая досадою, любовію, обиженнымъ самолюбіемъ и ревностію. Не видя почти цѣлую недѣлю Бахтіарова, она рѣшилась написать ему письмо на французскомъ языкѣ, которое и имѣю честь представить въ переводѣ:

«Что ты со мною сдѣлалъ? Я плачу, я умираю, я чувствую всѣ муки ада, потому что не вижу тебя. Если ты меня не любишь, скажи мнѣ, умертви меня, и я тебя буду благословлять, потому что теперь я умираю каждую минуту. О, приди, приди!—Дай мнѣ тебя, видѣть, пересказать тебѣ все, что я чувствую! А если

нѣтъ... я умру. Видишь, я забываю стыдъ, самолюбіе, и пишу къ тебѣ.

«Вся твоя».

Юлія въ этомъ письмѣ хотѣла поразить Бахтіарова силою страсти, но ни подозрѣнія, ни ревности, ни самолюбія не хотѣла высказать. Павелъ въ этотъ день на весь вечеръ ушелъ къ сестрѣ. Юлія отправила письмо съ своей преданной горничной, которая, впрочемъ, забѣжавъ въ кухню, не преминула рассказать прочей братіи, что барыня послала ее съ какою то записочкой къ Бахтіарову. Отправивъ свое посланіе, Юлія, въ ожиданіи отвѣта, безъ преувеличенія, начала переживать муки ада. Ей вдругъ сдѣлалось стыдно и страшно своего поступка. Что, если Бахтіаровъ не любитъ ея и только обманываетъ? Что, если онъ будетъ показывать это письмо своимъ знакомымъ, и объ этомъ узнаетъ весь городъ и папенька Владиміръ Андреечъ? Юлія расплакалась и молила Бога, чтобъ ея посланіе какимъ-нибудь образомъ не дошло по своему назначенію. Она рѣшилась даже уѣхать къ отцу, пробыть у него цѣлый вечеръ; но... Бахтіаровъ явился. Юлія задрожала; она даже была не въ состояніи отвѣчать на его обычное привѣтствіе и сидѣла, какъ уличенная преступница.

— Вы желали меня видѣть, сказалъ онъ, усаживаясь очень близко около хозяйки.

Юлія была не въ состояніе ничего отвѣчать.

— Вы любите меня, продолжалъ онъ, беря ея за руку.

Юлія потихоньку выдернула руку и отодвинулась; но Бахтіаровъ опять взялъ ея руку.

— А вы такъ меня не любите, вы меня обманываете, проговорила она со слезами на глазахъ.

— Съ чего же вы это взяли? Я васъ очень люблю, проговорилъ левъ и хотѣлъ взять Юлію за талію.

Но она быстро встала и перешла на другой конецъ комнаты.

— Я не хочу, чтобы вы такъ любили меня, сказала она.

— Какъ же вы хотите? спросилъ Бахтіаровъ.

— Я хочу, чтобъ вы меня любили, какъ братъ, какъ другъ; чтобъ вы только гуляли со мной, говорили; мы станемъ вмѣстѣ читать, заниматься музыкой. Я васъ люблю чистою любовью.

На словѣ: «чистая любовь», Бахтіаровъ сдѣлалъ гримасу.

— Adieu, madame, проговорилъ онъ, взявшись за шляпу.

Юлія взглянула ему въ глаза.

— Куда же вы? спросила она.

— Куда-нибудь, — отвѣчалъ франтъ. — Я не могу васъ видѣть; я не долженъ даже васъ видѣть, потому что я слишкомъ страстенъ, слишкомъ люблю васъ. Въ письмѣ вашемъ вы гораздо болѣе обнаружили чувствъ: стало быть, вы меня обманывали....

— Нѣтъ, я писала, что чувствовала, ты самъ это очень хорошо знаешь.

— Adieu, madame, проговорилъ опять Бахтіаровъ.

— Постой, выслушай меня, — сказала Юлія, взявъ его за руку: — развѣ это не любовь, что я о тебѣ только и думаю, что ты для меня, я не знаю, что такое?

— Право? спросилъ Бахтіаровъ.

Пріѣхавшій отъ сестры Павелъ остановилъ дальнѣйшее развитіе ихъ объясненій. Бахтіаровъ успѣлъ уже пересѣсть въ почтительное отдаленіе отъ хозяйки. Разговоръ не начинался; всѣмъ было неловко.

Павелъ, на этотъ разъ, почти не обратилъ никакого вниманія на то, что засталъ губернскаго льва наединѣ съ женою. Онъ думалъ о бѣдной Лизаветѣ Васильевнѣ, которая рассказала ему, что Бахтіаровъ пересталъ къ нимъ ѣздить и прислалъ къ ней письмо, которое она, противъ собственной своей воли, приняла и прочитала. Бахтіаровъ писалъ, что онъ отказывается отъ свиданія съ нею, потому что страсть его возрастаетъ съ каждымъ днемъ; что онъ уже долѣе не въ состояніи владѣть собою и готовъ, не смотря на ея холодность, при ея мужѣ броситься къ ея ногамъ и молить о любви. Послѣ этого письма Бахтіаровъ цѣлую недѣлю не бывалъ у нихъ. Лизавета Васильевна говорила, что она уже привыкла не видѣть его; что Бахтіаровъ сдѣлалъ это потому, что благороденъ и не хочетъ погубить ее. Сказавъ это, бѣдная женщина расплакалась и проплакала цѣлый вечеръ.

XIV.

Соперницы.

Кураевъ наконецъ уѣхалъ въ Петербургъ, а Павелъ опредѣлился на службу. Случилось это слѣдующимъ образомъ: Владиміръ Андреичъ, какъ мы видѣли еще въ первой главѣ, совѣтовалъ зятю, не рассчитывая на профессорство, опредѣлиться къ должности, а потомъ началъ убивать его. <http://cic.org.pl> и даже настаивалъ

вать, говоря Павлу, что семейный человекъ не то, что холостой, — онъ долженъ трудиться каждую минуту и не имѣть никакого права терять цѣлые годы для слишкомъ невѣрныхъ надеждъ, что семьянину даже неприлично сидѣть, какъ школьнику, за учебникомъ.

— Павелъ Васильичъ, — говорилъ Владиміръ Андреичъ своимъ внушительнымъ голосомъ: мы вамъ отдали дочь не для того, чтобы она терпѣла нужду; тѣмъ болѣе, отчего проистекаетъ эта нужда? Извините меня: просто отъ вашей лѣности. Что вы теперь дѣлаете? —ничего! Я самъ долженъ прямо сказать: вы не можете быть профессоромъ: вы, вѣрно, уже все перезабыли; но вы можете, и по вашимъ способностямъ, и по вашему воспитанію, быть хорошимъ чиновникомъ. Полноте, милый мой, выкиньте изъ головы ваши бредни, и завтра же поѣдьте съ мной къ доброму и почтенному Назонову; онъ васъ полюбитъ и выведетъ въ люди.

Павелъ не возражалъ тестю, потому что въ словахъ Владиміра Андреича, пожалуй, было много и правды. Грустно и тошно сдѣлалось моему герою, когда онъ попристальнѣе взглядѣлся въ самого себя и свое положеніе: заниматься науками онъ дѣйствительно не могъ; для чего же онъ трудился десять лѣтъ? чѣмъ вознаграждены эти труды? Въ обществѣ онъ до сихъ поръ не имѣетъ никакого значенія, а въ домашней жизни... Въ домашней жизни онъ могъ бы быть счастливъ, но Юлія, жестовая Юлія, она рѣшительно не любитъ его, она не можетъ даже выслушать его, когда ей начнетъ онъ говорить о самомъ себѣ или даже о чемъ бы то ни было, не говоря уже о томъ счастьи, которое могло бы возникнуть

изъ взаимной любви, дружескихъ вечернихъ бесѣдъ, изъ этой обоюдной угодливости и проч., и проч. Ничего этого не было, а между тѣмъ нужда, этотъ бичъ даже счастливыхъ супруговъ, начала уже ощутительно показываться въ ихъ жизни. Деньги были все прожиты, надѣлано тысячи три долговъ, карета сломалась, одну лошадь совершенно испорчили, — все бы это слѣдовало исправить; а на что? Денегъ всего пятьдесятъ рублей, которыхъ едва достанетъ на недѣлю. «Богъ съ нимъ, съ профессорствомъ,» — рѣшилъ Павелъ: — «опредѣлюсь на службу и стану трудиться.»

Здѣсь я долженъ замѣтить, что при этихъ размышленіяхъ Павлу, не смотря на всю его неопытность въ практической жизни, невольно пришло въ голову: отчего Владиміръ Андреичъ самъ ничего не далъ за дочерью, почему все заботы складываетъ на него, а въ то же время рѣшительно не оцѣниваютъ ни его благородства, ни его любви къ Юліи; что Владиміру Андреичу слѣдовало бы прежде внушить дочери, чтобы она любила и уважала мужа, а потомъ ужъ и отъ него требовать строгаго и предусмотрительнаго исполненія обязанностей семьянина.

Но, какъ бы то ни было, Павелъ рѣшился служить и на другой же день объявилъ о своемъ намѣреніи тестю. Тотъ сейчасъ же свезъ его къ Назонову, занимавшему довольно значительное мѣсто, который собственно изъ одного расположенія къ Владиміру Андреичу, послѣ нѣсколькихъ недѣль испытанія и приготовленія, далъ ему мѣсто столоначальника. Павелъ началъ работать неутомимо: написанные имъ доклады и бумаги невольно кидались въ глаза отчетливостію, краткостію и ясностію изложенія; дѣла

принятаго имъ стола пошли гораздо быстрѣе и правильнѣе; однимъ словомъ, въ какіе-нибудь два или три мѣсяца Бешметевъ успѣлъ заслужить, что называется, канцелярскую славу; начали даже поговаривать, что врядъ ли начальство не готовитъ его въ секретари. Всѣ эти служебные подвиги герой мой совершилъ съ величайшимъ усиліемъ надъ самимъ собою, или, лучше сказать, надъ своимъ сердцемъ. Онъ былъ привыченъ и способенъ ко всякому занятію, но трудно было ему просидѣть почти цѣлые дни, не выдавшись съ Юлією: онъ не зналъ, что она дѣлаетъ, а главное, его мучило подозрѣніе, не сидитъ ли у ней Бахтіаровъ. Какъ-бы желая разсвѣять себя, онъ еще прилежнѣе и внимательнѣе начиналъ работать, цѣлое утро, цѣлый вечеръ — до поздней ночи. Возвращаясь домой, находилъ Юлію постоянно печальною и чѣмъ-то разстроенною. Она тоже боролась съ своимъ сердцемъ. Бахтіаровъ сдержалъ свое слово и не бывалъ у нихъ. М-ше Бешметева ровно двѣ недѣли не давала воли этому бѣдному сердцу и только посылала къ Бахтіарову то за книгами, то за нотами, который все это присылалъ къ ней, но самъ не являлся. Наконецъ, въ ней не стало больше силы не видѣть его; она написала къ нему письмо, въ которомъ умоляла его прїдти къ ней. Посланіе это отправлено было съ тою же горничной.

Поутру въ этотъ день случилось одно ничтожное и неважное происшествіе, имѣвшее, какъ увидитъ читатель, довольно важное послѣдствіе. Юлія собиралась ѣхать съ визитами и велѣла себѣ, между прочимъ нарядомъ, подать тюлевый воротничекъ, который и былъ поданъ; но оказалось, что надѣтъ этого ворот-

ничка не было никакой возможности, потому что онъ скверно вымытъ и еще хуже того выутюженъ. Юлія Владиміровна очень разсердилась на горничную, которая, въ оправданіе свое, донесла госпожѣ, что воротничекъ этотъ мыла не она, а ключница Марѳа. Юлія Владиміровна позвала Марѳу и спросила ее, какъ она смѣла такъ скверно вымытъ. Старая и почтенная влючница, очень обижавшаяся тѣмъ, что ее заставляютъ, какъ простую прачку, полоскать всякую дрянъ, объяснила, что она лучше мытъ не умѣетъ, и что уже она стара, и потому съ нея грѣхъ спрашивать, какъ съ молоденькой. Юлія, конечно, еще болѣе разсердилась за подобную дерзость и закричала на Марѳу, говоря, что она ее заставитъ мытъ хорошо, и назвала ее, въ заключеніе своего монолога, мерзавкою. Марѳа, съ своей стороны, тоже очень разсердилась и возразила госпожѣ, что она не мерзавка, что ее никогда такъ не называла — царство небесное! — старая барыня, и что отчего-де Юлія Владиміровна не спрашиваетъ ничего съ своего приданаго человѣка, который будто бы уже скоро очумѣетъ отъ сна, а требуетъ только съ людей барина, и что лучше бы-де привести съ собою молодыхъ горничныхъ да и распоряжаться ими.

— Вонъ пошла, скверная! — закричала Юлія Владиміровна и плюнула. — Ахъ, ты, негодная! Сегодня же заставлю Павла Васильича наказать тебя! Вонъ пошла, тебѣ говорятъ, — выгоните ее вонъ.

Марѳа, не переставая говорить и расплакавшись, ушла въ дѣвичью, ворчала цѣлое утро и не явилась даже къ столу, говоря, что она оплеванная, а въ вечеру отправилась къ людямъ Лизаветы Васильевны.

Юлія Владиміровна была вспылчива, но не зла. Когда возвратился Павелъ, она даже забыла рассказать ему про грубость Марѳы, и, кажется, тѣмъ бы все и должно было кончиться; но Марѳа сидѣла очень долго у прислуги Лизаветы Васильевны, жаловалась на барыню, рассказывала угреннее происшествіе и къ слову рассказала много кой-чего еще и другаго, именно: что баринъ хоть ничего и не видитъ, а барыня-то пришаливаетъ съ высокимъ бариномъ, съ Бахтіаровымъ, что у нихъ переписка, что все будто бы за книжками посылаетъ свою приданую дуру. Анъ дѣло-то не то: вотъ и сегодня отправлена къ нему записочка. Петрушка своими глазами видѣлъ въ щелку, какъ они цѣловались.

— Вѣдь въ него и наша-то влюблена, замѣтила горничная Лизаветы Васильевны на слова Марѳы, и вечеромъ, раздѣвая барыню, никакъ не утерпѣла, чтобы не рассказать ей новости, сообщенной Марѳою, съ нѣкоторыми даже прибавленіями. Лизавета Васильевна, выслушавъ весь этотъ рассказъ, сначала вспыхнула, а потомъ страшно поблѣднѣла, какъ будто бы вся кровь бросилась къ сердцу.

— Кто же это тебѣ наболталъ? спросила она.

— Ключница ихняя. Она не станетъ врать. Сегодня цѣлый вечеръ сидѣла у насъ и все, все, что ни есть, рассказала.

— Да отчего же они знаютъ, что у нихъ переписка?

— Ну, какъ, матушка, не знать! Вотъ и сегодня послала свою горничную опять съ записочкою.

— И сегодня? едва могла выговорить Масурова.

— И сегодня, — отвѣчала горничная. — А этта такъ

все за книжками будто бы посылала къ нему, раза по два въ день. Ну, а ужъ извѣстно, какія книжки-то.

— Все это пустяки; у меня не смѣйте никому болтать, проговорила Лизавета Васильевна и выслала горничную отъ себя.

Нѣсколько минутъ она не могла придти въ себя, — такъ поразила ее сообщенная горничною новость. «Неужели это правда?» — думала она, — «Неужели Бахтіаровъ обманывалъ ее? неужели онъ такой интриганъ, — онъ, который былъ при ней всегда такъ холоденъ со всѣми другими женщинами? неужели онъ влюбленъ въ Юлію и интригуетъ съ нею? Нѣтъ, этого не можетъ быть: они изъ пустяковъ обыкновенно выводятъ свои заключенія. Можетъ быть, она такъ только привѣтлива съ нимъ, какъ хозяйка; но эта переписка? Прислугѣ не придетъ въ голову выдумать о перепискѣ.» Вотъ что думала Лизавета Васильевна, а между тѣмъ сердце ея разрывалось на части. Сила любви, говоритъ Жоржъ-Зандъ, заключена въ насъ самихъ и никакъ не обусловливается достоинствомъ любимаго человѣка, котораго мы сами украшаемъ изъ собственнаго воображенія и такимъ образомъ любимъ въ немъ свой призракъ. Лизаветѣ Васильевнѣ Бахтіаровъ казался чѣмъ-то выше всѣхъ другихъ людей. Отторгнувшись отъ его исканій еще до замужества своего, отторгаясь и теперь отъ нихъ, вслѣдствіе нравственнаго инстинкта, она все-таки не переставала любить и уважать его. Въ своихъ отношеніяхъ съ нимъ она видѣла что-то поэтически-прекрасное; она воображала, что они оба страдальцы, родные по душѣ, но отторгнутые обстоятельствами, хотя и должны жить далеко другъ отъ друга, но съ

непрестанною мыслию одинъ о другомъ, съ вѣчною и неизмѣнною любовію. Вотъ что она думала прежде; но что же выходитъ теперь: онъ обманывалъ ее, какъ обманывалъ другую, третью. Можно ли, любя одну, интриговать съ другою? Въ состояніи ли, на примѣръ, она не только полюбить другаго мужчину, но — Боже мой! — даже подумать о другомъ, кромѣ него, тогда какъ онъ, можетъ быть, теперь, въ эту минуту, счастливъ съ другою, съ которою смѣется надъ нею и надъ ея любовію? Напрасно разсудокъ говорилъ бѣдной женщинѣ, что это не должно ее беспокоить, что, отторгнувшись отъ Бахтіарова, она не имѣетъ никакого права обязывать его, какъ мужчину, на вѣрность, что это даже лучше, потому что предохранитъ ее самое навсегда отъ паденія. Но сердце не слушало, тосковало, грустило и ревновало. Пріѣхалъ Михайло Николаичъ и, какъ обыкновенно, немного пьянъ; онъ началъ-было длинный разсказъ о томъ, что кто-то, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, прибилъ кого-то стуломъ. Но Лизавета Васильевна, ссылаясь на болѣзнь, просила мужа идти въ свою комнату. Тотъ ушелъ, но только не въ свою комнату, а велѣлъ заложить лошадь и опять куда-то уѣхалъ.

На другой день поутру, часу въ двѣнадцатомъ, Масурова отправилась къ брату. Я не могу здѣсь умолчать о томъ, что единственной причиною этой поѣздки былъ разсказъ горничкой дѣвки. «Я, вѣрно, застаю его у нея, — думала Лизавета Васильевна: — а если нѣтъ, то нарочно буду заговаривать о немъ и увижу, какъ она будетъ себя вести». Пріѣхавъ къ Бешметевымъ и увидя у крыльца лошадь Бахтіарова, она тихо прошла лакейскую, въ которой никого не

было, и еще осторожнѣе пошла по залѣ. Дверь въ гостиную была притворена, и оставалось небольшое отверстіе. Лизавета Васильевна не могла утерпѣть и, не входя въ комнату, заглянула въ щель. Всѣ сомнѣнія рушились: Бахтіаровъ сидѣлъ на диванѣ рядомъ съ Юліей, которая одною рукой, опиравшеюся на столъ, поддерживала свою голову, а другою держала затянутую въ перчатку руку льва. Она была грустна и въ замѣтномъ волненіи. Что же касается до Бахтіарова, то онъ тоже смотрѣлъ довольно пристально на Юлію, но съ какимъ именно выраженіемъ— Масурова не могла уже замѣтить, потому что сама едва удержалась на ногахъ. Дрожащими руками схватилась она за косякъ двери и нѣсколько минутъ пробыла какъ-бы въ безсознательномъ состояніи. Придя нѣсколько въ себя, она отошла отъ двери, начала довольно громко кашлять и съ этими уже предосторожностями вошла въ гостиную. При входѣ ея, хозяйка сидѣла у окна за пяльцами, Бахтіаровъ оставался на прежнемъ мѣстѣ. Юлія въ смущеніи поздоровалась съ сестрой и просила ее сѣсть. Нѣсколько минутъ продолжалось странное молчаніе.

— А братъ гдѣ? спросила, наконецъ, Лизавета Васильевна.

— Онъ на службѣ, — отвѣчала Юлія. — Какъ теперь ваше здоровье?

— Мнѣ лучше.

Здѣсь разговоръ прекратился на нѣсколько минутъ.

— Какъ здоровье Михайла Николаича?

— Онъ здоровъ

И опять разговоръ превратился

— Какое у васъ миленькое платьѣ! Гдѣ брали?

— У Кривоногова.

— У него всѣ товары со вкусомъ.

— Нельзя сязать!

Опять молчаніе, которое прервала уже Лизавета Васильевна.

— Что вы теперь подѣлываете? спросила она.

— Ничего особеннаго, вышиваю подушку.

— А; я такъ ужасно скучаю: книгъ совершенно нѣтъ. Вы, я слышала, та сœur, берете книги у Александра Сергѣича, сказала Лизавета Васильевна, указавъ глазами на Бахтіарова.

При этомъ намекѣ, Юлія вся вспыхнула. Что же касается до губернскаго льва, то въ первую минуту онъ надулся, потомъ на устахъ его появилась улыбка, какъ будто бы ему былъ пріятенъ намекъ Масуровой. Возобновившійся потомъ, послѣ продолжительнаго молчанія, разговоръ такъ же какъ-то не вязался; но зато очень много говорили глаза: Бахтіаровъ, не говорившій почти ни слова, нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на Лизавету Васильевну, которая, видно, была не въ состояніи вынести его взгляда и потупилась; Юлія, повидимому, глядѣвшая на свою работу, въ то же время прилежно слѣдила за Бахтіаровымъ и, поймавъ его продолжительный взглядъ на Масурову, посмотрѣла на него съ нѣмымъ укоромъ. Губернскій левъ тотчасъ началъ глядѣть на потолокъ. Лизавета Васильевна, съ своей стороны, тоже все видѣла, и наконецъ встала.

— Куда же вы? спросила Юлія тѣмъ тономъ, которымъ обыкновенно говорятъ хозяева гостямъ, когда искренно желаютъ, чтобы они поскорѣе убирались во-свояси.

— Домой. Дѣти одни. Прощайте, ma sœur, adieu, m-g,—проговорила Масурова и уѣхала.

Во всейэтой сценѣ Масурова, какъ мы видѣли, по возможности владѣла собою. Но когда она возвратилась домой, силы ее оставили: блѣдная, истерзанная, упала она на кресло и долго сидѣла въ такомъ положеніи, а потомъ позвала было къ себѣ Костю, игравшаго у окошка бумажною лошадкою, хотѣла ласкать его, заговаривала съ нимъ, но все напрасно,—слезы невольнотекли по щекамъ ея. «Господи!» проговорила она, оттолкнула отъ себя ребенка и ушла въ свою комнату. Пріѣхалъ Михайло Николаичъ и не могъ добиться отъ жены ни одного слова. Она сидѣла задумавшись и, кажется, рѣшительно не понимала и не видѣла, что происходитъ вокругъ нея.

По отъѣздѣ Масуровой Бахтіаровъ и Юлія нѣсколько минутъ молчали.

— Она все знаетъ, — сказала вздохнувъ Бешметева.— Вотъ видишь ли,—продолжала она, устремивъ на Бахтіарова нѣжный взоръ:— что я еще сдѣлала?—ничего, а между тѣмъ злые люди клеветуютъ на меня. Но я теперь спокойна; совѣсть меня не укоряетъ; если бы даже и папенька узналъ, я бы и тому сказала, что я люблю тебя, но люблю благородною любовью. Я не понимаю, что у васъ, мужчинъ, за страсть отнимать у женщинъ спокойствіе души, дѣлая изъ нихъ,—чистыхъ и прекрасныхъ,—какихъ-то гадкихъ существъ, которыхъ вы сами будете послѣ презирать.

Бахтіаровъ не обратилъ, кажется, должнаго вниманія на этотъ прекрасный монологъ, потому что занятъ

былъ какими-то собственными соображеніями, и при послѣднихъ словахъ онъ всталъ и взялся за шляпу.

— Куда же? спросила Юлія.

— Нужно. Надо поздравить одного именинника, отвѣчалъ левъ.

— Опять меня оставляешь! Богъ съ тобой!

— Нужно. Увидимся.

— Скоро?

— Скоро.

— Постой, два слова. Было у тебя что-нибудь съ Масуровой?

— Рѣшительно ничего.

— Лжете вы, ш-г. Она въ васъ влюблена по уши, а теперь ревнуетъ.

— Ты думаешь?

— А ты не видишь будто бы... Охъ, какой ты хитрецъ!

— Adieu, проговорилъ франтъ, и, какъ-бы желая загладить свою холодность, взявъ руку Юліи и крѣпко поцѣловалъ ее...

Долго, очень долго смотрѣла Юлія въ слѣдъ ему и потомъ въ раздумьѣ сѣла за пяльцы, но не могла вышивать, потому что въ подобномъ состояніи только для вида садилась за работу.

Между тѣмъ Бахтіаровъ пріѣхалъ домой. Здѣсь я считаю себя обязаннымъ представить читателю моему тотъ монологъ, который произнесъ онъ самъ съ собою, ходя взадъ и впередъ по своему залу. «Чудная эта женщина — Масурова, — думалъ: онъ: — какія у ней прекрасныя манеры! насколько она лучше этой Бешметевой! А эта, рѣшительно, дрянь: въ каждомъ словѣ, въ каждомъ ея движеніи такъ и лѣзетъ въ глаза провинціей; покуда

молчить, еще ничего... свѣжа... грудь... развита... и должно быть довольно страстная женщина... Но Масурова... чортъ знаетъ, что за женщина. Вотъ, три года, какъ я за ней ухаживалъ, и какъ она себя выдерживаетъ! Не можетъ же быть, чтобы это было одно кокетство. Ну, а если это проистекаетъ изъ нравственнаго чувства, изъ какого-то прирожденнаго благородства? Но страннѣе всего, я самъ съ нею теряюсь, я не могу быть ни рѣшительнымъ, ни настойчивымъ, дѣлаюсь какимъ-то приторнымъ вздыхателемъ, то-есть отъявленнымъ дуракомъ. Сегодня она рѣшительно ревнуетъ. Давно бы мнѣ схватиться за эту мысль. Притворюсь спокойнымъ, заведу у ней подъ носомъ интригу, а женщины изъ ревности, что въ переводъ значить изъ самолюбія, рѣшаются на все. Интереснѣе всего, что и эта госпожа Бешметева толкуетъ о какомъ-то идеализмѣ.»

Затѣмъ губернской левъ еще глубже началъ взлѣдываться въ свое сердце, и нижеслѣдующія мысли родились въ его головѣ: «Я просто ее люблю, какъ не любилъ ни одной еще въ мірѣ женщины. Какъ иначе объяснить, что я по цѣлымъ вечерамъ припоминаю то время, когда она была еще дѣвушкой? Что это было за умное и милое существо! Какъ былъ я счастливъ, просиживая у нихъ, въ ихъ душныхъ комнатахъ, цѣлые дни и наслаждаясь только тѣмъ, что глядѣлъ и любовался на нее! Даже теперь женился бы на ней и, право, былъ бы, по возможности, счастливъ. Мой расчетъ вѣренъ: какая, и въ настоящемъ своемъ положеніи, она нѣжная мать и терпѣливая жена.»

Результатомъ этихъ размышленій было то, что Бахтіаровъ рѣшился ѣхать къ Масуровымъ.

Время до 7 часовъ показалось ему очень долго; онъ безпрестанно глядѣлъ на часы и, наконецъ, не дождавшись, отправился въ шесть съ половиною. Въ расчетъ его было не застать Масурова дома, но, сверхъ ожиданія, Михайло Николаичъ оказался налицо. Увидѣвъ Бахтіарова, онъ искренно обрадовался.

— А, ваше баронство! вскричалъ Масуровъ. Лиза! баронъ пріѣхалъ. Я васъ все зову барономъ: у васъ въ лицѣ есть что-то такое важное... баронское. Милости прошу. Мы съ женою часто о васъ говоримъ. Я васъ ужъ съ недѣлю не видалъ... Ну, думаю, мой баронъ, должно быть, какую-нибудь баронессу обхаживаетъ.— Говоря такимъ образомъ, Масуровъ ввелъ своего гостя въ гостиную. Прозвать пріятеля барономъ Михайло Николаичъ выдумалъ экспромптомъ, отъ радости, что его увидѣлъ. Лизавета Васильевна сидѣла за самоваромъ. Она поклонилась гостю довольно сухо.

— Честь имѣю представить вамъ г-на барона,— говорилъ Масуровъ.—Прощу покорнѣйше къ столу. Я надѣюсь, что ваше баронство не откажетъ намъ въ чести выпить съ нами чашку чаю. Милости прошу. Чаю намъ, Лиза, самаго сладкаго, какъ, напри- мѣръ, поцѣлуй любви! Что, важно сказано? Эхъ, чортъ возьми! Я когда-то, вѣдь, стихи писалъ. По- мнишь, какъ ты еще была невѣстой, я къ тебѣ акrostихъ написалъ:

Лицомъ прелестна, какъ богиня,
Или какъ будто бь самъ амуръ,

За все, за все тебя я обожаю иныѣ,
А прежде все влюблялся въ дурь.

Этотъ акростихъ Михайло Николаичъ тоже со-
здалъ экспромптомъ.

— Что, вѣдь, не дурно?.. Ну, а ваше баронство,
вы, я думаю, переписали акростиховъ всякаго рода:
и къ Катенькамъ, и къ Машенькамъ, и къ Лизань-
камъ, ко всему женскому календарю. Нынѣче, впро-
чемъ, я очень началъ любить Перепетую, потому что
имя это носить драгоцѣнная для меня особа, соб-
ственно, моя тетка. На дняхъ дала триста рублей
взаймы. Что же вы трубки не курите? Малый, дай
трубку, вычисти хорошенько, горячей водой промой
знаешь!.. Люблю я васъ, Александръ Сергѣичъ,
ей-богу, славный вы человекъ.

Бахтіаровъ поклонился.

— Право, ей-богу, — продолжалъ Масуровъ я очень
склоненъ къ дружбѣ. Будь я подлець, если не готовъ,
вотъ такъ, какъ теперь мы сидимъ, прожить десять
лѣтъ въ деревнѣ. Жена... пріятель, чортъ возьми!
чего же больше?

Такъ говорилъ безъ умолку Масуровъ, очень
обрадованный пріѣздомъ Бахтіарова. Онъ потомъ
разказалъ, что въ Малороссіи даже и были такіе два
помѣщика и жили почти такимъ образомъ въ деревнѣ,
одинъ женатый, а другой холостой, и что прожили,
кажется, двадцать лѣтъ, никуда не выѣзжая. Бахтіа-
ровъ, замѣтно, мало слушалъ хозяина, и все вниманіе
его было обращено на хозяйку. Лизавета Васильевна
занималась съ сидѣвшимъ около нея Костей, съ кото-
рымъ случилось весьма печальное приключеніе: онъ

забилъ въ ротъ огромный кусокъ крендели, намоченный въ горячемъ чаѣ, и обжогся. — Выброси, говорила мать; но Костя не выпускалъ и, со слезами на глазахъ, продолжалъ управляться съ горячимъ кускомъ. Наконецъ терпѣнія не стало: онъ заплакалъ. Мать взяла его къ себѣ на руки и утѣшала, говоря, что это ничего, что все прошло. Ребенокъ утѣшился и, ставъ къ матери на колѣни, началъ съ нею играть, заливался громкимъ смѣхомъ и притопывалъ ноженками.

Вотъ на что смотрѣлъ съ искреннимъ чувствомъ Бахтіаровъ.

— Юлія Владиміровна пріѣхала, сказалъ вошедшій слуга.

— А! закричалъ Масуровъ и бросился встрѣчать гостью. Лизавета Васиљевна взглянула на Бахтіарова и вышла въ залу. Въ лицѣ губернскаго льва ясно обозначилась досада.

Здѣсь я долженъ вернуться нѣсколько назадъ. Бешметева, по отъѣздѣ Бахтіарова, осталась, какъ мы знаемъ, въ странномъ состояніи духа. Ей очень хотѣлось скорѣй его опять увидѣть и поговорить съ нимъ. У ней едва достало терпѣнія дождаться того времени, въ которое Павелъ обыкновенно снова уходилъ въ вечернее присутствіе. Наконецъ время это пришло. Юлія тотчасъ же написала Бахтіарову страшно-страстную записку, въ которой заклинала его придти къ ней на вечеръ. Воротившаяся горничная донесла, что Бахтіарова нѣтъ дома и что онъ сейчасъ куда-то уѣхалъ со двора. Юлія едва не умерла отъ досады. Но гдѣ ему быть? Куда онъ уѣхалъ? Неужели онъ отправился къ Масуровымъ? И въ сердцѣ Юліи Владимі-

ровны забушевало то же чувство ревности, которое, за нѣсколько часовъ, такъ сильно мучило Лизавету Васильевну, и она, подобно той, вздумала съѣздить къ невѣсткѣ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Но на лошади уѣхалъ Павелъ. Нетерпѣніе Юліи было слишкомъ сильно. Она не въ состояніи была даже подождать экипажа и пѣшкомъ отправилась къ Масуровымъ. Шла она, видно, очень быстро, потому что, придя въ лакейскую, принуждена была сѣсть и едва уже переводила дыханіе.

— Сестрица, прекраснѣйшая изъ всѣхъ сестрицъ!— говорилъ Масуровъ, цѣлуя ея руку.— Ужасно какъ я люблю цѣловать ваши ручки. Что это какія вы блѣдныя? Не опять ли истерика?

— Нѣтъ, я пѣшкомъ пришла... устала. Кто у васъ?

— Никого нѣтъ, все свои.

— Кто же?

— Одинъ только Бахтіаровъ.

Юлія вздрогнула, но, впрочемъ, встала и пошла въ залу, гдѣ ее встрѣтила хозяйка.

— Вотъ, какъ я вамъ скоро отплатила визитъ, даже пѣшкомъ пришла. Павелъ уѣхалъ, но мнѣ хотѣлось пройтись.

Войдя въ гостинную, Юлія небрежно кивнула головой Бахтіарову и сѣла на диванъ. Михайло Николаичъ не замедлилъ усѣсться близъ нея.

— Помните, сестрица, какъ я васъ снѣгомъ-то оттиралъ,—началъ онъ:—вы такія были тогда хорошенькія, что просто ужась...

— А теперь что же? спросила Юлія.

— А теперь еще лучше, — честное слово! Знаете

что, сестрица, признаться вамъ? продолжалъ Масуровъ.

— Въ чемъ признаться?

— Я въ васъ влюбленъ.

— Право? Отчего же вы давно мнѣ этого не скажете? Бѣдненькій! — Мнѣ васъ очень жаль.

— А вы, я думаю, кузина, меня терпѣть не можете.

— Напротивъ; вы сами у насъ никогда не бываете.

Юлія Владиміровна любезничала съ Масуровымъ для того, чтобы досадить Бахтіарову; но, къ вящему ея мученію, замѣтила, что тотъ почти не обращаетъ на нее вниманія и разговариваетъ вполголоса съ Лизаветой Васильевной. Ей очень хотѣлось къ нимъ прислушаться. Но голосъ Михайла Николаича заглушалъ всѣ ихъ слова.

Юлія справедливо желала послушать разговоръ Бахтіарова съ Лизаветой Васильевной, который былъ весьма многозначителенъ.

— Я не могъ исполнить своего слова и не видѣть васъ, говорилъ, вполголоса и съ чувствомъ, Бахтіаровъ.

— Вы, вѣрно, пріѣхали къ мужу, отвѣчала тоже вполголоса Масурова.

— Нѣтъ, я пріѣхалъ васъ видѣть.

— Мерсі.

— Позвольте мнѣ опять бывать у васъ, видѣть васъ хоть не надолго, хоть на минуту.

— Какъ вы смѣшны, Бахтіаровъ!

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ, что говорите теперь...

Бахтіаровъ насупился. Въ это время на него взглянула Бешметева.

— М-г Бахтіаровъ, есть съ вами лошадь? спросила она.

— Есть, отвѣчалъ тотъ.

— Довезите меня до дому, — я пѣшкомъ.

Бахтіаровъ нѣсколько минутъ думалъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ и отошелъ отъ Лизаветы Васильевны.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что Юлія рѣшилась на опасную и не весьма приличную поѣзду съ Бахтіаровымъ съ цѣлю досадить Лизаветѣ Васильевнѣ. Тотъ съ своей стороны согласился на это съ удовольствіемъ, имѣя въ виду окончательно возбудить ревность въ Масуровой.

Послѣ вышеописанной сцены всѣмъ сдѣлалось какъ-то неловко: Лизавета Васильевна потупилась; Бахтіаровъ сѣлъ поодаль и продолжалъ повременамъ взглядывать на нее. Юлія была въ тревожномъ состояніи и едва могла выслушивать любезности Масурова, который увѣрялъ ее, что онъ никому въ мірѣ такъ не завидуетъ, какъ Павлу. Черезъ четверть часа Юлія уѣхала вмѣстѣ съ Бахтіаровымъ. Масуровъ очень просилъ было взять его съ собою и позволить ему стать на запятки; но запятки были заняты лакеемъ. М-ме Бешметева сѣла въ экипажъ, почти не помня себя отъ ревности. Въ противномъ случаѣ, какъ я уже и прежде успѣлъ замѣтить, она никакъ бы ни позволила себѣ сдѣлать подобнаго неосторожнаго поступка.

— И послѣ этого вы скажете, что у васъ ничего

нѣтъ съ Масуровой? сказала она, схвативъ своего обожателя за руку и крѣпко сжавъ ее.

— Что же такое у меня съ ней?

— Какъ что? Зачѣмъ ты сегодня къ нимъ пріѣхалъ?

— Такъ, отъ нечего дѣлать.

— Послушай, зачѣмъ ты меня обманываешь? Если не любишь, скажи мнѣ прямо. Что у тебя за желаніе терзать и мучить бѣдную женщину, которая тебя боготворитъ?

Послѣ этихъ словъ Юлія принялась потихоньку плакать.

— Перестаньте, Юлія; вы до безумія ревнивы,— говорилъ Бахтіаровъ. — Пойдемте, мы пріѣхали.

Бешметева опомнилась.

— Гдѣ мы? спросила она, замѣтивъ, что это былъ не ихъ домъ.

— Выходите, м-ме, говорилъ вышедшій уже Бахтіаровъ.

— Что ты хочешь со мной дѣлать?—почти вскрикнула Юлія.—Ни за что... ни за что въ свѣтъ! лучше умру, а не пойду!

Бахтіаровъ пожалъ плечами и захлопнулъ дверцы экипажа.

— Къ Бешметевымъ, сказалъ онъ кучеру и, не поклонившись Юліи, ушелъ въ домъ.

ХV.

Павель все узналъ.

Лизавета Васильевна сдѣлалась больна. Болѣзнь ея была, видно, слишкомъ серьезна, потому что даже

самъ Михайло Николаичъ, который никогда почти не замѣчалъ того, что дѣлается съ женою, на этотъ разъ замѣтилъ и, совершенно растерявшись, какъ полоумный, побѣжалъ бѣгомъ къ лекарю, вытащилъ того изъ ванны и, едва давъ ему одѣться, привезъ къ больной. Врачъ этотъ пользовался въ городѣ огромной извѣстностію. Онъ былъ человѣкъ еще не старыхъ лѣтъ, былъ немного педантъ въ своемъ ремеслѣ, т. е. любилъ потолковать о болѣзняхъ и о способахъ своего леченія, выражаясь по преимуществу на французскомъ языкѣ, съ которымъ впрочемъ былъ не слишкомъ знакомъ. Онъ щупалъ нѣсколько секундъ пульсъ больной, прикладывалъ ухо къ ея груди и потомъ, съ очень серьезнымъ лицомъ вышелъ въ гостиную, гдѣ, увидѣвъ Масурова съ слезами на глазахъ, сказалъ:

— У ней воспаленіе въ легкихъ.

— Что же это, опасно? спросилъ Масуровъ.

— Какъ вамъ сказать? Каковъ будетъ исходъ болѣзни; но, вотъ, видите, я бы желалъ, главное, знать основную причину болѣзни. Позвольте мнѣ съ вами переговорить.

— Сдѣлайте милость, отвѣчалъ Масуровъ.

— Во-первыхъ, я вамъ объясню, что воспаленіе въ легкихъ есть двойкое: или чисто-чахоточное, вслѣдствіе худосочія, и въ такомъ случаѣ оно болѣе опасно; но есть воспаленіе простое, которое условливается простудою, геморoidalною посылкою крови или, даже часто, какимъ-нибудь нравственнымъ потрясеніемъ, и въ этомъ случаѣ оно болѣе излечимо. Но дѣло въ томъ, что при частомъ повтореніи этихъ варварскихъ воспаленій можетъ образоваться худосочіе, т. е. почти

чахотка. Теперь позвольте васъ спросить: супруга ваша золотушна?

На этотъ вопросъ Михайло Николаичъ рѣшительно ничего не могъ отвѣчать.

— Не жаловалась ли она, по крайней мѣрѣ, часто на грудную боль?

Михайло Николаичъ сказалъ, что жена больше жаловалась на головную боль.

Врачъ задумался.

— Не было ли у ней прежде кашля, кровохарканія? спросилъ онъ.

Михайло Николаичъ не зналъ и этого. Лизавета Васильевна никогда не говорила мужу о своихъ болѣзняхъ.

— Впрочемъ, я вамъ скажу, — продолжалъ докторъ: — что способы леченія одинаковы; но, мнѣ хотѣлось бы основательнѣе узнать, потому что я поставляю себѣ за правило — золотушные субъекты, пораженные легочнымъ воспаленіемъ, по исходѣ воспалительнаго періода, излечивать радикально, т. е. дѣйствовать противъ золотухи, исправлять самую почву.

Блеснувъ такимъ образомъ передъ Масуровымъ медицинскими терминами, врачъ велѣлъ пустить больной кровь, поставить къ лѣвому боку испанскую мушку и прописалъ какой-то рецептъ.

Масуровъ всю ночь не спалъ, а поутру послалъ сказать Павлу, который тотчасъ же пришелъ къ сестрѣ. Михайло Николаичъ дня три сидѣлъ дома, хоть и видно было, что ему очень становилось скучно: онъ безпрестанно подходилъ къ женѣ.

— Ну, вѣдь тебѣ лучше, Лиза? вѣдь ты по виду-то, ей-богу, совсѣмъ здорова. Хотѣ бы посидѣла, по-

ходила, а то все лежишь. Встань, душка: вѣдь лежать, ей-богу, хуже. Вотъ бы вышла въ гостиную, посидѣла съ братцемъ, а я бы съѣздилъ — мнѣ ужасно нужно въ одномъ мѣстѣ побывать.

Лизавета Васильевна улыбалась.

— Да ты поѣзжай.

— Нѣтъ, душа моя, я далъ себѣ слово, покуда ты лежишь, ни шагу изъ дома. Павелъ Васильичъ, сдѣлайте милость, сядемте въ бостончикъ, я васъ въ двѣ игры выучу, или вотъ что: давайте въ штось — самая простая игра.

Павелъ не рѣшался играть ни въ бостончикъ, ни въ банкъ, говоря, что онъ ненавидитъ карты. Михайло Николаичъ, отъ скуки, принялся было возиться съ Костей на полу, но и это запретилъ пріѣхавшій докторъ, говоря, что шумъ вреденъ для больной. Масурову сдѣлалось невыносимо-скучно, такъ что онъ вышелъ въ гостиную и легъ на диванъ. Павлу, который обыкновенно очень мало говорилъ съ зятемъ, наконецъ сдѣлалось жаль его; онъ вышелъ къ нему.

— Какимъ образомъ сестра захворала? спросилъ Бешметевъ.

— Должно быть, простудилась, отвѣчалъ Масуровъ: — я ужь это и не помню какъ. Только была у насъ, ваша — Юлія Владиміровна да Бахтіаровъ, вечеромъ сидѣли. Только она ихъ пошла провожать. У Юліи-то Владиміровны лошади, что-ли, не было, только она поѣхала вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ экипажѣ.

— Съ кѣмъ? спросилъ вслѣхнувъ Павелъ.

— Съ Бахтіаровымъ; а Лиза вышла провожать ихъ на крыльцо, да, я думаю, съ часъ и стояла на улицѣ-то. Я и кричалъ ей нѣсколько разъ: что ты,

Лиза, стоишь? простудишься; ничего, говоритъ, мнѣ душно въ комнатѣ; а оттуда пришла такая блѣдная и тотчасъ же легла.

— А въ которомъ часу Юлія уѣхала? спросилъ Павелъ.

— Да очень еще рано — только-что мы чай отпили. Ну, вѣдь вы знаете, весна время сырое. Я помню, разъ въ полку, въ весеннюю ночь, правду сказать, по любовнымъ дѣлишкамъ, знаете... да такую горячку схватилъ, что просто ужась. Ахъ, чортъ возьми, эта любовь! Да, вѣдь, ужась и женщины-то! Онъ въ этомъ отношеніи отчаяннѣ насъ, въ огонь, кажется, полѣзутъ!

Павелъ на этотъ разъ очень недолго оставался у сестры и скоро ушелъ домой.

Прошла недѣля. Лизаветѣ Васильевнѣ сдѣлалось лучше. Докторъ объявилъ, что воспаленіе перехвачено, Услышавъ, что у ней уже съ полгода есть небольшое кровохарканіе, и прекративъ, какъ онъ выражался, сильное воспаленіе, онъ хотѣлъ приняться лечить ее радикально противъ золотухи. Между тѣмъ Павелъ день ото дня дѣлался задумчивѣе и худѣлъ, онъ даже ничѣмъ почти не занимался, въ присутствіи сидѣлъ потупя голову и закрывъ лицо руками. Его мучила ревность. Случайно сказанныя слова Масуровымъ, что Юлія уѣхала отъ нихъ въ одномъ экипажѣ съ Бахтіаровымъ, не выходили у него изъ головы. Черезъ нѣсколько дней борьбы съ самимъ собою онъ наконецъ рѣшился спросить объ этомъ жену.

— Вы на-дняхъ отъ сестры пріѣхали съ Бахтіаровымъ?

— Да, онъ довезъ меня въ своемъ экипажѣ, отвѣчала Юлія совершенно спокойнымъ голосомъ.

«Или она діаволь, или она невинна! Я бы на ея мѣстѣ, при такомъ вопросѣ, умеръ отъ стыда,» подумалъ Павелъ и уже не спрашивалъ болѣе жены. Подозрѣнія его еще болѣе увеличились отъ нѣкоторыхъ вопросовъ Лизаветы Васильевны: такъ, напримеръ, она спрашивала: «кто у нихъ часто бываетъ? нельзя ли Павлу перемѣнить мѣсто и уѣхать въ Петербургъ, потому что въ здѣшнемъ городѣ всѣ помѣшаны на сплетняхъ и интригахъ», а также и отъ нѣкоторыхъ замѣчаній ея: «что Юлія еще очень молода и немного вѣтрена, и что надъ нею надобно имѣть внимательный надзоръ.» Благородная Лизавета Васильевна была не въ состоянii сказать брату прямо того, что она знала; но, съ другой стороны, ей было жаль его, ей хотѣлось предостеречь его. «Но къ чему это поведетъ?»—думала она:—«можетъ быть, зло пройдетъ, и онъ не узнаетъ.» А что думала о самой себѣ, на это можетъ отвѣчать ея болѣзнь.

Наконецъ у Павла не достало болѣе силы переживать свои мучительныя сомнѣнія. «Скажу, что пойду на цѣлый вечеръ къ сестрѣ, а самъ возвращусь потихоньку домой, — онъ вѣрно у ней, — и тогда... надобно будетъ поступить рѣшительно; но, Боже мой, какъ бы я желалъ, чтобъ это были одни пустыя подозрѣнія.» Вотъ что думалъ герой мой, возвращаясь домой обѣдать. Придя къ себѣ, онъ боялся взглянуть на Юлію: ему было совѣстно ея, ему казалось, что она уже знаетъ его намѣреніе и заранѣе оскорбляется имъ. Юлія была дѣйствительно въ этотъ день чѣмъ-то очень встревожена.

<http://rain.org.pl>

— Ты рано ли сегодня придешь? спросила она Павла.

По обыкновенію, отвѣчалъ Павелъ. — У него едва достало силы проговорить эти слова.

Читатель, конечно, догадывается, что Павелъ не занимался въ присутствіи своими дѣлами и сидѣлъ на-супившись.

— Зачѣмъ это вы, Павелъ Васильичъ, ходите, когда у васъ голова болитъ? сказалъ молодой писецъ: — и намъ бы полегче было, и мы бы не пришли, — у насъ очень мало дѣль-то.

— Я сегодня уйду рано: у меня очень голова болитъ, отвѣчалъ Павелъ.

— Павелъ Васильичъ, и мнѣ нужно уйти, у меня дяденька именинникъ.

— Вишь, какой подхалимъ, вѣчно выпросится, подхватилъ другой, необыкновенно бѣлокурый и страшно рябой писецъ.

Павелъ ушелъ черезъ полчаса. Онъ шелъ домой быстро и, кажется, ничего ясно не сознавалъ и ничего опредѣлительно не чувствовалъ; только, подойдя къ дому, онъ остановился. Не лучше ли вернуться назадъ и остаться въ счастливомъ невѣдѣніи? Но какъ будто бы какая виѣшняя сила толкала его. «Что будетъ, то будетъ» подумалъ онъ и вошелъ въ лакейскую, въ твердомъ убѣжденіи, что непременно застанеть Юлію въ объятіяхъ Бахтіарова. Онъ прошелъ залу, — въ ней было темно; прошелъ въ гостиную, — и тамъ темно. Весь домъ былъ пустъ, только въ дѣвичьей свѣтился огонекъ. Павелъ вошелъ туда.

— Никого нѣтъ дома? спросилъ онъ.

— Никого-съ, отвѣчала, вставъ на ноги, Марѳа.

Павлу очень хотѣлось спросить, гдѣ барыня, но онъ опять не рѣшился.

— Дайте мнѣ свѣчку въ гостиную, проговорилъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ и вышелъ изъ дѣвичьей.

Свѣча была подана. «Гдѣ же она?» подумалъ онъ, «я непремѣнно долженъ спросить: гдѣ она?» Есть же на свѣтѣ люди, которые сдѣлали бы это не думавъ.

— Марѳа! закричалъ Павелъ необыкновенно громкимъ голосомъ.

Марѳа предстала.

— Есть какое-нибудь тамъ вино?

— Есть, Павелъ Васильичъ. Мадеры, что ли, прикажете?

— Давай мадеры!

Марѳа принесла цѣлую бутылку и рюмку, но Павелъ потребовалъ стаканъ и, не переводя духъ, выпилъ стакана три. Вино значительно прибавило энергіи моему герою. Посидѣвъ нѣсколько минутъ, онъ неровнымъ шагомъ вошелъ въ дѣвичью и позвалъ Марѳу въ гостиную. Марѳа вошла за нимъ съ нѣсколько испуганнымъ лицомъ.

— Гдѣ барыня? спросилъ Павелъ, не подымая глазъ на служанку.

— Я не знаю, батюшка.

— Врешь, ты знаешь... Гдѣ барыня?

— Батюшка, Павелъ Васильичъ, наше дѣло рабское!

— Гдѣ барыня? повторилъ Павелъ.

— Павелъ Васильичъ! Я маменькѣ вашей служила, я не могу вамъ лѣстить. Онѣ изволили уѣхать, батюшка Павелъ Васильичъ.

— Куда?

— Наше дѣло подчиненное, — вы со мной можете все дѣлать, а я скрыть не могу, потому что я маменькѣ вашей служила и вамъ служу.

— Куда же она уѣхала, тебя спрашиваютъ?

— Онѣ изволили уѣхать, Павелъ Васильичъ, не въ доброе мѣсто. Горько намъ, батюшка Павелъ Васильичъ; мы не осмѣвались только вамъ докладывать, а намъ очень горько.

— Говори все!

— Если вы изволите приказывать, я не смѣю ослушаться. — Онѣ изволятъ быть теперь у Бахтіарова. Я своими глазами видѣла, наши пролетки у его крыльца. Я кучеру-то говорю: злодѣй! что ты дѣлаешь? Куда барыню-то привезъ? Не твое, говорить, дѣло, старая чертовка; даже еще выругалъ, разбойникъ. Нѣтъ, думаю я, злодѣй этакій, не дамъ я господина своего срамить, тотчасъ же доложу, какъ пріѣдетъ домой!

Черезъ нѣсколько минутъ Павелъ ужъ былъ близъ квартиры Бахтіарова. Пролетка его, дѣйствительно, стояла у крыльца губернскаго льва. Кучеръ, разобидѣвшій Марѳу, полулежалъ на барскомъ мѣстѣ и мурлыкалъ тоненькимъ голоскомъ: «разлапушка-сударушка».

— Съ кѣмъ ты здѣсь? проговорилъ Павелъ, быстро подойдя къ нему и толкнувъ его въ бокъ.

Кучеръ вскочилъ, вытянулся и поблѣднѣлъ.

— Съ кѣмъ ты здѣсь? повторилъ Павелъ.

— Я-съ... на лошади-съ... отвѣчалъ кучеръ.

— Гдѣ барыня? сказалъ Павелъ.

— Не могу знать, Павелъ Васильичъ, отвѣчалъ кучеръ.

— Гдѣ барыня? закричалъ уже Павелъ и, схвативъ кучера за воротъ, началъ съ несвойственною ему силою его трясти.

— Батюшка, Павелъ Васильичъ, я не могу ничего знать! Онѣ изволили сюда уйти.

Павелъ выпустилъ его изъ рукъ и нѣсколько минутъ глядѣлъ на него, какъ-бы размышляя: убить ли его, или оставить живымъ; потомъ, рѣшившись на что-то, повернулся и быстрыми шагами пошелъ домой. Дорогой онъ прямокомъ прорѣзывалъ огромныя лужи, наткнулся на лотокъ съ калачами и свернулъ его, сшибъ съ ногъ какую-то нищую старуху, и когда вошелъ къ себѣ въ домъ, то у него ужъ не было и шляпы. Кучеръ остался тоже въ безпокойномъ раздумьѣ...

— Вотъ что!—проговорилъ онъ, почесывая затылокъ:—пожалуй, вѣдь и въ части высѣчетъ. Вотъ тебѣ и синенькая! Эка чортова оказія вышла!

Придя домой, Павелъ тотчасъ же написалъ къ женѣ письмо слѣдующаго содержания:

«Я знаю, гдѣ вы. Тамъ вы, съ вашимъ любовникомъ, конечно, счастливыѣ, чѣмъ были съ вашимъ мужемъ. Участъ ваша рѣшена: я васъ не стѣсняю болѣе, предоставляю вамъ полную свободу; вы можете оставаться тамъ сегодня, завтра и всю жизнь. Черезъ часъ я пришлю къ вамъ ваши вещи. Я не хочу васъ ни укорять, ни преслѣдовать; можетъ быть, я самъ виноватъ, что осмѣлился искать вашей руки, и не знаю, по какимъ причинамъ, противъ вашего желанія, получилъ ее.»

Написавъ это письмо, Павелъ нѣсколько минутъ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, потомъ всталъ, быстро вошелъ въ комнату матери, которая сдѣлалась его ка-

бинетомъ и взглянулъ на бритвенный ящикъ... Но въ это время что-то стукнуло. Павелъ вздрогнулъ, обернулся, и глаза его остановились на иконѣ Божей Матери, передъ которой такъ часто молилась его мать-старуха. Онъ бросился передъ образомъ на колѣни. Выраженіе лица его умилилось, спасительныя слезы полились изъ глазъ. Долго и какъ-бы забывъ все, молился Павелъ, а потомъ, замѣтно уже успокоившись, вышелъ въ гостиную, позвалъ къ себѣ горничную Юлію и велѣлъ ей собрать всѣ вещи жены.

Чтобы хоть нѣсколько оправдать совершенно неприличный поступокъ Юліи, я долженъ вернуться назадъ и объяснить нижеслѣдующія обстоятельства.

Мы видѣли уже, какъ въ послѣдній разъ разстался Бахтіаровъ съ Юліею. Въ продолженіе цѣлой недѣли онъ не ~~заходилъ~~ въ Бешметевымъ, но видимо беспокоился о здоровьѣ Лизаветы Васильевны, потому что каждый день стороной навѣдывался о ней. Напрасно Юлія посылала въ нему за книгами, писала къ нему полныя отчаянія записки, — Бахтіаровъ книги присылалъ, но самъ не ѣхалъ и приказывалъ сказать, что онъ боленъ и никуда не выѣзжаетъ. «Я пойду къ нему; для его здоровья я рѣшусь на все. Пусть онъ пойметъ, какъ я его люблю — можетъ быть, онъ, бѣдненькій, умираетъ теперь, и я должна забыть все.» Принявъ такое намѣреніе, Юлія, какъ и прежде, начала переживать муки ада. Не сознавая почти ясно того, что дѣлаетъ, призвала она кучера, дала ему, ни съ того ни съ сего, пять рублей на водку, а часовъ въ шесть вечера, велѣвъ заложить лошадь и выѣхавъ изъ дома, приказала везти себя къ Бахтіарову. Дорогой, впрочемъ, она ~~придумала~~: ~~приду~~, взгляну на

него, скажу ему, что я пожертвовала для него всѣмъ, чтобы только видѣть его, и тотчасъ же уѣду домой.»

Между тѣмъ какъ Юлія принимала и исполняла свое намѣреніе, губернской левъ, какъ говорится, проводилъ этотъ день глупо. Поутру онъ всталъ, отъ скуки ли или отчего другаго, въ дурномъ расположеніи духа и часа до двѣнадцатаго хандрилъ, а потомъ придумалъ, для разсѣянія, угостить свою особу завтракомъ на крѣпкую руку. Вслѣдствіе чего призванъ былъ поваръ, который объявилъ, что у него готовится необыкновеннаго свойства бѣшкетсъ, который и былъ тотчасъ же спрошенъ, и къ оному потребованы бутылки двѣ вина. Часу ко второму по полудни все это было употреблено до-чиста, а затѣмъ, пообѣдавъ, насколько достало силъ, Бахтіаровъ подъ пасмурную погоду заснулъ и часу въ шестомъ проснулся, уже въ совершенно дурномъ состояніи духа и съ неимоверною жаждой, которую онъ и рѣшился утолить холоднымъ шампанскимъ съ зельтерскою водою. Въ это самое время лакей доложилъ, что пріѣхала какая-то дама. Бахтіаровъ едва успѣлъ запахнуть надѣтое на немъ широкое пальто, какъ явилась Юлія. Она вошла немного сценически, какъ входятъ трагическія актрисы въ послѣднихъ актахъ драмъ.

— Ты, конечно, не ждалъ меня, — сказала она, беря франта за руку: — но я пришла, чтобы видѣть тебя, — продолжала она, усаживаясь на диванъ и устремляя на льва отчаянно-нѣжный взоръ.

Не знаю, что думалъ Бахтіаровъ, но только нѣсколько минутъ глядѣлъ на гостью съ довольно страннымъ выраженіемъ.

— Неужели ты и теперь сомнѣваешься въ моей любви?

— Юлія, я васъ очень радъ видѣть, — проговорилъ наконецъ хозяинъ: — позвольте, впрочемъ: я скажу чтобы никого не принимали.

И вслѣдъ затѣмъ, вышедъ на нѣсколько минутъ, онъ вернулся къ своей гостьѣ и усѣлся рядомъ съ нею.

— Право, вы очень милы, — продолжалъ онъ: — что рѣшились посѣтить меня въ моей хандрѣ. Долой вашу шляпу, и давайте ваши ручки; онѣ удивительно хороши.

— Я къ тебѣ на минуту; я хотѣла только тебя видѣть, и прощай.

— Вотъ пустое! Куда вамъ торопиться-то? Кто можетъ знать, что вы у меня?

— Я сама знаю, какія я глупости дѣлаю, и никогда себѣ этого не прошу.

— Пустое вы говорите, Юлія! Какія это глупости? Малый! давай намъ скорѣй шампанское и воду. Выпей со мною вина. Я сегодня въ удивительномъ расположеніи духа пить вино.

— Но ты, вѣдь, боленъ, другъ мой. Можетъ быть тебѣ это будетъ вредно.

— Мнѣ вино никогда не бываетъ вредно. Мы съ вами будемъ пить вмѣстѣ.

— Я не могу.

— Вотъ пустяки. А если я буду просить у васъ какъ жертвы?

— Если потребуешь какъ жертвы — изволь; но только сейчасъ же поѣдемъ ко мнѣ.

— Хорошо. <http://rcin.org.pl>

Вино было подано.

Въ это самое время подано было также письмо отъ Павла къ Юліи, которая, прочитавъ его, поблѣднѣла и передала Бахтіарову. Тотъ, въ свою очередь, тоже замѣтно сконфузился.

— Отъ кого же онъ узналъ? проговорилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія.

— Я не знаю, отвѣчала Юлія.

Бахтіаровъ вошелъ въ залу. Стоявшій въ лакейской кучеръ объяснилъ ему все.

— Онъ самъ здѣсь былъ у крыльца, сказалъ Бахтіаровъ, возвратившись къ совершенно растерявшейся Юліи.

— Что мнѣ теперь дѣлать? спросила она.

— Вамъ надобно ѣхать.

— Я боюсь, Александръ, — возразила Юлія: — поѣдемъ вмѣстѣ со мной; скажемъ, что мы катались и я къ тебѣ заѣхала на минуту.

— Вотъ прекрасно! Вы хотите, чтобы при васъ же была дуэль.

— Ахъ, я боюсь, Александръ!

— Чтожъ вы боитесь?

— Я не знаю. Я прежде его никогда не боялась. Если онъ меня убьетъ?

— Вотъ что выдумала. Много что побранитесь! Еще сами прикрикните на него и скажите, въ самомъ дѣлѣ, что катались.

— Я скажу, что тебѣ дала лошадь, а сама гдѣ-нибудь была.

— Ну, и чудесно.

Юлія встала, надѣла шляпку, но остановилась: ей, видно, очень не хотѣлось ѣхать.

— Ахъ, Александръ, до чего ты меня довелъ! Что теперъ со мною будетъ?

— Вы сами очень неосторожны, Юлія.

— Вотъ прекрасно! Я же виновата. Ты ужасный человѣкъ; ты рѣшительно не понимаешь меня. Какъ же мнѣ быть осторожной, когда я однимъ только тобою дышу, когда ты—моя единственная радость? Я ненавижу моего мужа, я голоса его слышать не могу. Что же мнѣ дѣлать? Научи меня, какъ разлюбить тебя.

— Можно любить и быть болѣе скрытною.

— Нѣтъ, Александръ, я не могу скриваться, я сегодня же скажу ему, что я люблю тебя, и пусть онъ дѣлаетъ что хочетъ, пусть убьетъ меня, пусть прогонитъ. Я рѣшительно не могу безъ тебя жить. Другъ мой, милый мой! возьми меня къ себѣ, спаси меня отъ этого злодѣя; увези меня куда-нибудь, я буду служить тебѣ, буду рабою твоею.

— Все это иллюзіи; вы, Юлія, еще слишкомъ молоды.

— Нѣтъ, другъ мой, это не иллюзіи, а любовь. Послушай, если мужъ меня прогонитъ—развѣ ты не обязанъ меня взять къ себѣ? Развѣ ты уже не отнялъ теперъ у меня добраго имени?

— Вамъ пора ѣхать, Юлія.

— Если онъ меня прогонитъ или будетъ кричать, я сегодня же приду къ тебѣ. Я не въ состояніи съ нимъ жить.

Бахтіаровъ ни слова не сказалъ на это. Послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшительности Юлія уѣхала.

— Чортъ возьми!—проговорилъ самъ съ собою губернской левъ:—эта сумасшедшая женщина, пожалуй, навяжется мнѣ на руки. Она совершенно какъ

какая-нибудь романическая героиня изъ дурацкаго романа. Надобно отъ нея рѣшительно отвязаться. Я предчувствую, что она сегодня непременно придетъ. Уѣхать развѣ куда-нибудь? Такъ завтра придетъ; надобно какъ-нибудь однимъ разомъ кончить. Напишу я къ ней записку и отдамъ Жаку, чтобы вручилъ ей, когда пожалуетъ. Даже комнаты велю запереть, чтобы въ домъ не пустили, а то, пожалуй, усядется да станетъ дожидаться.

Рѣшивъ такимъ образомъ, Бахтіаровъ тотчасъ же написалъ записку къ Юліи.

«Я не могу принять васъ къ себѣ, потому что это повлечетъ новое зло. Мужъ вашъ узналъ, — следовательно, наши отношенія не могутъ долѣе продолжаться. Увезти васъ отъ него — значитъ погубить васъ на вѣкъ. Это было бы глупо и безчестно съ моей стороны. Образумьтесь и помиритесь съ вашимъ мужемъ. Если онъ считаетъ себя обиженнымъ, то я всегда готовъ, какъ благородный человѣкъ, удовлетворить его.»

Бахтіаровъ позвалъ человѣка, одѣлся, отдалъ ему записку и велѣлъ передать ее Юліи, если она придетъ; про себя велѣлъ сказать, что онъ уѣхалъ на нѣсколько дней и приказалъ запереть комнаты.

Догадливый Жакъ смекнулъ въ чемъ дѣло. Онъ тотчасъ же заперъ двери и, закуривъ сигару, усѣлся на рундукъ крыльца.

— Матушка, Юлія Владиміровна! Ваше высокоблагородіе! заступитесь за меня, сдѣлайте боже-скую милость, примите все на себя: вамъ, вѣдь, ничего не будетъ. Я, молъ, его чрезъ силу заставила.

Ваше высокоблагородіе! заставьте за себя вѣчно Бога молить!

Все это говорилъ кучеръ, везя Юлію домой, которая и сама была въ такомъ тревожномъ состояніи, что, кажется, ничего не слыхала и не понимала, что вокругъ нея происходитъ; но, впрочемъ, пріѣхавъ домой, она собралась съ духомъ и довольно смѣло вошла въ гостиную, гдѣ сидѣлъ Павелъ.

— Что это такое значить ваше письмо? проговорила она, снимая шляпку и садясь на диванъ.

Павелъ, видно не ожидавшій жены, всталъ въ недоумѣніи при ея приходѣ, а при послѣднихъ словахъ рѣшительно остолбенѣлъ.

— Я ѣздила прокатиться и заѣхала къ нему. Велика важность! У него часто бываютъ дамы.

— Юлія! Вы такъ молоды и такъ.. началъ Павелъ.

— Что такое?

— И ужь такъ безстыдны!

— Самъ ты безстыдный человѣкъ! Выдумалъ какую исторію! Мало ли чего вамъ наскажутъ ваши люди?

— Я вамъ писалъ и теперь повторяю: я не могу съ вами жить.

Юлія посмотрѣла на мужа.

— Что-жь, вы хотите меня прогнать?

— Не прогнать, а предоставить вамъ полную свободу, — вы можете сейчасъ же ѣхать, куда вамъ угодно.

— Вы этого не можете сдѣлать: я ваша жена, вы должны меня содержать.

— Я васъ обезпечу, дамъ вамъ содержаніе; но жить съ вами не хочу.

— Ахъ, Боже мой! Какъ вы меня испугали! Я очень рада, сдѣлайте милость, только обезпечьте меня.

— Я это зналъ и потому прошу васъ сейчасъ же ѣхать.

— Что такое?

— Я сейчасъ васъ прошу выѣхать изъ моего дома.

— Куда-жь я поѣду?

— Куда угодно.

— Что-жь, ты съ ума сошелъ или пьянъ?

— Я не сошелъ съ ума и не пьянъ, но повторяю вамъ, что вы должны сію же секунду оставить меня. Деньги и всѣ ваши вещи собраны.

— Смотри что выдумалъ, Я думала, что онъ такъ говоритъ. Ахъ ты, дрянъ!

— Вы можете браниться, сколько вамъ угодно, потому что такой женщиной все прилично.

— Какая же я, по вашему мнѣнію?

— Развратная и безстыдная.

— Такъ вотъ же тебѣ за это, вскрикнула Юлія и плюнула на мужа.

Павелъ поблѣднѣлъ и затрясся.

— Послушай, глупая женщина, я добръ, но могу быть и бѣшенъ.

Глаза его горѣли, на губахъ показалась пѣна. Юлія отскочила и упала на кресло.

— Онъ меня убьетъ! Люди! люди! Онъ меня убьетъ!

Прибѣжало нѣсколько человѣкъ, но Павелъ былъ уже въ залѣ и, схвативъ себя за волосы, какъ полумертвый, прижался къ косяку.

— Я не могу съ нимъ жить. Онъ меня убьетъ

сегодня же ночью! Гдѣ мои вещи? Подайте ихъ сюда! Я сейчасъ ѣду. Женился насильно, да еще убить хочеть. Я завтра же къ папенькѣ напишу письмо. Еслибъ я даже любила Бахтіарова, что-жь такое? Не тебя же любить. Благородный человѣкъ скрылъ бы. Велите заложить лошадей, я сейчасъ ѣду, а завтра напишу папенькѣ письмо, бумагу подамъ и вытребую себѣ слѣдующую часть.

— Вы будете получать и безъ бумаги приличное отъ меня содержаніе, отвѣчалъ Павелъ изъ залы.

Юлія надѣла шляпку, забрала свои вещи и вмѣстѣ съ горничною куда-то уѣхала. Но чрезъ полчаса она явилась. И въ этотъ разъ она уже едва вошла въ залу. Горничная вела ее подъ руку. Войдя въ гостиную, она пріостановилась и, вырвавшись изъ рукъ служанки, совершенно безъ чувствъ упала на полъ. Павелъ, услышавъ стукъ, вошелъ въ гостиную и увидѣлъ Юлію почти мертвую на полу. Служанка бросилась принести спиртъ и позвать прочихъ, чтобы поднять барыню. Бешметевъ на этотъ разъ рѣшительно не безпокоился обморокомъ жены и возвратился къ себѣ въ комнату.

Юлія пришла въ себя, но истерическое состояніе еще продолжалось. Она плакала навзрыдъ и, не смотря на то, что стоны ея доходили до ожесточеннаго супруга, онъ не только не пришелъ къ ней помириться, но, напротивъ, послалъ къ ней горничную и велѣлъ спросить ее, когда она его оставитъ. Служанка не рѣшилась передать этого барынѣ. Но Павелъ написалъ женѣ записку, въ которой прямо просилъ ее выѣхать изъ его дома. Юлія на это от-

въчала ему словесно, что онъ дуракъ, что она, на зло ему, нарочно не поѣдетъ и что если онъ хочетъ, такъ пусть самъ убирается вонъ.

Этимъ объясненіемъ кончился роковой для моихъ супруговъ день.

XVI.

Вахтіаровъ.

До сихъ поръ я имѣлъ честь представлять губернскаго льва или въ обществѣ, или въ его интересныхъ бесѣдахъ съ дамами, или, наконецъ, излагалъ тѣ отзывы, которые дѣлали о немъ эти дамы; слѣдовательно, знакомилъ читателя съ этимъ лицомъ по источникамъ весьма невѣрнымъ, а потому считаю не лишнимъ хотя вкратцѣ прослѣдить прошлую жизнь, въ которой выработалась его предательная личность, столь опасная для мѣстныхъ супруговъ. Отецъ его былъ помѣщикъ двухъ тысячъ душъ. До пятидесяти лѣтъ прожилъ онъ холостякомъ, успѣвъ въ продолженіе этого времени нажить основательную подагру и тысячъ триста денегъ. Имѣніе свое держалъ онъ въ порядкѣ и не закладывалъ, развлекаясь обыкновенно псовой охотой и двумя или тремя доморощенными шутами и, наконецъ, собиралъ къ себѣ раза по три въ годъ всю свою огромную родню и задавалъ имъ на славу праздники. Но подъ старость, къ ужасу своей родни, мечтавшей уже о грядущемъ послѣ него наслѣдствѣ, онъ женился на молоденькой француженкѣ, жившей въ гувернанткахъ у его сосѣда. Первымъ и

единственнымъ плодомъ этого брака былъ нашъ губернской левъ. Не смотря на обидные толки обманутой въ ожиданіяхъ родни, ребенокъ, заимствовавъ отъ матери черные глаза и нѣжную кожу, видимо наслѣдовалъ крѣпвія мышцы и длинный ростъ папеньки. Не минуло еще ребенку семи лѣтъ, какъ старикъ умеръ. Бахтіарова тотчасъ же переѣхала въ Петербургъ, чтобъ заняться воспитаніемъ сына. Еще десяти лѣтъ, Саша, красивый какъ амуръ, шегольски танцевалъ всевозможные танцы, говорилъ на трехъ языкахъ, ѣздилъ мастерски верхомъ и дрался на рапирахъ. Дальнѣйшее воспитаніе сына Бахтіарова вздумала докончить въ Парижѣ. Услышавъ это намѣреніе, вся родня пришла въ отчаяніе, пророча, что сиротка самъ непремѣнно будетъ года чрезъ три парижскимъ ветошникомъ, потому что матушка, конечно, не замедлитъ промотать все состояніе съ какимъ-нибудь своимъ старымъ любовникомъ. Злопророчество это отчасти начало сбываться, потому что Бахтіарова, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Парижъ, отдала сына одному дальнему ея родственнику, профессору какой-то парижской школы, съ видимою цѣлью свободнѣе насладиться удовольствіями парижской жизни. Двадцать тысячъ въ одинъ мѣсяцъ утонуло въ модныхъ магазинахъ и, можетъ быть, къ концу года къ этому числу прибавился бы еще нуль, но судьба берегла сироту. Француженка простудилась на одномъ гуляньѣ и умерла тифомъ. Саша остался въ полномъ распоряженіи своего наставника, который былъ по породѣ и по душѣ истый нѣмецъ. Систему воспитанія онъ имѣлъ свою и довольно правильную: онъ полагалъ, что всякій человекъ, до де-

сяти лѣтъ долженъ быть на рукахъ матери и воспитываться матеріально, т. е. спать часовъ по двадцати въ сутки, поѣдать неимовѣрное количество картофеля, и для укрѣпленія тѣла поиграть полчаса въ сутки мячикомъ или въ кегли; на одиннадцатомъ году поступить къ родителю или наставнику, подъ фехрулой котораго обязанъ выучить полупудовыя грамматики и лексиконы древняго міра и десятка три всякаго рода учебниковъ; послѣ этого, лѣтъ въ восемнадцать, съ появленіемъ страстей, поступить въ какой-нибудь германскій университетъ, для того, чтобы пріобрѣсть факультетское воспитаніе и насладиться жизнію.

Такого рода системъ воспитанія хотѣлъ подвергнуть почтенный профессоръ и сироту Бахтіарова но, къ несчастью, увидѣлъ, что это почти невозможно, потому что ребенокъ былъ уже четырнадцати лѣтъ и не зналъ еще ни одного древняго языка и, кромѣ того, оказывалъ рѣшительную неспособность выучивать длинные уроки, а лѣтъ въ пятнадцать, ровно тремя годами ранѣе противъ системы нѣмца, началъ обнаруживать явное присутствіе страстей, потому что, не смотря на всѣ предпринимаемыя нѣмцемъ мѣры, каждый почти вечеръ присутствовалъ за театральными кулисами, бѣгалъ по бульварамъ, знакомился со всѣми сосѣдними гризетками и, наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, пойманъ былъ наставникомъ въ довольно двусмысленной сценѣ съ молоденькою эконожкой, взятою почтеннымъ профессоромъ въ домъ для собственнаго комфорта. Убѣдившись рѣшительно послѣднимъ обстоятельствомъ въ присутствіи страстей въ молодомъ

воспитанникъ, нѣмецъ рѣшился отправить его въ одинъ изъ германскихъ университетовъ. Юноша, съ своей стороны, очень этому обрадовался, потому что нѣмецъ, а главное дѣло, его кухня, не смотря на привлекательную экономку, страшно ему надоѣли, и такимъ образомъ, мѣсяца чрезъ два онъ уже былъ въ Германіи.

Наставникъ снабдилъ Бахтіарова дѣлою дюжиной рекомендательныхъ писемъ къ знаменитымъ ученымъ. Но онъ не явился ни къ одной изъ нихъ, и даже, можетъ быть, не поступилъ бы и въ университетъ, если бы существовавшая въ то время бурша не подѣйствовала сильно на его воображеніе. Онъ тотчасъ же перемѣнилъ модный парижскій фракъ на полу-испанскій колетъ, запасся лосиною курткой и рапирами, началъ выпивать неимовѣрное количество пива, курить вѣрпкій кнастеръ и волочиться за нѣмками. Прошло два года. Бахтіаровъ по слуху узналъ философскія системы, понялъ духъ римской исторіи, выучилъ нѣсколько монологовъ Фауста; но наконецъ ему страшно надоѣли и туманная Германія, и бурша, и кнастеръ, и медхенъ; онъ рѣшился ѣхать въ Россію и тотчасъ же поступить въ кавалерійскій полкъ, и не болѣе какъ черезъ годъ изъ него вышелъ красивый, ловкій и довольно исполнительный офицеръ.

Обезпеченность состоянія, прекрасныя манеры и почти ученое воспитаніе сблизили Бахтіарова на дружескую ногу съ нѣкоторыми изъ его аристократическихъ товарищей. Но честолюбивому корнету хотѣлось болѣе, — ему хотѣлось попасть въ тотъ завѣтный кругъ, въ которомъ жили его друзья, посмотрѣть поближе на тѣхъ

милыхъ женщинъ, о которыхъ они безпрестанно говорили и въ которыхъ были влюблены. Его представили, но замѣченъ онъ не былъ. Бахтіаровъ, впрочемъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не отступятся отъ своего намѣренія при первой неудачѣ. Онъ поклялся заставить себя замѣтить и съ этою цѣлью вздумалъ удивить Петербургъ богатствомъ: покупалъ превосходные экипажи, перемѣнялъ ихъ чрезъ мѣсяць, нанялъ огромную и богатую квартиру и началъ давать своимъ породистымъ пріятелямъ лукулловскіе обѣды, обливая ихъ съ ногъ до головы шампанскимъ и старымъ венгерскимъ.

Слухъ о неимовѣрныхъ издержкахъ его достигъ до будуаровъ, его стали замѣчать; остроуміе его начало смѣшить, и такимъ образомъ прошло три года. Но между тѣмъ какъ честолюбивый корнетъ предавался обаяніямъ общества, въ которомъ все такъ льстило его самолюбію, такъ пріятно развлекало, такъ умѣло заинтересовать и умъ его, и сердце, родительское состояніе приходило къ обычному концу, т. е. къ продажѣ за долги съ аукціоннаго торга. Бахтіаровъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы дойти донельзя. Разсчитавъ въ одно прекрасное утро, что онъ уже никакъ не можетъ жить долѣе такимъ образомъ, рѣшился сразу перемѣнить образъ жизни и, убѣдя почти вполнѣ своихъ пріятелей, что онъ въ сплину и что ему все надобно, скрылся изъ общества и принялся, для поправленія ресурсовъ, составлять себѣ выгодную партію.

Звѣзда его еще не угасла. Онъ успѣлъ сыскать себѣ, сообразно съ своими планами, невѣсту. Это была богатая купеческая вдова, нѣкогда воспи-

танная, по волѣ родителей, въ какомъ-то пансіонѣ, и потомъ, тоже по волѣ родителей, выданная за купца съ бороною, который, впрочемъ, умеръ отъ удара, предоставивъ супругѣ три фабрики и до милліона денегъ. Пять лѣтъ купчиха вдовствовала, питая постоянно искреннее желаніе выдти замужъ за молодаго, красиваго и здороваго офицера. Всѣми этими качествами въ избыткѣ владѣлъ Бахтіаровъ, и потому не удивительно, что онъ очень скоро успѣлъ въ своихъ исканіяхъ и получилъ, по совершеніи брака, сверхъ титула супруга, тысячъ пятьдесятъ на собственные его расходы. Какъ ни выгоденъ былъ этотъ бракъ, но все-таки честолюбіе корнета, принадлежавшаго нѣкогда къ иному кругу, должно было сильно пострадать; потому, на другой же день брака, къ ужасу богатой вдовы, онъ подалъ въ отставку, съ намѣреніемъ тотчасъ же переѣхать въ Москву. Какъ молодая супруга ни убѣждала не снимать мундира, который къ нему такъ шелъ, онъ его снялъ, и такимъ образомъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ они переселились въ Москву. Цѣлый годъ для обоихъ прошелъ сносно. Бахтіаровъ развлекался въ клубахъ, обѣдалъ въ гостиницахъ, а остальное время выѣзжалъ рысаковъ и присутствовалъ на бѣгахъ. М-ме Бахтіарова, между тѣмъ, наряжалась до-нельзя и ѣздила на всевозможныя гулянья. Наконецъ, все это надобно Бахтіарову; выпросивъ у жены всѣми неправдами довольно значительную сумму, онъ разошелся съ ней и рѣшился переѣхать въ провинцію. Съ этою цѣлью онъ купилъ въ той губерніи, гдѣ мы первый разъ съ нимъ познакомились, имѣніе и переѣхалъ туда съ намѣреніемъ осуществить на

практикъ свои агрономическія свѣдѣнія. Но вышла неудача. Какъ поля ни отдыхали въ шестипольной системѣ, какъ ни сѣялся клеверъ, какъ ни уватывался овесъ, — ни хлѣба, ни овса, ни сѣна не только что не прибывало, но, напротивъ того, года чрезъ два агрономъ долженъ былъ еще съ февраля мѣсяца начать покупку хлѣба и корма. Проклиная жестокой климатъ и дурную почву, Бахтіаровъ переселился въ губернской городъ и съ перваго же появленія въ свѣтъ сдѣлался постояннымъ и исключительнымъ предметомъ разговоровъ губернскихъ дамъ, что, конечно, было результатомъ его достоинствъ: привлекательную наружность его читатель уже знаетъ, про французскій, нѣмецкій, англійскій языки и говорить нечего — онъ зналъ ихъ въ совершенствѣ; разговоръ его былъ, когда онъ хотѣлъ, необыкновенно занимателенъ и остроуменъ; по крайней мѣрѣ, въ это вѣрили, какъ въ аксіому, всѣ дамы. И въ самомъ дѣлѣ, Парижъ, на примѣръ, онъ зналъ какъ свою деревню, половину Германіи пѣшкомъ выходилъ и цѣлые два года жилъ въ лучшемъ петербургскомъ обществѣ. Но я, какъ безпристрастный историкъ, долженъ здѣсь замѣтить, что съ дамами онъ вообще обращался не съ большимъ уваженіемъ, и одна только Лизавета Васильевна составляла для него какъ бы исключеніе, потому ли, что онъ не могъ, не смотря на его старанія, успѣть въ ней, или оттого, что онъ дѣйствительно понималъ въ ней истинныя достоинства женщины, или, наконецъ, потому, что она и станомъ, манерами и даже лицомъ очень много походила на тѣхъ милыхъ женщинъ, которыхъ

онъ видалъ когда-то въ большомъ свѣтѣ, — этого не могъ рѣшить себѣ даже самъ Бахтіаровъ.

XVII.

Деревня.

На другой день послѣ описанной мною между Павломъ и Юлією сцены, оба они были больны. Бешметевъ, видя, что жена не хочетъ его оставить, рѣшился самъ отъ нея уѣхать, съ благороднымъ, впрочемъ, намѣреніемъ — предоставить ей половину своего состоянія. Принявъ такое намѣреніе, онъ еще раннимъ утромъ выпросился въ отпущекъ, съ тѣмъ, чтобы на другой же день уѣхать, и велѣлъ Марѣ сказать объ этомъ женѣ. Лично они не видались. Юлія испугалась не на шутку. Разойтись съ мужемъ! Но что объ этомъ скажутъ въ свѣтѣ, а главное — какъ приметъ это Владиміръ Андреичъ? И, наконецъ, за что же онъ такъ съ ней поступаетъ? Что такое она сдѣлала? Однако, надобно было что-нибудь предпринять. Павелъ рѣшительно собирался въ деревню. Не просить же у него прощенія! И кто теперь безъ папеньки внушитъ дураку? На этой самой мысли застала ее старинная наша знакомая — Θεоктиста Саввишна, которая — только ей одной извѣстными средствами — уже знала все, недавно описанное, происшествіе до малѣйшихъ подробностей и въ настоящее время пришла навѣстить людей въ горѣ.

— Сейчасъ только услышала отъ вашей дѣвушки, что вы не такъ здоровы, — говорила она, по-

здоровавшись съ хозяйкой:—давно сбиралась зайти, да все некогда. У Маровыхъ свадьба затѣвается; ну, вѣдь, вы знаете: этотъ домъ, послѣ вашего папеньки, теперь, по моимъ чувствамъ, въ глаза и за глаза можно сказать, для меня первый домъ. Что съ вами-то? Время-то сырое — простудилсь, вѣрно?

— Я очень несчастлива, Θεоктиста Саввишна, отвѣчала Юлія, закрывъ глаза.

— Что это, Юлія Владиміровна, что такое съ вами?

— Мужъ не хочетъ жить со мной.

— Павелъ Васильичъ? Да что это ему сдѣлалось?

— Ревнуетъ меня,—нельзя мнѣ шагу сдѣлать; вчера поѣхала я кататься, вдругъ ему пришло въ голову, что я заѣзжала...

— Куда же это, онъ думаетъ, вы заѣзжали?

— Ну, въ этому мерзавцу Бахтіарову.

— Скажи пожалуйста,—говорила Θεоктиста Саввишна, качая головою: — какая ревность! Но, впрочемъ, я вамъ скажу, не огорчайтесь очень, Юлія Владиміровна. Мужчины всѣ таковы: имъ бы все самимъ дѣлать, а намъ бы ничего.

— Но онъ не хочетъ жить со мной,—перервала Юлія:—ѣдетъ въ деревню. Поговорите ему: что онъ, съ ума, что ли, сошелъ, что благородные люди такъ не дѣлаютъ, что это подло, что онъ меня можетъ ненавидѣть, но все-таки пусть живетъ со мной, по-крайней-мѣрѣ для людей, — я ему не помѣшаю ни въ чемъ.

— Ой, Юлія Владиміровна! Какъ васъ можно

ненавидѣть? Такъ, въ горячности, больше ничего. Извольте, я поговорю, только сначала сторонной кой-что поразузнаю и сегодня же дамъ отвѣтъ. Вамъ бы давно ко мнѣ прислать. Какъ вамъ не грѣхъ? Случилось этакое дѣло, а меня не требуете. Вы знаете, какъ я предана вашему семейству. Еще недняхъ получила отъ Владиміра Андреича письмо: поручаютъ старую коляску ихъ кому-нибудь продать. До пріятнаго свиданія!

Выйдя отъ Бешметевыхъ, Θεоктиста Саввишна начала обдумывать свои дѣйствія во вновь предпринятомъ ею на себя подвигѣ. Она очень сожалѣла, что на этакій случай въ городѣ нѣтъ Перепетуи Петровны, которая, разсердившись на племянника, все лѣто жила въ деревнѣ и даже на зиму не хотѣла пріѣзжать въ городъ, чтобы только не видѣть семейнаго срама, и которая, конечно въ этомъ дѣлѣ приняла бы самое живое участіе и помогла бы ей уговорить Павла. Но дѣлать нечего. Сваха отправилась къ Лизаветѣ Васильевнѣ: лично самой говорить Павлу она считала и неудобнымъ, и бесполезнымъ.

Масуровой только-что передъ приходомъ Θεоктисты Саввишны рассказала горничная, что случилось у Бешметевыхъ. Она встревожилась и хотѣла послать за братомъ.

— Матушка, что это у вашихъ-то надѣлалось?— начала прямо Θεоктиста Саввишна.— Я сейчасъ отъ нихъ; Юлія Владиміровна въ слезахъ, Павелъ Васильичъ огорченъ, — и не видала его. Говорятъ, онъ совсѣмъ хочетъ уѣхать въ деревню, а супругу оставить здѣсь. Сами посудите, — вѣдь это разводъ! На что это похоже? Мало ли что бываетъ между мужемъ

и женою! Вы сами по себѣ знаете. А вѣдь вышло-то все изъ пустяковъ: вчера съ поѣхала кататься съ этимъ вертопрахомъ Бахтіаровымъ.

Лизаветѣ Васильевнѣ было очень неприятно, что происшествіе это знала уже и Θεоктиста Саввишна; но дѣлать было нечего.

— Я ничего хорошенько не слыхала, — отвѣчала она: — это, вѣрно, какіе-нибудь пустяги.

— Какое, матушка! Я сейчасъ отъ нихъ, — возразила Θεоктиста Саввишна: — Юлія Владиміровна со слезами просила меня пересказать вамъ. Вы знаете, говоритъ, какъ я люблю и уважаю сестрицу; я бы сама, говоритъ, сейчасъ къ ней поѣхала, да не могу, — очень разстроена... попросите, чтобы она поговорила брату не дѣлать этого. Ну, ужъ коли ему такъ хочется ѣхать въ деревню, можно ѣхать вмѣстѣ.

— Если братъ думаетъ ѣхать въ деревню, то, конечно, поѣдетъ съ женой, отвѣчала Лизавета Васильевна.

— Въ томъ-то и дѣло, что хотятъ ѣхать одни; это-то и беспокоитъ Юлію Владиміровну. Пошлите-ка за нимъ, родная, да поговорите съ нимъ. Я бы ему сама сказала, да мое дѣло стороннее, какъ-то не ловко. Я, вотъ, хоть тутъ за ширмами посижу, а вы ему поговорите.

— Когда же онъ хочетъ ѣхать?

— Да сегодня въ ночь, или завтра утромъ.

Лизаветѣ Васильевнѣ самой хотѣлось видѣться съ братомъ, но только безъ Θεоктисты Саввишны. Съ другой же стороны, она знала, что госпожу Пономареву отклонить отъ какого бы то ни было дѣла, въ которомъ она уже приняла участіе, не было ни-

какой возможности, а потому ограничилась только тѣмъ, что отослала сваху въ мезонинъ къ дѣтямъ и тотчасъ же послала за братомъ. Прошелъ часъ, другой, третій — Павелъ не являлся. У дѣтельной Феоктисты Саввишны не достало терпѣнія дожидаться, и потому она, отправившись, куда ей было нужно, обѣщала вечеромъ непременно забѣжать.

Часу въ третьемъ пришелъ Павелъ.

Нѣсколько минутъ братъ и сестра молчали.

— Ты, братецъ, поссорился съ женой? спросила наконецъ Лизавета Васильевна.

Павелъ молчалъ.

— Ты не огорчайся, другъ мой. Мало ли что бываетъ въ семействѣ? Я съ моимъ благовѣрнымъ раза три въ иной день побранюсь. Правда ли, что ты хочешь одинъ ѣхать въ деревню?

— Да, я сегодня въ ночь ѣду.

— Одинъ?

— Одинъ.

— Не дѣлай, братецъ, этого, — это грѣхъ. Ты мужчина, — долженъ быть великодушень.

— Я могу великодушно простить слабость, но никогда — порокъ.

— Но отчего же прощаетъ мнѣ мой мужъ?

— Какое сравненіе!

— Одно и то же. Я также любила другаго человека.

— Не говори мнѣ этого, Лиза. Ты ангелъ.

— Хорошо, я не буду говорить; только дай мнѣ слово ѣхать съ ней вмѣстѣ въ деревню. Какъ хочешь понимай ее самъ, но общественно ее безсла-

вить ты не имѣешь права, потому что самъ женился на ней противъ ея воли.

Послѣднія слова, кажется, очень поколебали рѣшимость Павла.

— Мнѣ трудно съ ней жить, Лиза. Я теперь ее очень хорошо понялъ и больше не могу ее любить.

— Не говори, братъ, — все время. Ты прежде ее любилъ, теперь не любишь, а послѣ опять будешь. Также и она: прежде тебя не любила, а теперь полюбить. Повѣрь, мой другъ, въ бракъ связуетъ насъ Богъ, и этими узами мы не можемъ располагать по собственному произволу.

— Лиза, вели мнѣ дать вина. Мнѣ очень грустно, прервалъ вдругъ Павелъ.

Лизавета Васильевна посмотрѣла съ удивленіемъ на брата и велѣла, впрочемъ, подать вина. Бешметевъ залпомъ выпилъ цѣлый стаканъ.

— Цѣлый годъ я приносилъ этой женщинѣ жертвы, — началъ онъ: — цѣлый годъ она ничего не видѣла и не понимала; даже теперь, я увѣренъ, она не раскаявается, а еще ты хочешь, чтобы я принесъ ей новую жертву.

— Не для нея, братъ, но для меня: я тебѣ совѣтовала жениться, и на моей совѣсти ваше счастье.

— Я, дѣйствительно, неправъ, — продолжалъ Павелъ: — что женился наобумъ, не понимая ничего; но теперь я ее знаю. Вотъ что она такое, выслушай меня, Лиза: она необразована, дурнаго характера, не любить, даже терпѣть не можетъ меня и — тяжело сказать — развратна. Долженъ ли я жить съ ней?

— Долженъ. Мало этого, ты долженъ ее исправить:

на твое попеченіе она отдана Богомъ. Еще разъ прошу тебя, — прости ее и не оставляй!

— Изволь, Лиза; но только здѣсь я не могу оставаться: мнѣ стыдно стѣнъ.

— И не оставайтесь; сегодня же повъзжайте въ деревню.

— Но я не могу съ ней говорить.

— Не говори. Я ей напишу или велю сказать. Когда ты думаешь выѣхать?

— Завтрашній день.

Братъ и сестра разстались.

Не болѣе какъ черезъ полчаса послѣ ухода Павла, явилась къ Лизаветѣ Васильевнѣ Θεоктиста Саввишна и, къ удивленію своему, услышала, что у Бешметевыхъ ничего особеннаго не было, что, можетъ быть, они побранились, но что завтра утромъ оба вмѣстѣ ѣдутъ въ деревню. Сваха была, впрочемъ, опытная женщина; обмануть ее было очень трудно. Она разомъ смекнула, что дѣло обдѣлалось, какъ она желала, но только отъ нея скрываютъ, чѣмъ она очень оскорбилась, а потому, посидѣвъ недолго, отправилась къ Бешметевой.

— Ну, вотъ, матушка, дѣло-то все и обдѣлалось. Извольте-ка собираться въ деревню, — объявила она, придя къ Бешметевой. — Ну, ужь, Юлія Владиміровна, выдержала же я за васъ стойку... Я, вѣдь, пошла отсюда къ Лизаветѣ Васильевнѣ. Сначала, было, куды, — такъ на стѣну и лѣзутъ... «Да что, говорю я, позвольте-ка васъ спросить, Владиміръ-то Андреичъ еще не умеръ, пріѣдетъ и изъ Петербурга, да вы, я говорю, съ нимъ и не раздѣляетесь за этакое, что называется, безчестіе.» Ну, и струсили. Хорошо, говорятъ, только чтобы ѣхать въ деревню.

— Я, пожалуй, въ деревню поѣду, — отвѣчала Юлія, которая сама чувствовала, что въ городѣ ей оставаться не такъ-то ловко, тѣмъ болѣе, что можетъ встрѣтиться съ ужаснымъ Бахтіаровымъ. — Видѣли вы мужа? спросила она.

— Какъ же, грустный такой: онъ, вѣдь, васъ очень любить. Что, онъ теперь дома?

— Кажется, дома.

— А, вотъ, я съ нимъ поговорю. — Съ этими словами Θεотиста Саввишна отправилась въ комнату Павла.

— А вы въ деревню изволите собираться, Павелъ Васильичъ? Надолго ли, отецъ мой?

— Не знаю.

— Да супруга-то съ вами ли ѣдетъ?—прибавила она вполголоса:—онѣ что-то ничего не говорятъ.

— Мы оба ѣдемъ, отвѣчалъ Павелъ.

— Такъ-съ, въ коляскѣ?

— Въ коляскѣ.

Переговоривъ такимъ образомъ, сваха пришла къ Юліи и посовѣтовала ей велѣть горничной тотчасъ же укладываться. Такимъ образомъ, на другой день поутру супруги вышли, каждый изъ своей комнаты, не говоря ни слова, сѣли въ экипажъ и отправились въ путь.

Небольшая усадьба Бешметева не отличалась ни живописнымъ мѣстоположеніемъ, ни широкимъ до-вольствомъ капитальныхъ помѣщичьихъ усадебъ. Она была въ страшной глуши, окружалась со всѣхъ сторонъ лѣсомъ и болотами. Небольшой барскій домъ, или — скорѣе — флигель, нѣсколько людскихъ строеній, амбаръ, погребъ, сарай да покосившаяся на бокъ

толчен, — вотъ и все тутъ. Въ продолженіе своего путешествія супруги мои, вмѣсто того чтобъ объяснить и яснѣе разузнать роковое для нихъ происшествіе, ни слова почти не сказали объ этомъ и говорили только о совершенно постороннихъ для нихъ предметахъ, — такъ напримѣръ, о попавшемся имъ на пути скверномъ мостѣ, объ очень худой коровѣ, о какой-то необыкновенно-живописной въ сторонѣ усадьбѣ, и, наконецъ, убѣждали вмѣстѣ хозяина постоялаго двора, заломившаго съ нихъ тройную цѣну за ночлегъ.

Пріѣхавъ въ усадьбу, они начали съ того, что взяли себѣ совершенно отдѣльныя комнаты, на противоположныхъ концахъ дома, и каждый изъ нихъ помѣстился въ своемъ отдѣленіи по-своему. Юлія повѣсила на маленькія окна драпировку, разставила на комодѣ свои модныя вещицы и, впяливъ канву, рѣшилась вышивать какого-то длинноногаго рыцаря. Что касается до Павла, то онъ разложилъ свои книги, въ намѣреніи заниматься. Между собою они видались только за столомъ и то не всегда, и почти ничего не говорили другъ съ другомъ. Вотъ какова была внѣшняя жизнь Бешметевыхъ, и, конечно, она была результатомъ того, какъ они понимали другъ друга. Юлія своею порочною измѣною, — въ пороки жены Павелъ нисколько уже не сомнѣвался, — эта, иѣкогда обожаемая, Юлія въ одинъ махъ упала съ пьедестала, на которомъ герой мой прежде держалъ ее въ своемъ воображеніи. Будь на мѣстѣ Павла другой мужъ, болѣе опытный въ житейскомъ дѣлѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, предварительно разузналъ бы все хорошенько и, убѣдившись, что ничего серьезнаго не было, не

произвелъ бы, конечно, никакой тревоги, а заключилъ бы все дѣло приличнымъ наставленіемъ; при болѣе глубокомъ характерѣ — двумя-тремя тузами коварному существу. Но не такъ взглянулъ на это Павелъ, пуританинъ по своимъ понятіямъ, образовавшимся въ одностороннемъ воспитаніи, и изъятый самъ отъ юношескихъ дурачествъ своею вялою и флегматическою природою. Въ чувствахъ къ женѣ онъ какъ-то раздвоился: свой призракъ, видимый нѣкогда въ ней, онъ любилъ попрежнему; но Юлію живую, съ ея привычками, словами и дѣйствіями, онъ презиралъ и ненавидѣлъ, даже жить съ ней остался потому только, что считалъ это своимъ долгомъ и обязанностію. Юлія, съ своей стороны, еще болѣе стала не любить Павла. Въ своихъ отношеніяхъ съ Бахтіаровымъ она не видала ничего преступнаго; напротивъ того, она постоянно боролась и осталась вѣрна мужу. Но такъ строго и за что же осудилъ ее этотъ безалаберный человѣкъ? Что такое она сдѣлала? Ничего: она любила другаго, но не его же, болвана, любить; онъ дуракъ, рѣшила она, и не хотѣла оставить его оттого только, что боялась общества и папеньки. Къ этимъ горькимъ размышленіямъ моей героини присоединялась еще страшная ненависть къ Бахтіарову, о которомъ она не могла равнодушно вспомнить.

Прошла недѣля, другая, третья и, наконецъ, мѣсяць. Обоимъ супругамъ сдѣлалось невыносимо скучно. Юлія рѣшительно не знала что дѣлать: наскучившись, даже заплакавшись, она, обыкновенно, принималась вышивать рыцаря, у котораго, велѣдствіе того, въ какія-нибудь двѣ недѣли обозначились даже

ноги и уже начиналась, лежащая у этихъ ногъ, собака. Павелъ, думавшій заниматься, ничего не дѣлалъ, но обыкновенно лежалъ и думалъ; предметомъ его размышленій были, по преимуществу, женитьба и Юлія. Онъ, какъ нарочно, вспоминалъ всё—не слишкомъ чистые—поступки Владиміра Андрейча, дававшего только совѣты и не сдѣлавшаго лично для дочери ничего; вспоминалъ все невниманіе и даже жестокосердіе, которое обнаруживала Юлія въ отношеніи къ его больной матери, всю нелюбовь ея и даже неуваженіе, оказываемое ею въ отношеніи его самого, наконецъ ея грязную измѣну и то презрѣніе, которое обнаруживалъ Бахтіаровъ къ безстыдной женщинѣ. О поступкѣ губернскаго льва съ Юліей, Павелъ былъ увѣдомленъ отъ людей, съ которыми онъ уже не стыдился говорить о женѣ. Герой мой, въ своемъ желчномъ расположеніи, въ бездѣйствіи и скукѣ, не замѣчая самъ того, началъ увеличивать обычную порцію вина, которое онъ прежде пилъ въ весьма маломъ количествѣ. Обѣдъ былъ, какъ я и прежде замѣчалъ, единственное время, въ которое супруги видались. Къ этому-то именно времени Павелъ и дѣлался значительно навеселѣ. Въ подобномъ состояніи непріязненное чувство къ женѣ возростало въ немъ до ожесточенія, и онъ ее начиналъ, какъ говорится, шпиговать.

— Что, Константинъ, — говорилъ, напимѣръ, онъ, обращаясь къ стоящему лакею:— не хочешь ли, братецъ, жениться?

— Никакъ нѣтъ-съ, Павелъ Васильичъ, отвѣчалъ тотъ.

— Отчего же, братецъ? Ничего!... Будетъ только на свѣтѣ лишній дуракъ.

— Сохрани Богъ, Павелъ Васильичъ, возражалъ лакей.

— Далъ мнѣ Богъ умъ и другія способности, — разсуждалъ потомъ Павелъ вслухъ: — родители употребили послѣднія крохи на мое образованіе, и что же я сдѣлалъ для себя? Женился и пріѣхалъ въ деревню. Для этого достаточно было ѣсть и спать, чтобы вырости, а потомъ ѣсть и спать, чтобы умереть.

— Кто же васъ заставлялъ жениться? возражала Юлія.

— Собственная глупость и неблагопріятная судьба. Юлія пожимала только плечами.

— Сегодня именины у Портновыхъ, и у нихъ, вѣрно, балъ, сказалъ однажды Бешметевъ.

Въ этотъ день онъ былъ даже пьянъ.

— Какъ вамъ, Юлія Владиміровна, я думаю, хотѣлось бы туда попасть!

Юлія не отвѣчала мужу.

— Вы бы тамъ увидѣлись и помрились съ однимъ человѣкомъ; онъ бы васъ довезъ въ своемъ фаэтонѣ, а можетъ быть даже вы бы и къ нему заѣхали и время бы провели преприятно.

Юлія не могла этого вынести и залплась слезами.

— Подлый и низкій человѣкъ!—въ состояніи была только проговорить она и ушла къ себѣ въ комнату. Цѣлый день послѣ того она плакала. Павелъ не обратилъ сначала вниманія на слезы и уходъ жены; но, выпавшись, ему, видно, сдѣлалось совѣстно своихъ

словъ: онъ спрашивалъ у людей, что дѣлаетъ жена. Ему отвѣчали, что лежитъ въ постелѣ, плачетъ и нѣсколько разъ принимала гофманскія капли.

Дня три послѣ этого супруги не видались. Юлія не могла понять, что сдѣлалось съ мужемъ. Она прежде была увѣрена, что онъ въ нее влюбленъ и поэтому она можетъ дѣлать все, что ей угодно, и что ей достаточно ласково взглянуть на него, чтобы осчастливить на цѣлую недѣлю; но чтожь выходитъ теперь? Онъ осмѣливается ей дѣлать безпрестанныя обиды! Откуда въ немъ эта дерзость? Марѳа разрѣшила ей сомнѣнія.

— Не плачьте, матушка,— сказала она, утѣшая плачущую Юлію послѣ одной новой выходки Павла:— вѣдь, это онъ сказалъ такъ... не въ своемъ разумѣ: хмѣльненекъ былъ маленько.

— Какъ хмѣльненекъ? Развѣ онъ пьетъ? спросила Юлія.

— Пьетъ, матушка, и порядочно-таки этимъ занимается, отвѣчала служанка.

— Господи! только этого не доставало!— воскликнула Юлія, всплеснувъ руками.— Онъ дуракъ, злой и пьяница; теперь онъ говоритъ колкости, а тамъ и бить начнетъ!

Она рѣшилась было написать обо всемъ къ отцу, но потомъ раздумала: Владиміръ Андреичъ, вѣроятно, будетъ спрашивать Павла, а тотъ ужь, конечно, напишетъ ему все; а этого ей очень не хотѣлось. Не зная рѣшительно, что будетъ съ нею впередъ, она дала себѣ слово не уступать Павлу и на колкости его, насколько станетъ силъ, отвѣчать бранью и угрозами. Такимъ образомъ, непріязненное распо-

женіе моихъ супруговъ другъ къ другу расло съ каждымъ днемъ. Сколько оба они страдали, я не въ состояніи описать. Оба худѣли и блѣднѣли съ каждымъ днемъ. Для Юліи не проходило дня безъ слезъ, а Павелъ, добрый мой Павелъ, рѣшительно сдѣлался мизантропомъ. Въ обыкновенномъ состояніи онъ страдалъ и тосковалъ, а выпивъ начиналъ проклинать себя, людей, жену и даже Лизавету Васильевну, съ которой совершенно пересталъ переписываться и не отвѣчалъ ни слова на ея письма.

XVIII.

Сосѣдка.

Между тѣмъ переѣздъ Бешметевыхъ въ деревню послужилъ значительнымъ предметомъ для толковъ. Молва о случившемся происшествіи между Бешметевымъ и Бахтіаровымъ дошла до сосѣдей прежде еще ихъ пріѣзда. Исторія эта въ различныхъ мѣстахъ рассказывалась различно. Одни говорили, что Юлія, влюбившись въ Бахтіарова, ушла къ нему ночью; мужъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ было за ней, но его выгнали, и онъ былъ столько глупъ, что не въ состояніи былъ ничего предпринять; что на другой день поутру Юлія возвратилась къ мужу, потому что Бахтіаровъ, которому она, видно, наскучила, прогналъ ее, и что теперь между ними все уже кончилось. Болѣе же подозрительные умы говорили, что это только одинъ отводъ, что Бахтіаровъ скоро пріѣдетъ къ нимъ въ деревню. Какъ бы то ни было,

надъ Павломъ всё смѣялись, а Юлію обвиняли въ безкравственности. Дамы, особенно позначительнѣе, говорили вслухъ, что онѣ даже не заплатятъ визита, если новая сосѣдка вздумаетъ пріѣхать къ нимъ. Но Бешметева ни съ кѣмъ не знакомилась. «И прекрасно дѣлаетъ, говорилитѣ же дамы:—по крайней мѣрѣ этимъ она доказываетъ, что она умная женщина и, понимая себя, не хочетъ собою компрометировать другихъ.» Впрочемъ, я долженъ сказать, что, не смотря на подобные обидные возгласы, были нѣкоторыя дамы которымъ очень желалось познакомиться съ Бешметевыми, особенно съ тѣхъ поръ, какъ всё уже убѣдились, что новые сосѣди не думаютъ знакомиться ни съ кѣмъ.

По преимуществу это желаніе овладѣло одною почтенною помѣщицей и самою ближайшею сосѣдкою Бешметевыхъ, Катериной Михайловной Саничъ. Дама эта была уже старуха и съ незапамятныхъ годовъ вдовствовала въ своей усадьбѣ, поправляя всю жизнь разстроенное покойнымъ супругомъ состояніе. Происхожденія она была темнаго и, какъ говорилъ слухъ, выйдя весьма двусмысленно въ Петербургъ замужъ за немолодаго ужъ Санича, переѣхала съ нимъ въ деревню, привезя съ собою и того времени столичныя моды и столичный тонъ. Съ самаго пріѣзда обнаружила она мягкое къ несчастіямъ ближнихъ сердце и рѣшительную склонность протестовать противъ мнѣній сосѣдей. Выгонялъ ли кто управляющаго за пьянство и плутовство, спасалась ли жена отъ жестокосердаго мужа, отказывала ли какая-нибудь дама молоденькой гувернанткѣ за то, что ту почтилъ особеннымъ вниманіемъ супругъ, всёхъ принимала къ себѣ Саничъ

и держала при себѣ, покуда судьба несчастныхъ жертвъ не устраивалась. Услышавъ о прїѣздѣ Бешметевыхъ и о случившейся съ ними неприятной исторіи, и затѣмъ узнавъ, что деревенскія дамы не хотятъ этой новой сосѣдкѣ заплатить даже визита, она начала съ того, что во всеуслышаніе объявила нижеслѣдующее свое рѣшеніе: «Дама эта поступила дурно, но онѣ не должны ее судить строго, потому что это можетъ случиться со всякой, и потому она Бешметеву приметъ, сама къ ней поѣдетъ; а какъ бы это ни показалось другимъ, для нея все равно.»

— Вѣрно, думаетъ занять у нихъ денегъ, замѣтилъ одинъ сосѣдъ, имѣвшій наклонность каждый поступокъ челоуѣка перетолковывать въ дурную сторону.

Желаніе, хотя и не высказанное, познакомиться съ Бешметевыми, раздѣляли также бѣдныя дворянки, для полученія законнаго права выносить на моихъ гербовъ всевозможныя сплетни, за которыя онѣ, обыкновенно, получаютъ отъ своихъ повровителей мѣсто за столомъ и поношенныя платья. Эти личности уже нѣсколько разъ порывались войти въ домъ Бешметевыхъ, но Павелъ велѣлъ отказывать всѣмъ. Даже, можетъ быть, добрейшей госпожѣ Саничъ не удалось бы исполнить ея христіанскаго дѣла — познакомиться съ Бешметевыми, если бы сама судьба не распорядилась такимъ образомъ, что знакомство это началось рѣшительно безъ всякаго вѣдома съ той и другой стороны.

Юлія Владиміровна прїѣхала къ обѣднѣ въ свой приходъ. Почтенная Саничъ была уже тамъ и послѣ обѣдни, какъ бы случайно, не замедлила подойти

къ Бешметевой. Разговоръ, какъ водится, начался съ пустяковъ, съ хорошей погоды; затѣмъ Катерина Михайловна была такъ любезна и внимательна, что Юлія разговорилась, ярко описала новой знакомой скуку деревенской жизни, къ которой она еще совершенно не привыкла. Саничъ не преминула объяснить, что она очень хорошо знаетъ Владиміра Андреича и донельзя его уважаетъ. Однимъ словомъ, дамы по-знакомились. Катерина Михайловна пригласила со-сѣдку, безъ церемоніи, по-деревенски, для того только, чтобы провести еще нѣсколько пріятныхъ часовъ въ столь миломъ для нея знакомствѣ, — ѣхать къ ней. Юлія, поблагодаря за ея лестное расположеніе, со-гласилась на предложеніе съ удовольствіемъ. Такимъ образомъ, обѣ дамы поѣхали въ одномъ экипажѣ.

Здѣсь я долженъ объяснить, что милосерная Ка-терина Михайловна въ это время дала пріютъ въ своемъ обширномъ домѣ одному безмѣстному фран-дузу-гувернеру, котораго завезъ въ эту глушь одинъ сосѣдній помѣщикъ за довольно дорогую плату, но чрезъ двѣ же недѣли отказалъ ему, говоря, что м-г Мишо (имя гувернера) умѣетъ только выѣзжать ло-шадей, но никакъ не учить дѣтей. Почтенный отецъ семейства до того желалъ отдѣлаться отъ наставника, что даже отказался отъ данныхъ ему впередъ 300 цѣлковыхъ и просилъ только м-г Мишо убираться, куда ему угодно. Гувернеръ былъ въ весьма затруд-нительномъ положеніи: у него не было ни копѣйки, и я не знаю, чѣмъ бы все это для него кончилось, если бы милосердая Катерина Михайловна, узнавъ о новой жертвѣ, не послала къ нему тотчасъ лошадей съ приглашеніемъ пріѣхать къ ней. Французъ, раз-

умѣется, не замедлилъ согласиться и, предостава о будущемъ заботиться своей судьбѣ, пріѣхалъ и поселился весьма комфортабельно въ нижнемъ этажѣ дома своей покровительницы, прося ее безпрестанно занять гдѣ-нибудь, хотя напрокатъ, сына или дочку, которыхъ бы онъ, по его словамъ, удивительно воспиталъ. Проживая такимъ образомъ, онъ, обыкновенно, рассказывалъ различные комеражы, происшедшіе въ домѣ поятеннаго, но выгнавшаго его помѣщика. Старуха помирала со смѣху, слушая рассказы своего милого француза, который былъ дѣйствительно милъ. Имѣлъ ли онъ собственно достоинства воспитателя — я не знаю; по крайней мѣрѣ, если ихъ и имѣлъ, то тщательно скрывалъ таковыя. Но зато онъ владѣлъ другими достоинствами, а именно: имѣлъ чисто-французскую выразительную фізіономію, былъ прекрасно одѣтъ, щегольски ѣздилъ верхомъ и мастерски стрѣлялъ, игралъ довольно недурно на фортепіано, а главное — надѣленъ былъ способностію болтать по цѣлымъ днямъ на всевозможные тоны и насвистывать цѣлыя оперы, причемъ обыкновенно представлялъ оркестъ, всѣхъ пѣвцовъ и даже самый хоръ. По-русски т-г Мишо говорилъ чисто, что и заставляло думать, что врядъ ли онъ и не родился въ Россіи; но, впрочемъ, самъ онъ увѣрялъ, что произошелъ на свѣтъ на берегахъ Сены и даже въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ, откуда для развлеченія пріѣхалъ въ Россію и принялся образовывать юношество. Вотъ какого человѣка встрѣтила Юлія въ домѣ своей новой знакомой.

Старуха еще дорогой рассказала Бешметевой о своемъ милomъ жильцѣ и, пріѣхавъ, тотчасъ же по-

знакомила ихъ. Разговоръ сейчасъ завязался. М-г Мишо не замедлилъ пропѣть комическимъ тономъ нѣсколько арій изъ «Лючія», представилъ оркестръ изъ «Фра-Діаволо», потомъ описалъ породу нормандскихъ лошадей, описалъ также ужасное происшествіе, постигшее одинъ французскій фрегатъ, попавшій въ плѣнъ къ дикимъ, и, въ заключеніе, нарисовалъ каррикатуру одного знакомаго сосѣда. Юлія было невыразимо весело; она забыла свои непріятности, забыла мужа, смѣялась и говорила безпрестанно. Милосердая хозяйка тоже покатывалась со смѣху, слушая безцѣннаго м-г Мишо, который не ограничился еще этимъ, но, перестроивъ себя на печальный ладъ, продекламировалъ нѣсколько стихотвореній изъ Виктора Гюго, причемъ, возведя очи къ небу, вспомнилъ о своей невѣстѣ, будто бы два года тому назадъ умершей, и потомъ, расчувствовавшись, усѣлся за фортепіано и проигралъ двѣ аріи изъ Шуберта.

Такимъ образомъ день прошелъ весьма скоро. Юлія не хотѣлось ѣхать; она готова была остаться тутъ еще день, недѣлю, мѣсяцъ. Когда она сѣла въ экипажъ, сердце ея замерло при одной мысли, что она, послѣ такого пріятнаго общества, должна воротиться въ свою лачугу, встрѣтиться съ несноснымъ супругомъ.

Пріѣхавъ домой, впрочемъ, она не видала Павла и встрѣтилась съ нимъ уже на другой день за обѣдомъ. Бешметевъ даже не спросилъ жены, гдѣ она была цѣлый день.

На третій день Юлія сама уже рѣшилась сказать мужу, что завтрашній день пріѣдетъ къ нимъ отплатить визитъ Сантъ; съ которымъ она познакомилась

въ прошлое воскресенье. Павелъ на это ничего не отвѣтилъ, но только на другой день, еще часу въ десятомъ утра, уѣхалъ въ городъ.

Катерина Михайловна пріѣхала въ четвергъ и, послѣ обычныхъ привѣтствій, спросила Юлію о мужѣ. Бешметева нѣсколько сконфузилась и нашла только сказать, что Павелъ, по очень нужнымъ дѣламъ, уѣхалъ въ городъ, но что, пріѣхавъ, онъ непременно пріѣдетъ съ нею представиться къ Катеринѣ Михайловнѣ, которую онъ будто бы безмѣрно уважаетъ. Просидѣвъ часа два, Саничъ уѣхала, взявъ съ Юліи честное слово быть у нея въ слѣдующее воскресенье. Юлія общалась, рѣшившись впрочемъ, не везти мужа къ новой знакомой, а если та спроситъ о немъ, то солгать или на болѣзнь или на что-нибудь подобное. Поэтому она ничего и не говорила Павлу, который, пріѣхавъ изъ города, велъ себя попрежнему, т. е. цѣлые дни не видался съ женою, а за обѣдомъ говорилъ ей колкости. Юлія дала себѣ слово не обращать вниманія на дурака и сносила все молча, даже не слушая того, что онъ говорилъ.

Въ слѣдующее посѣщеніе Бешметевой къ Саничъ, французъ превзошелъ самъ себя; по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ Юліи онъ такъ былъ любезенъ, что та какъ бы невольно проговорила съ нимъ цѣлый вечеръ, и когда она собралась домой, то Мишо объявилъ ей рѣшительное намѣреніе провожать ее верхомъ и защищать, въ случаѣ какой-либо опасности, до послѣдней капли крови. Сказано и сдѣлано. До послѣднихъ воротъ французъ галопировалъ подлѣ коляски Бешметевой и при прощаніи объявилъ, что на-дняхъ же явится съ визитомъ. Бешметева, не подумавъ,

согласилась на это посѣщеніе; но, пріѣхавъ домой, она вспомнила о Павлѣ, объ этомъ отвратительномъ Павлѣ. «Что же такое? подумала она: я ему скажу завтра рѣшительно, и онъ, вѣрно, куда-нибудь уѣдетъ. Не стѣснять же себя для него на каждомъ шагу!»

На этой мысли Юлія успокоилась.

ХІХ.

Отъѣздъ.

Павель, не смотря на то, что даже и не спросилъ Юлію о новомъ ея знакомствѣ съ добрѣйшею Катериною Михайловною и милымъ м-г Мишо, зналъ уже все. Петрушка, подсмотрѣвшій нѣкогда въ щелку, какъ Юлія цѣловала Бахтіарова, подсмотрѣлъ и на этотъ разъ и, какъ водится, сообщилъ въ людской со всевозможными подробностями о посѣщеніи Юліею сосѣдки, о самой сосѣдкѣ и, наконецъ, и о ловкомъ учителѣ. Все это подслушала Марѳа и тѣмъ же вечеромъ сообщила барину. Такимъ образомъ, Бешметевъ узналъ, что Юлія цѣлый вечеръ говорила по-французски съ гувернеромъ, что этотъ гувернеръ игралъ на фортепіано, а Юлія Владиміровна слушала, что, наконецъ, м-г Мишо провожалъ ее верхомъ до самыхъ воротецъ въ озимое поле. Для мнительнаго и рѣшительно предубѣжденнаго противъ своей супруги моего героя было слишкомъ достаточно; это, вѣрно, новая интрига, рѣшилъ онъ и далъ себѣ слово на этотъ разъ не быть такимъ дуракомъ, какъ прежде, и не пускать къ себѣ этого новаго мерзавца въ домъ.

Принявъ это намѣреніе, онъ почти ни слова не говорилъ съ женою и даже, во избѣжаніе непріятныхъ съ нею встрѣчъ, придумалъ уйти съ ранняго утра на цѣлый день охотиться. М-г Мишо, какъ нарочно, пріѣхалъ въ этотъ день съ первымъ визитомъ. Юлія, обрадованная тѣмъ что гость пріѣхалъ такъ встати, т. е. безъ мужа, встрѣтила его очень любезно и, конечно, такъ же бы любезно провела съ нимъ цѣлый день, если бы не услышала, часу въ первомъ, что Павелъ воротился. Ожидая каждую секунду, что милый супругъ войдетъ и, можетъ быть, сочинитъ сцену, она совершенно растерялась, и потому, какъ м-г Мишо ни былъ занимателенъ и любезенъ, Юлія, ссылаясь на головную боль, сдѣлалась молчалива и рѣшительно не въ состояніи была поддерживать разговоръ. Гувернеръ догадался и скоро уѣхалъ; на него произвела самое невыгодное впечатлѣніе нелюбезность хозяйки, которая, вмѣстѣ съ ея некомфортабельною гостиною, рѣшительно уронила ее въ его глазахъ. Онъ съ перваго свиданія счелъ ее по ея развязнымъ манерамъ и умѣнію выражаться на французскомъ языкѣ дамою *comme il faut*, имѣющею свой будуаръ съ извѣстными прихотями, хорошій завтракъ и цѣльное вино. Но что же вышло? — Она живетъ только-что не въ кухнѣ, ничего не дала ему пить и ѣсть, а главное — была молчалива какъ сова, при всей его любезности.

Здѣсь я долженъ объяснить, что Павелъ воротился домой совершенно случайно. Собравшись на охоту, онъ сыскалъ себѣ предварительно довольно опытнаго руководителя въ особѣ сосѣдняго мужика Фаддея, перебившаго на своемъ вѣку бесчис-

ленное множество пернатыхъ и около полусотни медвѣдей. Охотой за любезное ему дѣло принялся, какъ и надобно ожидать отъ нестаго охотника, горячо, т. е. провелъ моего героя верстѣ пять по болоту, убилъ двухъ утокъ и одного даже бекаса и хотѣлъ уже вести барина еще далѣе, къ мѣсту, гдѣ, по его словамъ, была уйма рябчиковъ. Бешметевъ, вооруженный ружьемъ, былъ однимъ только жалкимъ зрителемъ успѣховъ своего спутника и усталъ до невѣроятности. Услышавъ, что ему предстоитъ отойти отъ дома еще верстѣ на пять, рѣшительно отказался и возвратился домой черезъ силу, съ полнымъ убѣжденіемъ, что охота не можетъ служить ему времяпрепровожденіемъ. Войдя въ домъ, онъ еще въ лакейской замѣтилъ модное пальто и, не спрашивая, догадался, кому оно принадлежитъ. Онъ ограничился только тѣмъ, что посмотрѣлъ на ружье и, вернувшись къ себѣ въ комнату, бросилъ его на полъ съ такою силою, что стволъ выскочилъ изъ ложи.

Однако надобно было что-нибудь предпринять: послать лакея сказать французу, чтобъ онъ убирался, откуда пришелъ, или позвать Юлію и требовать отъ нея, чтобъ она сейчасъ же выпроводила гостя, или, наконецъ, войти самому и оказать ему явную невѣжливость, на примѣръ, спросить его, зачѣмъ онъ пожаловалъ? Между тѣмъ какъ такимъ образомъ Павелъ, выходя изъ себя отъ досады и ревности, придумывалъ средства, какими слѣдуетъ выпроводить м-г Мишо, тотъ уѣхалъ, и потому герой мой рѣшился все выместить на Юлію; вмѣстѣ съ тѣмъ, не замѣчая самъ того, выпилъ нѣсколько рюмокъ водки. Юлія не

менѣе супруга была разсержена. «Господи»,—говорила она сама съ собою:—«до чего довелъ меня этотъ уродъ! Я не могу принять посторонняго челоувѣа въ свой домъ, провести два часа въ недѣлю пріятно. Онъ меня истерзаетъ, живую положить въ могилу.»

Съ такого рода чувствованіями супруги сошлись къ обѣду и нѣсколько минутъ не говорили другъ съ другомъ ни слова.

— Если сегодняшній господинъ,—началь Павелъ, обращаясь къ лакею:—когда-нибудь пріѣдетъ еще, то сказать ему, что его не велѣно пускать.

— Если Мишо пріѣдетъ,—возразила Юлія, на сколько стало у ней силы, рѣшительнымъ голосомъ:—то сказать ему, что я его принимаю.

— А я приказываю сказать,—перебилъ Павелъ:—что его не велѣно пускать, слышишь ли? А если не поидеть, такъ вытолкать его въ шею! Кто хочетъ съ нимъ видѣться, такъ могутъ найти мѣсто въ полѣ, на улицѣ, у него въ спальнѣ, только не въ моемъ домѣ.

Въ продолженіе всей этой рѣчи Павла, Юлія дрожала и, при послѣднихъ словахъ, будучи не въ состояніи ничего отвѣчать на не справедливую обиду, упала со стула въ страшной истерикѣ. Павелъ не бросился къ женѣ, какъ онъ это дѣлалъ прежде; онъ даже не позвалъ къ ней на помощь и ушелъ къ себѣ въ комнату. Съ Юліей былъ неподдѣльный и сильный истерическій припадокъ: она рыдала на цѣлый домъ. Нѣсколько минутъ Павелъ сидѣлъ въ какомъ-то ожесточенномъ состояніи и потомъ, видно, будучи не въ состояніи слышать стоны жены, выбѣжалъ изъ дома и почти бѣгомъ пошелъ въ поле,

въ лугъ, въ лѣсъ, самъ не зная куда и съ какою цѣлью. Пробѣжавъ версты три, наконецъ утомился, упалъ на траву и, какъ малый ребенокъ, началъ рыдать. Трудно перечислить и опредѣлить тѣ чувствованія, которыя породили эти слезы; это были ревность, злоба, жалость, раскаяніе, однимъ словомъ— все то, что можетъ составить для человѣка нравственный адъ. Но отчего страдали и терзали другъ друга эти два человѣка? Странно сказать, но оно справедливо: отъ одного только непониманія одинъ другаго, разницы въ воспитаніи и рѣшительной неопытности въ практической жизни.

Между тѣмъ Юлія проплакалась. Слезы облегчили ее, и затѣмъ, нѣсколько успокоившись, она рѣшилась тотчасъ же ѣхать къ Катеринѣ Михайловнѣ, рассказать ей все и просить у ней совѣта, что ей дѣлать. Долѣе жить съ Павломъ, она уже видѣла. Для нея нѣтъ никакой возможности.

Въ это самое время милосердая Катерина Михайловна была въ исключительно филантропическомъ расположеніи духа, вслѣдствіе того, что ей принесли оброкъ до полуторы тысячи ассигнаціями и неизвѣстно откуда явился кочующій по помѣщикамъ разнощикъ съ краснымъ товаромъ, и потому старуха придумывала, кому изъ горничныхъ, которыхъ было у ней до двухъ десятковъ, и что именно купить на новое платье, глубоко соображая въ то же время, какой бы подарокъ сдѣлать и милому m-г Мишо, для котораго всѣ предлагаемыя въ безграмотномъ реэстрѣ матеріи,—начиная отъ англійскаго трико до индійскаго кашемира, — казались ей недостойными. Въ это самое время пріѣхала Юлія. Кате-

рина Михайловна обрадовалась до невѣроятности, выбѣжала встрѣтить гостью еще въ лакейскую и, замѣтивъ, что у Бешметевой заплаканы глаза и что она очень блѣдна, перепугалась и тотчасъ же спросила:

— Что это съ вами, бездѣнная моя? Вы больны или плакали? Боже мой! не умеръ ли кто-нибудь изъ близкихъ вамъ?

На этотъ радушный вопросъ Юлія ни слова не отвѣчала и только, сжавъ руку доброй Катерины Михайловны, просила отвести ее въ отдаленную комнату и позволить поговорить съ ней наединѣ. Просьба эта, конечно, сейчасъ же была исполнена. Въ самой отдаленной и даже темной комнатѣ, предназначенной собственно для храненія гардероба старухи, Юлія со слезами рассказала хозяйкѣ свое горькое житье-бытье съ супругомъ, который, по ея словамъ, былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ цыный разбойникъ, который, конечно, на-дняхъ убьетъ ее, и что она, только не желая огорчить папеньку, скрывала все это отъ него и отъ всѣхъ, но что теперь уже болѣе не въ состояніи, и готова бѣжать хоть на край свѣта и даже ѣхать къ папенькѣ, но только не знаетъ, какъ это сдѣлать, потому что-у ней нѣтъ ни копѣйки денегъ: мерзавецъ-мужъ обобралъ у ней все ея состояніе и промоталъ, и теперь у ней только брилліантовые серьги, фермуаръ и брошки, которые готова она кому-нибудь заложить, чтобъ только уѣхать къ отцу. Катерина Михайловна, исполненная, какъ извѣстно моему читателю, глубокой симпатіи ко всѣмъ страданіямъ человѣческимъ, пролила предварительно обильныя слезы, но потомъ пришла въ истинный восторгъ, услышавъ, что у Юліи нѣтъ денегъ, и

что она свои полторы тысячи можетъ употребить на такое христіанское дѣло, т. е. отдать ихъ м-ме Бешметевой для того, чтобъ эта несчастная жертва могла сейчасъ же уѣхать къ папенькѣ и никакъ не оставаться долѣе у злодѣя-мужа. Юлія, разумѣется, на все это согласилась съ удовольствіемъ и благодарностію. Принявъ такое намѣреніе, обѣ дамы начали придумывать, какъ бы все это сдѣлать безъ шума и безъ огласки. Катерина Михайловна рѣшительно объявила, чтобы за вещами послали ея человѣка, а между тѣмъ сама хоть недѣльку бы у ней отдохнула и подкрѣпилась къ такому дальнему вояжу. Юлія и на это согласилась. Посланъ былъ человѣкъ съ запискою отъ Бешметевой къ ея горничной, которой было поручено, забравъ вещи Юліи, тотчасъ же пріѣхать къ Катеринѣ Михайловнѣ, а если будетъ спрашивать баринъ, такъ ему сказать, что она ничего не знаетъ, а только ей такъ приказано.

Предпринятое дамами намѣреніе онѣ не открыли никому и даже м-г Мишо сказали только, что Юлія пріѣхала къ Катеринѣ Михайловнѣ на нѣсколько дней. Французъ, съ своей стороны, хотя уже и разочарованный въ м-ме Бешметевой, однако очень обрадовался, узнавъ, что она протоститъ нѣсколько времени у м-ме Саничъ.

Чувство удовольствія одушевило еще болѣе и безъ того уже довольно одушевленнаго м-г Мишо, поэтому въ тотъ вечеръ онъ превзошелъ всякую мѣру любезности. Не говоря уже объ анекдотахъ, о каламбурахъ, объ оркестрѣ изъ «Фенеллы», просвѣтланномъ имъ съ малѣйшими подробностями, онъ

представилъ даже бразильскую обезьяну, взлѣзающую на дерево при видѣ человѣка, для чего и самъ влѣзъ удивительно ловко на дверь, и наконецъ вечеромъ, усадилъ Юлію и Катерину Михайловну за столъ, велѣвъ имъ вообразать себя дѣвочками—м-ше Саничъ безпамятною Катенькою, а Юлію шалуньей Юлинькою,—а самого себя—надѣвъ предварительно чепецъ, очки и какую-то кадавейку старой экономки—ихъ наставницею, подъ именемъ м-ше Примардо, которая и преподаетъ имъ урокъ, и затѣмъ началъ имъ рассказывать нравственные анекдоты изъ дѣтской книжки, укоряя безпрестанно Катеньку за безпамятство, а Юлиньку за рѣзвость. М-г Мишо такъ былъ милъ въ этой шуткѣ, такъ уморительно гримасничалъ, что даже лакеи и горничныя, выглядывавшіе изъ-за дверей, не могли удержаться отъ смѣха, а сама хозяйка и Юлія смѣялись почти до истерики. Юлія не только не безпокоилась, но даже почти со-всѣмъ забыла въ этомъ пріятномъ обществѣ свое непріятное положеніе, тѣмъ болѣе, что пріѣхавшая горничная, привезшая ей вещи, объявила, что Павелъ даже и не спросилъ, куда и зачѣмъ это везутъ.

Павла мы оставили бѣжавшимъ изъ дому отъ стоновъ и рыданій жены. Нѣсколько успокоившись, онъ началъ придумывать, какимъ бы образомъ помириться съ Юліей, противъ которой онъ чувствовалъ себя на этотъ разъ совершенно неправымъ. Но какимъ образомъ это сдѣлать? Заговорить съ ней? Но она, конечно, не будетъ отвѣчать. Прийти прямо и просить у ней прощенія? Это смѣшно, да и онъ не въ состояніи до того унизиться. Написать ей

записку, въ которой сказать ей, что онъ ее ревнуетъ и просить ее, чтобъ она откровенно призналась, если любитъ этого француза, и въ такомъ случаѣ предложить ей, не стѣняя болѣе ни себя, ни его, разъѣхаться, и что онъ, съ своей стороны, предоставитъ ей полную свободу и даже часть состоянія. Съ такимъ намѣреніемъ возвратился онъ домой. Первый его вопросъ былъ: что барыня? И каково же было его удивленіе, когда онъ услышалъ, что Юлія, которую онъ ожидалъ увидѣть въ страшной истерикѣ или, по крайней мѣрѣ, въ слезахъ, вскорѣ же послѣ его ухода уѣхала, и уѣхала къ Саничъ, т. е. къ французу, а послѣ того прислала записку къ горничной, чтобы та привезла ей всѣ вещи! Такъ, стало быть, все это притворство, комедія, и что теперь уже она вполне обличила себя, потому что уѣхала къ Саничъ и требуетъ свои вещи, вѣроятно, съ намѣреніемъ бѣжать съ Мишо. Что, если и этотъ обожатель поступитъ такъ же съ этою безнравственною женщиною, какъ и Бахтіаровъ, т. е. прогнать ее? Неужели же и на это новое безчестіе онъ долженъ смотрѣть равнодушно? «Лучше не останусь живой,» думалъ Павелъ:—«чѣмъ позволю ей переступить порогъ моего дома. Суди меня Богъ и люди, я съ ней не буду болѣе жить!» Рѣшившись на это, Бешметевъ призвалъ Марю и Константина и строго приказалъ имъ не пускать рѣшительно жену, ни ея посланныхъ въ домъ и не принимать никакихъ писемъ. То же было сказано и уѣзжавшей горничной Юліи, которая, впрочемъ, какъ мы видѣли, не передала этого барынѣ. Подобное рѣшеніе, видно, было слишкомъ тяжело моему герою. Съ какимъ

то отчаяніемъ бросился онъ на постель и, не смыкая глазъ, пролежалъ цѣлый вечеръ и цѣлую ночь.

Посидѣвъ нѣсколько минутъ, Юлія просила Катерину Михайловну позволить съ ней поговорить наединѣ, которая, конечно, сейчасъ исполнила ея желаніе. Такимъ образомъ обѣ дамы опять очутились въ отдаленной и темной комнатѣ, гдѣ Юлія начала умолять Санпчъ завтрашній же день, чѣмъ свѣтъ, отпустить ее въ Петербургъ, говоря, что она слышала, будто бы Павелъ хочетъ пріѣхать и силою ее взять. Какъ ни жаль было добрѣйшей Катеринѣ Михайловнѣ разстаться съ Юліей, но дѣлать нечего: она сама очень хорошо понимала, какая можетъ произойти непріятная исторія, если мужъ пріѣдетъ и вздумаетъ взять Юлію силою. Согласившись отпустить Бешметеву, она тотчасъ же принялась хлопотать обѣ экипажѣ, собственно предназначенномъ для развозки несчастныхъ жертвъ, и въ которомъ Юлія должна была доѣхать до губернскаго города. Юлія же, съ своей стороны, приказала горничной укладывать всѣ свои вещи. Всѣ эти приготовленія обѣ дамы дѣлали со всевозможною скрытною. Но м-г Мишо провѣдалъ и началъ спрашивать, что такое это значить, сначала людей, а потомъ приступилъ и къ Катеринѣ Михайловнѣ, которая, для христіанскаго дѣла, рѣшилась даже солгать и объявила любопытному французу, что Юлія на нѣсколько дней ѣдетъ домой, потому что у ней боленъ мужъ, и что дня черезъ три она возвратится къ ней и уже прогоститъ цѣлый мѣсяць.

Вечеръ прошелъ довольно скучно; хозяйка грустила, что она должна будетъ разстаться съ Юліей, которая

должна одна, въ такомъ ужасномъ положеніи, проѣхать такое длинное пространство, и, наконецъ, придумала сама проводить несчастную жертву хоть до губернскаго города. Юлія тоже не могла безъ ужаса себѣ представить, какъ поѣдетъ она одна, а главное, какъ приметъ паленька ея поступокъ. Французъ былъ недоволенъ тѣмъ, что дамы что-то такое замышляютъ и скрываютъ отъ него. Часовъ въ десять всѣ разошлись: Юлія съ хозяйкой въ ея спальню, а французъ въ свой нижній этажъ. Катерина Михайловна, оставшись съ Юліей наединѣ, начала съ того, что подала Юліи полторы тысячи и очень обидѣлась, услышавъ, что та хочетъ дать ей въ нихъ расписку; а потомъ, когда Юлія хотѣла у ней поцѣловать руку, она схватила ее въ объятія и со слезами на глазахъ начала ее цѣловать и вслѣдъ затѣмъ объявила, что сама ѣдетъ провожать ее до губернскаго города.

Еще м-г Мишо покоплся мирнымъ сномъ и даже видѣлъ очень пріятные сны, какъ двѣ дамы, съ предварительными слезами и прощаніемъ, усѣлись въ экипажъ и отправились въ дальній путь.

XX.

Опять родственница.

Въ той же самой гостиной, въ которой мы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, познакомились съ почтенною Перепетуей Петровной и ея знакомою, Θεоктистой Саввишной, онѣ попрежнему спдѣли на диванѣ, и попрежнему Перепетуя Петровна была въ траурѣ.

Объ онѣ тождественно пополнѣли, и разговоръ былъ между ними, какъ и прежде, на печальный ладъ.

— Легко сказать, — говорила Перепетуя Петровна: — въ какіе-нибудь три года перенесла я три потери.

— И говорить ничего не могу, и утѣшать не смѣю, — перебила Θεоктиста Саввишна: — одно только скажу: берегите себя. Что вы теперь остались? Круглая, можно сказать, спрота, а я по себѣ знаю, что такое одиночество, особенно для женщины, когда не видишь ни въ комъ опоры.

— Матушка моя, — возразила Пѣрепетуя Петровна: — о прочихъ я не говорю: старики уже были; всѣ должны ожидать одного конца. Но Павелъ-то, голубчикъ мой! только бы, что называется, жить да радовать всѣхъ, только-что въ возмужалость началъ приходить...

При послѣднихъ словахъ старуха зарыдала.

— Полноте, Перепетуя Петровна, успокойтесь; умоляю васъ, не кладите вы на себя руки, вѣдь это грѣхъ, — говорила Θεоктиста Саввишна.

— Охъ, Господи, Боже мой! — отвѣчала Перепетуя Петровна. — Жила въ деревнѣ, ничего того не знала, не вѣдала, слышу только, что была какая-то исторія, что переѣхали въ усадьбу, и больше ничего. И вы вотъ, Θεоктиста Саввишна, Богъ съ вами! хоть бы строчку написали.

— Не говорите этого, Перепетуя Петровна, не претендуйте на меня, — перебила Θεоктиста Саввишна: — вы знаете, я думаю, мой характеръ: гдѣ не мое дѣло, а особенно въ семейныхъ непріятностяхъ, я никогда не вмѣшиваюсь; за это, можно сказать, всѣ меня

здѣсь и любятъ, потому болтовни-то отъ меня пустой не слышать. Что я вамъ могла написать? Одно только огорченіе доставить. Такъ ужь извините, какъ вы тамъ хотите понимайте меня, а мнѣ ваше-то здорье дорого не меньше своего.

— Знаю, голубушка моя, все ваше расположение очень хорошо понимаю и цѣню; да вы вѣдь знаете мою родственную любовь: самой себя, кажется, для ихъ счастья не пожалѣла бы. Да вышло-то вовсе не такъ, какъ не послушались старой тетки-то. Недѣли черезъ двѣ уже узнала, что она изъ деревни-то отъ него уѣхала. Что, думаю, мнѣ дѣлать? Однако написала къ нему письмо, и письмо, знаете, этакое строгое: «сейчасъ, пишу, пріѣзжай ко мнѣ.» Не тутъ-то было: ни самъ не ѣдетъ, письма не шлетъ; я другое— и на это ничего; пишу въ деревню къ Лизѣ — та отвѣчаетъ, что тоже ничего не знаетъ и собирается сама къ нему ѣхать. Я — въ городъ, къ тому, къ сему, васъ тогда не было; никто ничего не знаетъ. Вдругъ, говорятъ, Владиміръ Андреичъ пріѣхалъ, а на другой день и самъ явился... Я такъ и обмерла: ну, сами посудите, каково было встрѣтиться послѣ этакихъ происшествій? «Что такое, говоритъ, почтеннѣйшая Перепетуя Петровна, ребятишки-тонаши надѣлали?» «Не знаю, говорю, батюшка. Вамъ лучше должно быть извѣстно.» «Все, говоритъ, пустяки: вамъ бы, Перепетуя Петровна, по родственному-то вашему расположенію, тому и другому намылить голову да еще и поучить, какъ надобно жить въ супружествѣ; свою-то я ужь поучилъ и привезъ ее теперь съ собою, а со своимъ-то вы поуправьтесь, такъ дѣло и поправимъ. Мое, говоритъ, при отъѣздѣ было первое и послѣднее слово: слушайтесь и ува-

жайте Перепетую Петровну.» «Нѣтъ, говорю, Владиміръ Андреичъ, я прежде и не это сказала, да знаете, какую непріятность получила, такъ благодарю покорно!»

— Какой, можно сказать, — перебила Θεоктиста Саввишна: — Владиміръ Андреичъ примѣрный отецъ: изъ Петербурга прискакалъ. Нынче родители-то выдадутъ дочку замужъ, да и не думаютъ, — живи себѣ какъ хотятъ.

— Кто говоритъ? — подхватила Перепетуя Петровна: — конечно, человѣкъ умный, понимаетъ все... Ахъ, Боже мой! На чемъ я остановилась? Памяти совсѣмъ нѣтъ.

— Ну, ужъ извините, и я не помню, — отвѣчала Θεоктиста Саввишна: — нынче и я совсѣмъ растеряла соображеніе.

— Да, вотъ, какъ Владиміръ Андреичъ ко мнѣ пріѣхалъ, сидимъ, разговариваемъ. Юлія Владиміровна тоже пріѣхала; ну, этакая, знаете, почтительная на этотъ разъ, нечего сказать, очень довольна: цѣдуетъ руки: «тетенька,» говоритъ: «поучаствуйте въ нашей жизни; мы, говоритъ, люди молодые.» И придумали мы, сударыня ты моя, за нимъ послать экипажъ, — мою бричку, будто бы отъ меня. Только-что мы этакъ рѣшили, я еще не успѣла хорошенько заснуть — тоска такая; вдругъ въ полночь будятъ: что такое? Говорятъ, Константинъ пріѣхалъ. Такъ и обмерла заранѣе. Является, и — знаете нашу прислугу, никакой вѣдь не имѣютъ осторожности, — съ перваго слова, ни съ того, ни съ сего: «Павель Васильичъ привазалъ долго жить; третьяго дня изволили скончаться.» Охъ, Господи, Боже мой! Какъ сидѣла на

постелѣ, такъ и упала, и только ужъ на другой день въ состояніи была разспросить хорошенько. Cholera, говорятъ, въ полторы сутки свернула.

— Чтò мудренаго, что мудренаго. У меня такъ четыре кухарки умерли. Какъ найму, такъ и умереть. На пьяницъ она какъ-то все больше нападала.

— Извѣстное дѣло: что ужъ у пьянаго взять, и распотѣтъ, и холоднаго напьется, и съѣстъ какую-нибудь дрянь. Всего вреднѣе грибы: я, признаться сказать, до нихъ большая охотница, а въ холеру такъ не ѣла.

— А что, Перепетуя Петровна, вамъ, по расположенію вашему, сказать мнѣ можно: правду ли говорятъ, что Павелъ Васильичъ испивалъ?

— Было, Θεоктиста Саввишна, —отвѣчала совздохомъ Перепетуя Петровна: —и порядочно было, особенно подъ конецъ; въ семейныхъ непріятностяхъ, закатить за галстукъ да и поидеть, говорятъ, ее писать: — такая и этакая, все отпоеть: мало ли что ему, можетъ быть, извѣстно было, чего мы и не знаемъ. Отъ этого, говорятъ, она его и оставила.

— Послушайте, Перепетуя Петровна, — перебила Θεоктиста Саввишна: —они, должно быть, давно этого ужаснаго порока придерживались. Помните, какъ вы мнѣ говорили, еще задолго до сватьбы, что онъ уединеніе любить, тогда, конечно, говорить не хотѣла, а сама съ собой подумала: пьетъ, думаю, и пьетъ, должно быть, запѣемъ. У меня были этакіе знакомые, на видъ ничего, а пьютъ и только, этакъ, благороднаго общества чуждаются, да кой-что еще заводятъ;

этого-то я смертельно боялась: думаю, будетъ скоро и это,—а убьетъ это Перепетуя Петровну.

— Нѣтъ,—возразила Перепетуя Петровна:—этого-то бы я уже никакъ не допустила, сама бы своими руками расплескала рожу, хоть купчиха какая будь.

— Гдѣ, матушка, теперь Лизавета Васильевна?

— Съ мужемъ въ деревнѣ теперь живетъ; вы вѣдь, я думаю, слышали, имъ наслѣдство досталось. И какой, можно сказать, благородный человекъ Михайло Николаичъ! Какъ только получилъ имѣніе, тотчасъ же все на дѣтей перевелъ; конечно, Лиза настояла, но другой бы не послушался. Она-то, голубушка моя, все хилѣетъ, особенно послѣ смерти брата.

— Какъ Павла-то Васильича имѣніе теперь?

— Все женѣ отдалъ, еще при жизни сдѣлалъ ей купчую. Владиміръ Андреичъ пріѣзжаетъ ко мнѣ благодарить, а я, признаться сказать, прямо выпечатала ему: какъ бы, говорю, тамъ ни понимали покойника а онъ былъ добрый человекъ; дай Богъ Юліи Владиміровнѣ нажить мужа лучше его, пусть теперь за Бахтіарова пойдетъ, да и посмотреть.

— Да, гдѣ его взять-то теперь? Въ Одессу уѣхалъ, провалиться бы ему съ головой, проклятому. Не любила, судариня, этого человека,—точно разбойникъ какой! Сколькимъ онъ, можно сказать, неприятностей сдѣлалъ? Вотъ, хоть бы между нами сказать, вы, вѣдь, на меня не разсердитесь, какъ и Лизавету-то Васильевну онъ срамилъ!

— Не говорите лучше мнѣ про этого мерзавца, чтобы околѣть ему, проклятому...

— Вѣдь этакой былъ, можно сказать, безстыдный

человѣкъ. Послѣ этой исторіи, какъ я слышала, началъ опять ѣздить къ Михайлу Николаичу. Хорошо, что, вѣдь, Лизавета-то Васильевна женщина съ характеромъ — просто не велѣла его пускать въ домъ, да и только; а то, вѣдь, пожалуй, и тутъ что-нибудь бы было.

Апрѣля 29,
1850 года.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНИЕ II ТОМА

СВЯТЫНА

F

24.186/1-2